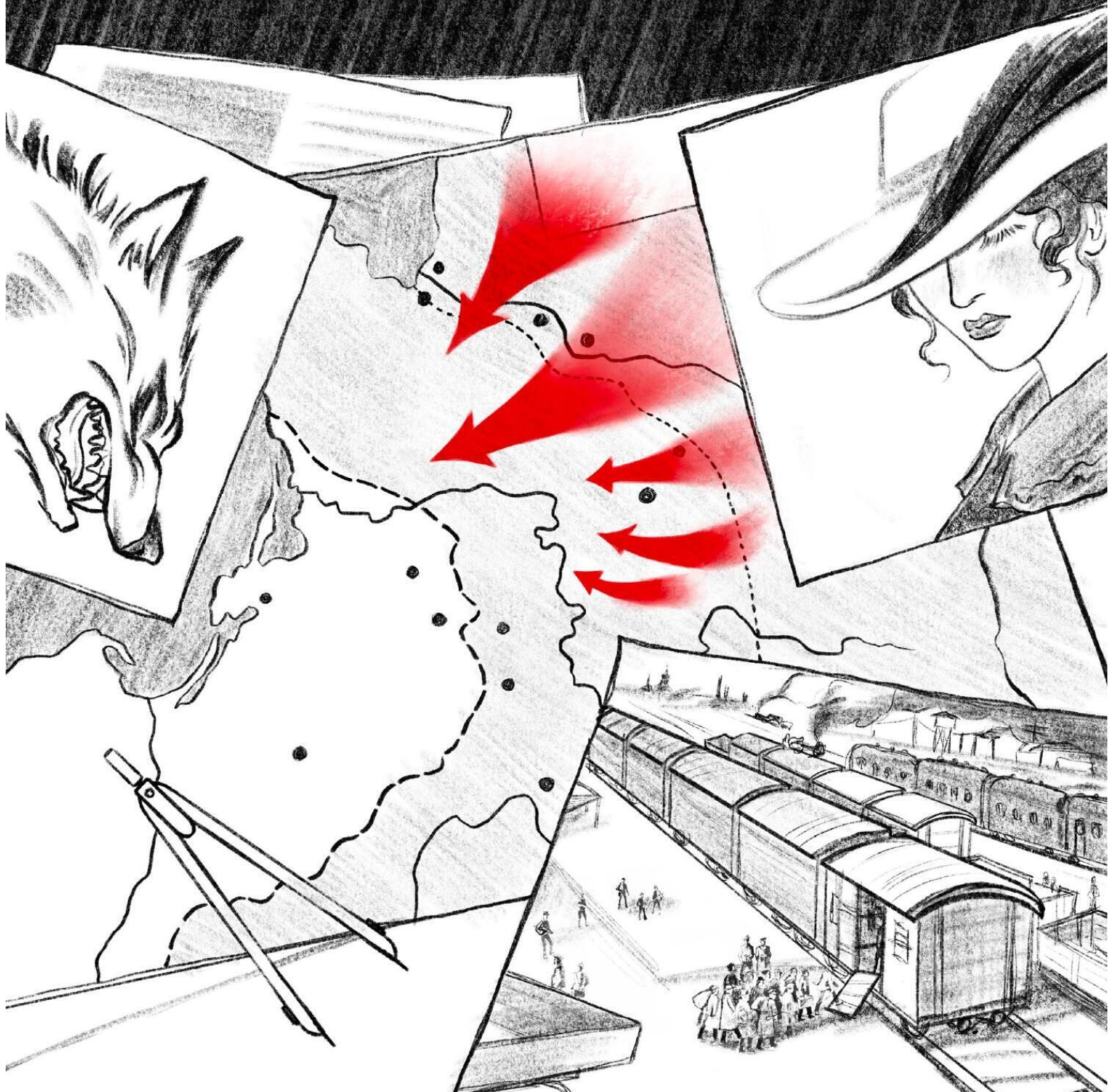

Евгения Якушина

Триключения Руднева

ПАНТЕОН ОБОРОТНЕЙ

Приключения Руднева

Евгения Якушина

**Пантеон оборотней.
Приключения Руднева**

«Автор»

2023

Якушина Е.

Пантеон оборотней. Приключения Руднева / Е. Якушина —
«Автор», 2023 — (Приключения Руднева)

Первая мировая война сотрясает Европу. Политики, шпионы, дельцы, псевдопатриоты и прочие прохвосты всех мастей ведут в этой кровавой игре свою партию. В такой смуте легко прятать преступления и скрывать свою звериную сущность под благодравной маской. А может быть, под маской прячется и вовсе потусторонняя сила? Руднев с друзьями берутся разгадать загадку, оказавшуюся не по зубам спецслужбам, и сталкиваются со злом, природа которого едва-едва укладывается в рамки разумной реальности.

© Якушина Е., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	20
Глава 4	26
Глава 5	34
Глава 6	41
Глава 7	48
Глава 8	54
Глава 9	59
Глава 10	64
Глава 11	73
Глава 12	78
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Евгения Якушина

Пантеон оборотней. Приключения Руднева

Глава 1

Вечер в доме графа Каменского проходил в той странной патетичной атмосфере, которая после Сараевского выстрела¹ стала обычной для всякого московского светского мероприятия. Желая перешеголять столицу в патриотизме, что уж сложно было сделать после того, как величайшим повелением в одночасье обрусел немецкий отзвук её славного имени², высший свет Первопрестольной ввёл среди себя моду на споры о военных кампаниях, анекдоты про Вильгельма II, критику «Сердечных» союзников³, а также на русский язык, Глинку, «Севастопольские рассказы» и обязательность мундиров да орденов во всяком приличном собрании. Великая война требовала от общества великих настроений, и пусть даже подпитывались они в последние полгода не выдающимися победами, а значимыми ошибками и потерями.

Граф Фёдор Андреевич Каменский был одним из тех, кто в первые же дни войны гордо поднял и теперь самоотверженно нёс знамя патриотизма. Он основал добровольческое общество «Русичи», видевшее своей задачей всячески способствовать скорейшей победе России в первую очередь за счёт значительных пожертвований его членов на нужды фронта и военной науки, а также за счёт браваурной риторики, рупором которой стал издаваемый обществом журнал «Жизнь за царя».

Графиня Анна Романовна Каменская поддержала благородное начинание своего супруга и, в свою очередь, учредила «Союз русских жён», в который за одну неделю вступило около сотни благородных дам и девиц самых звучных московских фамилий. «Русские жёны» собственноручно вязали душегрейки и рукавицы, резали бинты, собирали посылки на фронт с консервами, конфетами и образкам, а также писали доблестным воинам прочувствованные письма. Помимо того, каждая вторая из участниц женского союза прошла курсы сестёр милосердия при Лефортовском госпитале, и каждая третья ходила там же за ранеными.

Два раза в месяц в доме Каменских проходили званые вечера, на которые обязательно приглашались либо политики, либо военачальники, имена которых не сходили с газетных страниц или, напротив, были глубоко засекречены, но всем и каждому было доподлинно известно, что его высокопревосходительство господин такой-то первый человек в кабинетах власти и именно от него зависит, как далее будут развиваться события на театре военных действий.

На этот раз с приглашенной персоной вышла какая-то накладка. Фёдор Андреевич многозначительно намекал, что почётный гость, де, был срочно вызван к «самому», и это снимало всякие вопросы, но всё-таки несколько ломало заведенные правила. Поэтому хозяевам самим пришлось задавать тон беседам и придумывать для гостей дополнительные развлечения. Особенно усердствовала в этом энергичная Анна Романовна, так что кое-кто из гостей через некоторое время начал аккуратно избегать её навязчивой активности. В числе таковых был и Дмитрий Николаевич Руднев, представляющий для хозяйки вечера особый интерес, связанный, правда, с идеями не патриотическими, а матримониальными, имеющими прямое отношение к дочери Каменских, очаровательной девятнадцатилетней Татьяне Фёдоровне.

¹ 28 июня 1914 года в Сараево боснийский серб Гаврило Принцип убил наследника австро-венгерского престола эрцгерцога Фердинанда и его морганатическую супругу Софию Хотек, что послужило формальным поводом к началу Первой мировой войны.

² 18 (31) августа 1914 года Николай II высочайшим повелением переименовал Санкт-Петербург в Петроград.

³ В 1891 году Россия и Франция заключили военный союз под названием «Сердечное согласие» (фр. Entente Cordiale – Антанты), к которому в 1907 году официально присоединилась Англия.

Крайне редко посещающий светские приемы, Дмитрий Николаевич был одним из перспективнейших московских холостяков. Помимо того, что он носил славное и благородное имя, а также имел весьма солидное состояние, Руднев был известным художником, писавшем в волнительном и модном романтическом стиле английских прерафаэлитов, а в добавок к этому слыл едва ли не личным сыщиком при самих Романовых, расследующим дела исключительно по высочайшему повелению, за что был отмечен личными благодарностями государя, чином камер-юнкера, а также орденами Анны второй степени, Святого Александра Невского и Владимира третьей степени.

Дмитрий Николаевич и впрямь занимался расследованиями, но государственной службы не нёс, сотрудничая на общественных началах с разными специальными службами, в первую очередь с московской сыскной полицией. Он действительно был отмечен августейшей милостью, но никогда не распространялся, за какие именно заслуги. Руднев вообще не любил рассказывать о сыскной стороне своей жизни, обозначая себя в обществе исключительно как художника, и такие таинственность и скромность значительно подогревали слухи о его невероятных заслугах.

Впрочем, Руднев давал и другие поводы для сплетен, занимательных преимущественно для дамских салонов. Там частенько с интересом обсуждали, кто из московских красавцев в настоящее время служит художнику-романтику музой, как долго на этот раз продлится роман, и есть ли у избранницы шанс провести Дмитрия Николаевича вокруг аналоя. До венца дело никак не доходило, и потому почтенные мамыши, у которых имелись дочери на выданье, держали ухо остро, а сами барышни украдкой вздыхали по таинственному господину Рудневу.

Дмитрий Николаевич женщинам исключительно нравился. Невзирая на своё избегание светских мероприятий, Руднев обладал изысканными манерами и был крайне обаятельным и приятным кавалером. Он умел тонко пошутить и сделать галантный комплимент, был чрезвычайно эрудирован и прекрасно образован, а кроме того, имел очень привлекательную наружность.

Разменяв до половины четвертый десяток, Руднев сохранил юношескую легкость фигуры и движений, и, хотя был невысокого роста, выделялся гордой осанкой и благородной статью. Лицо его было на редкость правильным, словно точёным, и в обрамлении светлых, чуть более длинных, чем предписывала мода, волос, напоминало рыцарский образ со средневекового портрета. Более же всего дамские сердца волновали глаза Дмитрия Николаевича. Большие, серые, как раухтопаз, они обычно смотрели на мир рассеянно и туманно, но в иные моменты взгляд их делался острым и пронизательным, проникающим в самую душу собеседника.

Единственный свой внешний изъян – уродливые шрамы от ожога, покрывавшие его правую руку от плеча до кончиков пальцев – Дмитрий Николаевич скрывал под перчаткой, которую носил постоянно и никогда на людях не снимал. Однако и эта его черта, по мнению женщин, придавала облику Руднева лишь дополнительный шарм и привлекательность.

На прием к Каменским Дмитрий Николаевич явился во фраке. Патриотический пафос ему претил, да и придворный мундир казался уместным лишь на императорском приёме. Единственной его уступкой возведенному в правила светского этикета отечестволюбию был Владимирский крест на шее, о чём он, правда, тоже скоро пожалел, так как это провоцировало вопросы, обсуждать которые он не имел ни малейшего желания.

Лавируя среди гостей и с опаской поглядывая в сторону хозяйки вечера, Руднев нетерпеливо смотрел на часы и с каждой минутой всё более проникался намерением уйти. Остановило его только то, что пришёл он сюда ради встречи с другом детства, о которой тот попросил краткой, но убедительной запиской.

Товарищ всё никак не появлялся.

Наконец в зал вошёл видный господин лет тридцати пяти – сорока с умным, породистым лицом и выправкой, выдававшей в нём, несмотря на фрак, офицера. Найдя взглядом Руднева,

вновь прибывший дружески махнул и поспешил к Дмитрию Николаевичу через залу, по ходу пожимая руки знакомым мужчинам и любезничая со всеми дамами поголовно.

Это был князь Павел Сергеевич Вяземский, подполковник Генштаба, вроде как служивший эполетным украшением при одной из российских дипломатических миссий в Европе, а на самом деле занимающийся куда как более серьёзными делами.

Семья Вяземских состояла в родстве с Рудневыми. Будучи ребёнком, Павел Сергеевич вместе с родителями частенько гостил в родовом имении Рудневых в Милюкове и крепко дружил с юным Дмитрием Николаевичем. Позже дороги их разошлись. Вяземского отправили в Пажеский корпус, после которого тот несколько лет служил в гвардейском полку, а затем поступил в академию Генштаба и блестяще её окончил. Руднев же остался в Москве, отучился в классической гимназии и получил в московском университете диплом с отличием по юридической специальности.

– Сколько лет, сколько зим! – радостно провозгласил Вяземский, заключая Руднева в объятия. – Это же когда мы с тобой, Дмитрий Николаевич, в последний раз виделись?

– Да уж лет пять как, – отозвался Руднев, отвечая на крепкое рукопожатие. – Ты, Павел Сергеевич, тогда, помнится, при аксельбантах был. А нынче что же? Ваше сиятельство инкогнито?

– Моему сиятельству по нынешним временам не пристало эполетами сверкать и орденами звенеть, – уклончиво отозвался князь и тихо добавил: – Спасибо, Митя, что согласился встретиться.

Павел Сергеевич взял Дмитрия Николаевича под руку и отвёл немного в сторону от основной массы гостей.

– Отчего же ты, Паша, ко мне не пришёл? – спросил Руднев. – Мы бы там приятно посидели и поговорили приватно. А здесь вон сколько глаз и ушей.

– Глаза и уши – это то, что надо! – заверил Вяземский. – Пусть видят и слышат, как я рад *случайной* встрече со старинным другом.

– *Случайной?*

– Исключительно!

– Вот значит, как? Выходит, ты, Павел Сергеевич, хотел меня увидеть не просто как старинного друга?

– Я тебя, Митя, во многих качествах видеть желал! – заверил князь, хлопнув Дмитрия Николаевича по плечу.

– Будет рисоваться! – фыркнул Руднев. – Излагай давай.

Вяземский взял с подноса подошедшего официанта два бокала с шампанским, отдал один Дмитрию Николаевичу и с искренней прочувствованностью сказал:

– Давай, Митька, за встречу выпьем!

Они выпили, и Павел Сергеевич оттеснил Руднева ещё дальше от гостей.

– Мне нужна твоя помощь, Митя, – сказал он уже ровно и деловито, но сохраняя на лице восторженную улыбку. – Дело очень странное и, боюсь, нехорошее... Ты пей, Митя, пей... И не смотри на меня так серьёзно...

– Пашка, я твоим шпионским штучкам не обучен! Лицом играть не умею! – возмутился Руднев наущению князя.

– Вижу, что не умеешь, потому и говорю – пей, – не сморгнув, ответил подполковник и, не меняя интонации, продолжил: – Вопрос касается государственной безопасности ...

– Паша, дальше не продолжай! Я за такие дела не берусь! Тебе это отлично известно! Мои компетенции лежат в области уголовного криминала, а политика и военная разведка – это уже не моя стезя. Я в этом ничего не смыслю, и от того не занимаюсь.

– Тоже мне чистоплюй нашёлся! – рассмеялся Вяземский, звонко приложив свой бокал к бокалу Руднева. – Допивай!

Дмитрий Николаевич подчинился, и тут же у него в руке оказался новый бокал.

– По твоей конспиративной легенде мы должны напиться? – уточнил он у Павла Сергеевича.

– Зачем напиваться-то? – хмыкнул тот. – Достаточно будет и того, чтобы мы были навеселе. И пока мы этой кондиции не достигли, слушай.

– Сказано тебе, политикой я не занимаюсь!

– Ты ей, может, и не занимаешься, да только при сегодняшнем раскладе, Дмитрий Николаевич, она сама всеми занимается. Так что не вороти нос! Тем более, что твой послужной список мне отлично известен, и просто так, за здорово живешь, я бы к тебе не пошёл. Мне нужен именно ты!

– У тебя целый Генштаб, министерство иностранных дел и прочее разное, о чём я даже не слыхивал! – Дмитрий Николаевич сделал ещё одну попытку урезонить князя. – На что тебе заштатный московский сыскарь?

– На то, что ты лучший! Ты сможешь это распутать!

– Ох, Пашка! Знаю я чего твои комплементы стоят! Всегда ты так делал! Ещё в Милюкове! Напоёшь в уши, я, как дурак, поведу на твою затею, а потом мне влетит по первое число!

Павел Сергеевич весело рассмеялся.

– Было дело! – признался он. – И неоднократно... Помнишь, как мы с тобой стащили охотничьи ружья и собрались в Америку бежать? А твой воспитатель нас поймал... Этот... Как его?.. Немец...

– Белецкий, – подсказал Дмитрий Николаевич.

– Точно!.. Он нас за эту выходку заставил пять кругов вокруг большого пруда бежать. Я в позу встал! Говорю, я князь! А он: «Простите, ваше сиятельство! Как-то я не подумал... Раз князь, вам еще два круга причитаются...» Понимал же, ирод, что я жаловаться никому не стану! Мне бы батюшка вдвое прописал: и за проделку, и за жалобу... Эх! Хорошие были времена! А, Митька?

– Хорошие, Паш! Хорошие, – поддержал Руднев и со вздохом добавил: – Рассказывай уж давай, что у тебя там за история приключилась.

– За хорошие времена! – провозгласил Вяземский, и подскочивший официант снова сменил им пустые бокалы на полные.

Покуда расторопный малый крутился подле друзей, Дмитрий Николаевич окинул взглядом зал, оценивая безопасность своей диспозиции относительно снова что-то затевавшей графини Каменской, и вдруг обратил внимание на неизвестную ему даму.

Незнакомка была, пожалуй что, красива, но не той очевидной, всем понятной миловидностью, а изысканной дерзкой привлекательностью сильных и неординарных натур. Черты её лица были немного жёсткими, подбородок и складка губ – упрямыми, взгляд удивительно ярких синих глаз – умным и волевым. Женщина двигалась легко и грациозно, улыбалась естественно, без тени жеманства.

Одета незнакомка была с той элегантной простотой, которая однозначно свидетельствует о хорошем вкусе и достатке. На ней было густо-синее шёлковое платье с тонкой серебряной вышивкой по подолу. Лаконичный крой туалета выгодно подчёркивал изящество фигуры, а глубокий изысканный оттенок как нельзя лучше подходил к пышным темным волосам с благородным каштановым отливом. Из украшений на женщине были лишь богатая жемчужная нить из крупных розоватых бусин и накинутая на точёные плечи легкая серебристая шаль.

Незнакомка, казалось, заметила взгляд Дмитрия Николаевича, обернулась в его сторону и улыбнулась. Руднев ответил ей лёгким поклоном.

– Хороша, не правда ли? – спросил Вяземский, проследив взгляд друга.

– Да, – рассеяно ответил Руднев. – Божественна!

Князь хохотнул:

– Что, Митька, уже думаешь, как бы её на портрет уговорить? Кабы я имел твой талант, изобразил бы её в образе феи Морганы или Медеи...

– Кто она? – спросил Руднев, не обращая внимание на подшучивания Вяземского.

– Ты не знаешь?! Тебе, Митя, почаще нужно в люди выбираться!.. Она по происхождению француженка. Зовут Шарлотта Атталъ, вдова швейцарского фабриканта-миллионщика. Прежде чем стать супругой мэтра Атталъ, прекрасная Шарлотта успела побывать баронессой Монфор-л'Амори. Старый барон годился ей в дедушки, но щедро вознаградил свою *de joie* (*фр. отраду*) завидным наследством. О более юных годах мадам ничего доподлинно не известно.

– Что же госпожа Атталъ делает в Москве?

– После смерти мужа она взяла в управление его предприятия и вот теперь приехала договариваться о каких-то совместных делах с Павлом Павловичем Рябушинским⁴.

– Откуда ты, Паша, про неё столько знаешь? – удивился Дмитрий Николаевич.

– Служба такая, – усмехнулся подполковник. – А хочешь, Митя, я тебя ей представлю?

И, не дожидаясь ответа, Павел Сергеевич потащил Руднева через залу в сторону госпожи Атталъ, которая всё это время с интересом наблюдала за друзьями и улыбалась.

– Не передать словами, как я рад вас видеть, мадам! – по-французски воскликнул Вяземский и поцеловал благосклонно протянутую руку.

– Я тоже очень рада нашей встрече, князь, – ответила вдова фабриканта глубоким мелодичным голосом.

– Позвольте представить вам моего друга, – бравурно продолжал Павел Сергеевич. – Это господин Руднев Дмитрий Николаевич. Человек исключительных достоинств и знаменитый художник!

Руднев поклонился.

– Для меня огромная честь познакомиться с вами, мадам! И не слушайте моего друга! Он слишком щедр на эпитеты в мой адрес.

Мадам Атталъ протянула Дмитрию Николаевичу руку и рассмеялась.

– Я знаю о вас, господин Руднев, – произнесла она, неожиданно перейдя с французского на вполне хороший русский язык, слегка приправленный приятным мягким акцентом. – Мне очень нравится ваша живопись. Я видела ваши работы ещё в Париже. Они похожи на английский модерн, но куда более живые и чувственные... Это так по-русски...

– Благодарю вас, мадам, – Руднев перешёл на родной язык. – Я тронут столь лестной оценкой с вашей стороны! А ещё я восхищен вашим великолепным русским языком! Где вы ему так хорошо обучились?

– Мой покойный муж имел тесные деловые связи с вашей империей. Мы часто бывали в России, и к нам приезжали русские партнёры. Я воспользовалась этой возможностью, чтобы выучить язык. Он очень красив, как и русские мужчины.

– Особенно, русские князья, – ввернул Вяземский и снова исхитрился поцеловать француженке руку.

– Ах, мой милый *le prince Paul* (*фр. князь Павел*)! – рассмеялась мадам Атталъ. – Вы, как это у вас правильно говорят?.. Пробка для любой бутылки...

– В каждой бочке затычка, – с улыбкой поправил Руднев.

Дмитрий Николаевич настолько был увлечён новым знакомством, что утратил бдительность и совершенно упустил из виду хозяйку вечера, которая внезапно возникла рядом с ним и взяла его под руку.

⁴ Павел Павлович Рябушинский – российский предприниматель, банкир, старообрядец, общественный и политический деятель.

– О! Дмитрий Николаевич, наконец-то я вас нашла! – слащаво промурлыкала графиня. – Извините меня, господа! Князь! Мадам! Но я намереваюсь похитить у вас господина Руднева.

Наградив Вяземского лучезарной улыбкой, а госпожу Атгаль кислой миной, Анна Романовна решительно увлекла Дмитрия Николаевича за собой.

– Дорогой мой друг, – говорила она, цепко держа пленника своей пухлой холёной ручкой. – Вы нужны нам для крайне серьёзного эксперимента.

– Почту за честь быть вам полезным, сударыня! – обреченно отвечивал Руднев. – Что же за эксперимент вы желаете осуществить?

– Мы хотим провести спиритический сеанс, – с несколько преувеличенным восторгом объявила Каменская. – Вы знали, что наша Танечка – великолепный медиум?

– Нет, графиня, я не знал, что среди многочисленных талантов Татьяны Фёдоровны есть и такой выдающийся дар...

– Да-да! Вы правильно сказали, Дмитрий Николаевич! Именно выдающийся! И мы намерены воспользоваться им, чтобы призвать дух Фридриха Барбаросса⁵ и спросить славного воина минувших веков, когда же закончится эта ужасная война.

– Как это интересно! – неубедительно восхитился Руднев. – Но боюсь, для подобного опыта я совершенно не подхожу! В вопросах мистицизма я абсолютно бездарен!

– Что вы! Я чувствую, какая у вас сильная аура! Вы сможете помочь нашей девочке установить контакт с духовной сущностью. И, кроме того, вы хорошо знаете немецкий и будете переводить нам послание древнего короля.

– Сударыня, Фридрих Барбаросса изъяснялся на средневерхненемецком. А я не силен в архаичных наречиях!

– Да будет вам, Дмитрий Николаевич! – Анна Романовна игриво хлопнула Руднева веером по руке. – Я уже всё решила! Вы участвуете!

Дмитрию Николаевичу ничего не оставалось, как смиренно повиноваться.

Графиня Каменская отвела его в комнату, соседствующую с большой гостиной. Там во всю шло приготовление к мистическому ритуалу: слуги опускали на окна глухие портьеры и расставляли на круглом столе канделябры с горящими свечами, участники сеанса рассаживались, зрители перешёптывались, занимая места на почтительном расстоянии от стола.

Анна Романовна усадила Руднева рядом со взволнованной и смущённой дочерью.

– Ах, маменька! – пролепетала девица, заливаясь целомудренным румянцем. – А вдруг ничего не получится!

– Ну, что ты, дорогая! – уверенно заявила графиня, соединяя руки Татьяны Фёдоровны и Дмитрия Николаевича. – Тебе поможет господин Руднев. Чувствуешь, какая у него аура?!

Юная графиня окончательно смешалась и уже едва не плакала, так что Дмитрию Николаевичу и впрямь пришлось прийти ей на помощь.

– Не волнуйтесь, Татьяна Фёдоровна! В крайнем случае обещаю вам подыграть, – шепнул он девушке на ухо. – Просто несите какую-нибудь околесицу на смеси немецкого и латыни, а я якобы стану это переводить и незаметно пихать стол. Все в таком предвкушении, что разоблачение нам с вами не грозит!

Каменская-младшая прыснула смехом, а внимательно следившая за ней мать, занявшая стратегическую позицию по другую руку от дочери, победно просияла и торжественно объявила:

– Господа, мы начинаем! Прошу соблюдать тишину!.. Участники сеанса, закройте глаза, возьмитесь за руки и сосредоточьте свою гетеротетическую энергию на медиуме и её помощ-

⁵ Фридрих Барбаросса – Фридрих I Гогенштауфен, король Германии и император Священной Римской империи, правивший в XII веке и прославившийся многочисленными военными победами. Является признанным классиком военного средневекового искусства. Именно в честь него был назван план нападения Германии на СССР в 1941 году.

нике. Я чувствую, что у нас должно получиться! Сегодня грань между нашим миром и миром духов особенно тонка!

В зале воцарилась гробовая тишина так, что было слышно, как изредка шипит воск на свечах и шуршит атлас дамских платьев.

Руднев послушно закрыл глаза и ободряюще пожал холодную трепещущую девичью руку. Татьяна Федоровна тоже ответила робким пожатием и звонким, слегка дрожащим голосом провозгласила:

– О, великий дух! Повелитель древней империи! Ответь на зов ныне живущих!

Ничего не происходило, а тишина сделалась практически осязаемой. Руднев почувствовал, что юная Каменская начала дрожать.

– Попробуйте по-немецки, сударыня, – произнёс он пафосно. – Я стану вам подсказывать... Großen König! Erscheine vor uns und Antwort! (*нем. Великий король! Предстань перед нами и ответь!*)

Едва он успел договорить, как напряжённую тишину разорвал отчаянный крик, раздавшийся из большой гостиной. Руднев на мгновение замер со всё ещё закрытыми глазами, а потом, опомнившись, первым бросился в соседнюю залу.

Гости, не заинтересовавшиеся спиритическим сеансом и остававшиеся в гостиной, столпились в её центре вокруг чего-то, что, очевидно, и являлось причиной всеобщей тревоги. Истеричный женский голос звал на помощь, ему вторил мужской, требующий вызвать доктора.

Дмитрий Николаевич растолкал всполошённую толпу и, к своему ужасу, увидел, что причиной всеобщего смятения является его друг князь Вяземский.

Павел Сергеевич лежал на полу и бился в судорогах. Красивое лицо исказилось и посинело, на губах выступила кровавая пена, глаза остекленели. Тело подполковника изгибалось, руки со скрюченными пальцами скребли пол. Правая рука была окровавлена и загребала осколки разбитого бокала.

– Пашка! – воскликнул Руднев и кинулся к другу. – Врача! Быстрее врача!

Однако Дмитрий Николаевич уже наверняка знал, что врач здесь бессилён. Рудневу случилось видеть разную смерть, и он не только разумом, но каким-то почти животным чутьём понимал, что Вяземский умирает, и помочь ему уже нельзя.

Упав на колени, Дмитрий Николаевич обхватил голову друга и придерживал её, не давая биться об пол.

– Паша!.. Паша!.. Как же это?! – шептал он. – Кто тебя так?

Внезапно глаза офицера Генштаба приобрели осознанность. На короткое мгновение сквозь невыразимую муку в них мелькнуло узнавание. Вяземский разжал оскаленные зубы, сиюминутно что-то произнести.

– Что, Паша? Что?!

Руднев склонился к самым губам бившегося в агонии друга.

– Ве...вер...вольф... – прохрипел Павел Сергеевич.

Тело его резко скрючилось, а потом так же стремительно вытянулось в полный рост и обмякло.

Князь Павел Сергеевич Вяземский был мёртв.

Разом осознав это, Дмитрий Николаевич обмер. Он был не в силах ни шелохнуться, ни вздохнуть.

Из оцепенения его вывело легкое прикосновение.

Шарлотта Атталь положила Рудневу руку на плечо.

– Il est mort... (*фр. Он умер...*) – тихо и скорбно произнесла она и накинута на лицо покойного свою серебристую шаль.

С превеликим трудом Дмитрий Николаевич заставил себя разомкнуть руки и выпустить голову мёртвого друга.

– Вызовите полицию! – приказал он глухим голосом, поднимаясь на ноги. – И закройте все двери... В доме произошла смерть при подозрительных обстоятельствах...

Глава 2

Коллежский советник Анатолий Витальевич Терентьев, помощник начальника московской сыскной полиции, мерил шагами библиотеку в доме графа Каменского и бросал косые тревожные взгляды на застывшего в кресле Дмитрия Николаевича. Руднев выглядел профессионально собранным и хладнокровным, но Анатолий Витальевич видел и понимал, что, несмотря на демонстрируемое Дмитрием Николаевичем самообладание, в душе у того творится ад.

Терентьев знал Дмитрия Николаевича с тех ещё времён, когда тот только-только закончил гимназию. И именно Анатолий Витальевич привлёк Руднева уже после окончания университета к сотрудничеству с сыскным управлением. Вместе они расследовали много тяжких и жестоких преступлений, не раз на пару рисковали жизнью и прикрывали друг другу спины, так что на поверку были они давними и верными друзьями.

– Дмитрий Николаевич, – в который уже раз, лишь слегка меняя формулировку, спросил коллежский советник, – отчего вы так уверены, что смерть его сиятельства носит насильственный характер?

– От того, что его абсолютно точно убили! – с явственным оттенком раздражения ответил Руднев. – Это отравление, Анатолий Витальевич!

– Свидетели, присутствующие при последних минутах Вяземского, описывают симптомы, крайне схожие с эпилептическим припадком...

– Анатолий Витальевич! Павел Сергеевич – подполковник Генштаба... был им... Он не то в разведке, не то в контрразведке служил. Туда с падучей не берут!

– Ну, так, может, сердце? Вы же сами знаете, как оно бывает. Был человек и нет человека...

– Вот именно! Я отлично знаю, как выглядит сердечный приступ! И это был не он! У Вяземского были конвульсии, и пена изо рта шла...

– Так агония...

– Анатолий Витальевич! Прекратите, ради бога!.. Пашка... Павел Сергеевич умер у меня на руках!..

– В вашем случае, друг мой, это заявление достоверности показаниям, как вы понимаете, не добавляет! – хмуро отрезал коллежский советник.

Руднев хотел было что-то возразить, но осёкся. Терентьев был прав, тот факт, что Дмитрий Николаевич стал непосредственным свидетелем смерти князя, только усиливал сомнения в его точке зрения.

Дмитрий Николаевич Руднев, признанный мастер сыска, проявляющий в экстремальных ситуациях исключительную выдержку и отвагу, как это ни парадоксально, всю свою жизнь страдал некрофобией, причём в той степени, что при виде мертвеца мог запросто лишиться чувств. Он приходил на место преступления только тогда, когда оттуда убирали трупы, и никогда не присутствовал при аутопсии. Жертвы он исследовал исключительно по фотографиям и прозекторским рапортам.

– Анатолий Витальевич, давайте рассуждать по-другому, – предложил Руднев. – Ошибаюсь я или нет, мы узнаем только после аутопсии и Стаса-Отто⁶ который и полторы недели занять может. Если я прав... А я, чёрт возьми, прав!.. Так вот, если я прав, к тому моменту, когда мы в этом убедимся, след преступника уже простынет. Ну, а если все-таки окажется, что Вяземский своей смертью умер, то...

⁶ Метод Стаса-Отто – метод определения ядов, применяемый в криминалистике. Получил своё название в 1856г. в честь двух химиков: бельгийца Жана Серве Стаса и немца Фридриха Юлиуса Отто.

– То мы потратим уйму времени на бессмысленное расследование и взбаламутим высшее московское общество! И это ещё наименьшее зло! – сердито закончил Анатолий Витальевич.

– А что вы видите как наибольшее?

Анатолий Витальевич не ответил, а лишь что-то хмуро буркнул себе под нос.

– Хорошо, – сказал он наконец. – Давайте с самого начала. Вы сказали, что князь просил вас о встрече?

– Да, он прислал мне записку, – подтвердил Руднев.

– Что в ней было?

– Там дословно было написано: «Стид Боннет намерен свистать наверх сэра Галахада на борту «Графа Каменского»»⁷. Дальше стояла сегодняшняя дата.

– Что, простите?! – опешил Терентьев.

– В детстве мы с Вяземским придумали себе прозвища, – объяснил Руднев. – Он был Стид Боннет, а я сэр Галахад... Не важно!.. Он использовал детские прозвища в записке, чтобы я понял, что у него ко мне какое-то важное дело... Важное и секретное!

– Понятно... И что это было за дело?

– Он не успел ничего мне рассказать. Только намекнул, что дело касается государственной безопасности.

– Час от часу не легче!..

– Я сказал ему, что госбезопасность – не мой профиль...

– И поэтому он не стал продолжать разговор?

– Нет, – Дмитрий Николаевич задумался. – Он тщательно ломал комедию, изображал неожиданную встречу друзей... О деле же несколько раз принимался говорить, но потом прерывался... Я теперь начинаю думать, что, возможно, он опасался чьих-то глаз.

– Хотите сказать, он опасался кого-то конкретного?

– Вполне вероятно...

– Вы что-то заметили? Имеете кого-то на примете?

– Нет. Гостей было много, я не обращал внимания.

В голосе Руднева послышалась такая горечь, что Терентьев поспешил утешить друга.

– Дмитрий Николаевич, с чего бы вам за людьми следить! Вы же не могли знать, что такое случится... Лучше на другой вопрос мне ответьте. Князь что-нибудь пил или ел?

– Шампанское пил. Мы вместе пили.

– Кто ему подавал?

– Официант. Подносил на подносе несколько бокалов. Павел Сергеевич сам брал два и один мне отдавал. Пока я был при нём, мы выпили по два бокала и взяли ещё по одному. Чтобы он пил из третьего, я не видел и не знаю, брал ли ещё, когда я ушёл с графиней духов вызывать.

– Вяземского, выходит, спиритический сеанс не заинтересовал?

– Именно так. Я оставил его в гостинной в обществе Шарлотты Атталы.

– Шарлотта Атталь, – повторил Терентьев и записал. – Вы её хорошо знаете?

– Нет. Павел Сергеевич нас как раз только познакомил.

– Значит, придётся выяснять, что за мадам такая... Ладно, вернёмся к шампанскому. Как, по-вашему, Руднев, яд мог быть добавлен в бокал и целенаправленно подsunут князю?

– Уверен, что нет! Вероятность того, что отравленное шампанское попало бы в какие-то определенные руки, была крайне низка. Но, возможно, ему уже без меня яд подали.

– Такое мне тоже кажется сомнительным! – возразил Терентьев. – Слишком открыто! Выходит, версия с отравлением в ходе приёма не очень-то убедительна...

⁷ Стид Боннет – знаменитый английский пират XVII–XVIII вв., вошедший в историю как «пират-джентльмен». Сэр Галахад – один из рыцарей Круглого стола, прославившийся своей нравственной чистотой, искатель Святого Грааля.

– Да почему же вы, Анатолий Витальевич, так упорно отметаёте убийство! – взорвался Руднев.

Спокойно выдержав гневный взгляд друга, коллежский советник с расстановкой ответил.

– Потому, что их светлость был подполковником Генштаба и по вашим же словам имел прямое касательство к разведке. А ещё потому, что он хотел вашей помощи в каком-то тёмном политическом деле. И, главное, потому, что он ваш друг, и вы ни за что не отступитесь и станете землю рыть в поисках убийцы.

– Я не понимаю вас, Анатолий Витальевич!

– А я вам на примере объясню! – коллежский советник тоже стал распляться. – Тут вот на прошлой неделе провели мы облаву по Грачёвским бардакам. Совсем там девки распоясались. Каждая вторая марьяжит⁸. Определили аж полторы дюжины мамзелей, и тут мне звонок от его превосходительства чиновника каких-то там совсем особых поручений господина Лисякина. Излагает он мне, что есть основания подозревать появление шпионской гнили в славных рядах московских шалав, вследствие чего мне с самого верха предписано этих самых агенток незамедлительно ему – Лисякину – передать. Я, конечно, к требованию такому с полным пониманием. Кого, говорю, вам, ваше превосходительство, в казематы ваши велите препроводить? А он и отвечает: «Всех!». Я такому-то повороту изумился. Неужто все, говорю, шпионки? Лисякин давай визжать, что аж телефон вскипел: «Не вашего, – говорит, – господин коллежский советник, ума дело! Исполняйте, что велено!» Тут уж и я завёлся. Отвечаю ему: «Девочка вам, само собой, направлю. Но вам в одиночку с таким количеством... легкомысленных барышень... не сдюжить...» Грубее, понятное дело, выразился... А на следующий день получил я от Аркадия Францевича⁹ такой разнос, что глаза поднять не смел, будто гимназистка. Орал он на меня благим матом, а как малость остыл, поведал, что через какие-то там свои связи перехватил бумагу, адресованную куда надо, в которой доходчиво так было изложено подозрение, что коллежский советник Терентьев Анатолий Витальевич является германским агентом, и за ним должен быть установлен специальный надзор. Бумагу эту Аркадий Францевич, само собой, в ретирадное (*уст. уборная, туалет*) определил, но и ему по кляузе этой ответ держать пришлось.

– К чему вы мне все это рассказываете, Анатолий Витальевич?

– А к тому, дорогой мой друг, что очень мне хочется донести до вас, как говорят литераторы, общую атмосферу, в которой развивается сюжет. Атмосфера эта, мягко говоря, нездоровая. Всякое дело, даже карманную кражу на базаре, рассматривают нынче через призму шпионских происков. А тут целое убийство подполковника Генштаба!

– Анатолий Витальевич, но ведь убийство же! Шпионами пусть свои службы занимаются, но убийц наша с вами задача ловить!

Терентьев хотел что-то ответить, но тут в библиотеку заглянул младший сыскной чин и передал, что судебно-медицинский эксперт закончил с телом.

– Может, вы домой поедете, Дмитрий Николаевич? – аккуратно спросил коллежский советник. – Все материалы я вам пришлю.

– Я хочу осмотреть место преступления, – резко заявил Руднев и первым направился за младшим чиновником.

У лестницы они столкнулись с двумя санитарами, несшими носилки. Дмитрий Николаевич закусил губу и отвернулся от прикрытого простыней скорбного груза.

Следом за покойником шёл служащий при сыском управлении врач-патологоанатом Алвис Екабсович Петуш.

⁸ Марьяжить (жарг.) – заманивать клиента в руки сообщников для последующего грабежа.

⁹ Аркадий Францевич Кошко с 1908г. по 1915г. возглавлял московскую сыскную полицию.

Судебно-медицинский эксперт был латышом родом из Лифляндского Валка, некогда приехавшим в Москву получать за казённый кошт медицинское образование в университете, да так и осевшим в Первопрестольной.

Личностью доктор Петуш был крайне неординарной. Несмотря на исключительно прикладной характер своей службы Алвис Екабсович тяготел к криминалистической науке и всё своё свободное время посвящал собственным исследованиям и изучению передовых методик, собираемых им со всего света.

Общаться с Петушем как с человеком было достаточно сложно. Он был замкнут и неразговорчив, и любую попытку личных отношений воспринимал с угрюмой неприязнью. Зато, когда дело шло о его служебном долге, Алвис Екабсович преображался и делался вполне открытым и даже словоохотливым. Он умел внятно объяснить и свои выводы, и свои гипотезы, а также с интересом хватался за идеи, высказываемые другими участниками дознания.

Внешность Алвис Екабсович имел малопривлекательную. Весь какой-то нескладный и разболтанный, с непропорционально длинными ногами и руками и с тонкими, невероятно подвижными пальцами, он напоминал жутковатое гигантское насекомое. Образ дополняла всклокоченная блёкло-рыжая шевелюра и бесцветное невыразительное лицо. В довершение к этому Петуш был ещё и сильно близорук, отчего носил очки с толстыми стёклами в грубой роговой оправе. Однако взгляд его светлых вечно прищуренных глаз был так умён и остёр, что преображал невзрачную личину и делал её если не привлекательной, то по крайней мере располагающей.

Анатолий Витальевич к Петушу особых симпатий не испытывал, но как эксперта ценил и мнение его уважал. Оба они понимали, что отношение коллежского советника к патологоанатому имеет определенную предвзятость, поскольку Алвис Екабсович заменил собой погибшего от руки преступника доктора Дягелева, близкого и душевного друга Терентьева. Но, с другой стороны, тот факт, что именно Дягелев рекомендовал Петуша на службу в сыскное, заставил Анатолия Витальевича всё-таки принять этого странного и сложного человека.

– Алвис Екабсович, – обратился Руднев к эксперту, когда носилки с телом Вяземского скрылись за поворотом лестницы. – Ваше первичное заключение?

Петуш поправил очки и уверенно ответил. Говорил он с характерным балтийским акцентом, выделяя придыханием глухие согласные.

– На первый взгляд, смерть от естественных причин. Более всего вероятен приступ эпилепсии. Возможны также скрытая болезнь сердца или закупорка лёгочных сосудов, или остро развивавшаяся патология мозга.

– А отравление?

– Возможен и такой вариант. Но однозначных внешних признаков нет.

– Вы все осколки собрали? – уточнил Дмитрий Николаевич.

– Осколки? – переспросил Петуш.

– Под рукой у князя были осколки от бокала, – пояснил Руднев.

– Нет, Дмитрий Николаевич. Никаких осколков возле труппа не было, хотя рука его и была в порезах. Там вообще не было осколков.

– Точно так, – подтвердил Терентьев. – Меня тоже озадачил тот факт, что рука окровавлена. Не успел вас об этом спросить, Дмитрий Николаевич.

Терентьев повелел позвать старшего из прислуги.

Втроём они прошли в гостиную и склонились над размазанным кровавым пятном на полу. Петуш вынул из кармана марлевую салфетку и стер кровь. На паркете были отчётливо видны царапины.

– Стало быть, кто-то поспешил убрать остатки бокала... – пробормотал Терентьев. – Плохой знак...

В залу вошёл важного вида старик с пышными старомодными бакенбардами, одетый в богато расшитую золотым галуном ливрею. Лицом он был бледен и дрожал, как осиновый лист.

– Кто повелел вымести осколки? – без предисловий спросил коллежский советник таким тоном, что слуга враз уяснил, что отпираться смысла не имеет.

– Так это ж... Ваше высокоблагородие... Я повелел... И сам же вымел...

– Зачем?

– Так непорядок же?

– Непорядок! – взревел коллежский советник. – Да ты, старый дурак, препятствие дознанию учинил!

Ливрейный шархнул и запричитал:

– Ваше высокоблагородие... Так я ж никогда... Я ж как лучше... Их сиятельства строги уж очень... Ну, я и подумал... Князь и посуда битая...

– Стихни! – оборвал Анатолий Витальевич. – Чтоб немедля осколки эти мне отыскал и принёс!

Слугу как ветром сдуло.

– Его могли надоумить, – упрямо проговорил Руднев в ответ на красноречивый взгляд коллежского советника.

Тот только пожал плечами.

Старик вернулся через несколько минут, неся в дрожащих руках свернутую в кулёк газету.

– Вот они, – пролепетал он, отдавая свёрток Терентьеву.

Коллежский советник заглянул в кулёк и помрачнел.

– А кровь где? – спросил он.

Слуга перекрестился.

– Тама и есть кровь, – прошептал он.

– Нету тут крови!

– Так я не знаю... – всхлипнул ливрейный. – Я смёл и в газетку завернул, чтобы не смущало... А больше я не трогал... Только вот вы повелели, так я и принёс...

Терентьев отпустил перепуганного старика и мрачно констатировал:

– Осколки подменили...

Алвис Екабсович забрал у коллежского советника свёрток и заявил:

– Беру это на экспертизу.

– К чему тут экспертиза, доктор? – проворчал Терентьев. – Очевидно же, что здесь вы яд не найдёте.

– Я не знаю, что здесь найду, – сдержано ответил Петуш. – Именно поэтому и собираюсь провести анализ. Если в доме осталась ещё какая-то посуда, которой предположительно пользовался покойный, я бы и её хотел забрать.

– Вряд ли мы её определим, доктор – сказал Анатолий Витальевич. – Но я велю выяснить.

– Есть бокал, который Вяземский в руках держал, – вмешался в разговор Руднев. – Вам это интересно доктор?

– Да.

– Тогда идёмте...

Дмитрий Николаевич провёл Терентьева и Петуша в зал, где юная графиня Каменская зывала к древнему королю.

– Вот, – сказал он, указав на своё место за столом. – Этот бокал мне Павел Сергеевич подавал.

– Вы из него пили? – спросил доктор.

От смеси профессиональной заинтересованности и профессионального же цинизма, отчётливо прозвучавшей в этом вопросе, Дмитрия Николаевича передёрнуло.

– Нет!

Алвис Екабсович порылся в карманах и вынул из них несколько флаконов. В одних на дне был порошок, в других какая-то жидкость.

– Что это? – опасливо поинтересовался коллежский советник.

– Тест, – лаконично ответил эксперт.

Остановив свой выбор на одном из флаконов, он сгреб остальные обратно в карман и, касаясь Рудневского бокала пальцами, обмотанными в салфетку, аккуратно отлил из него шампанское в выбранный флакон, после взболтал и стал ждать. Сперва ничего не происходило, потом золотистая жидкость помутнела и в ней появились сероватые хлопья.

– Что это значит? – хмуро спросил Терентьев.

Петуш ещё немного поболтал флакон, взглянул в него на просвет и всё так же бесстрастно заявил:

– Это значит, что в шампанском содержится алкалоид. Какой, не знаю. Разработанный мною тест предназначен лишь для первичного анализа. Однако количество выпавшего осадка говорит о том, что доза очень велика.

– Иными словами, шампанское отравлено? – потребовал полной ясности Анатолий Витальевич, переводя взгляд на побледневшего Руднева.

– Да и очень щедро. На лошадь бы хватило.

Дмитрий Николаевич пододвинул себе стул и сел, потому как ноги его начали вдруг неприятно дрожать.

– На подносе бокалов было семь... Нет!.. Шесть, – произнёс он, припоминая. – Значит, за исключением наших с Вяземским, ещё четыре... Чтобы отравить наверняка, яд должны были добавить во все бокалы. Их мог кто-то взять... Анатолий Витальевич, вы же гостей переписали, прежде чем отпустить? Нужно предупредить...!

– Не за чем предупреждать, – невозмутимо возразил Алвис Екабсович. – Если бы кто-нибудь глотнул этого напитка, мы бы имели ещё один труп. Уверен, что даже просто пригубив такое, уже почувствуешь себя плохо.

– Я чувствую себя плохо от одного вида этой дряни, – пробормотал Руднев и предложил. – Я не очень-то разглядывал официанта, но попробую его узнать. Велите собрать прислугу.

Терентьев распорядился, а заодно приказал перерыть мусор в поисках окровавленных осколков и изъять из буфетной все невымытые бокалы и распечатанное шампанское.

Петуш тем временем принёс свой чемоданчик, перелил остаток напитка из бокала Руднева в чистую склянку и достал жестянку с перетёртым графитом. Крутя бокал перед самым носом и близоруко щурясь, он принялся легкими прикосновениями кисти наносить на хрустальную поверхность чёрную пудру.

– Вы ведь правша, Дмитрий Николаевич? – спросил он. – И бокал скорее всего в правой руке держали?..

Руднев похватал воздух, определяясь в своей привычке, и подтвердил предположение доктора.

– Значит, отпечатков ваших пальцев на бокале быть не должно, – продолжил рассуждать эксперт. – Так... Буфетчик и официант тоже были в перчатках... Бокалы протирают полотенцем, прежде чем разливать по ним напитки... Стало быть, должны остаться только отпечатки князя... Но... Но их тут больше...

– Доктор, не томите! Что вы обнаружили? – Терентьев оборвал затянувшийся монолог лифляндца.

– На бокале отпечатки двух человек. Следовательно, помимо покойного, его ещё кто-то трогал.

– Может быть, это всё-таки мои отпечатки? – предположил Руднев. – Мог же я его левой рукой перехватить или на столе подвинуть.

– Нет, не ваши. Расположение пальцев в обоих случаях такое, какое может быть только при захвате правой рукой, – безапелляционно ответил Петуш и спросил. – Анатолий Витальевич, вы сможете собрать отпечатки присутствующих в доме на момент совершения преступления.

– Только отпечатки прислуги, – покачал головой Терентьев.

– Хотя бы так, – сказал Руднев. – Если и не выявим, чьи отпечатки, ограничим список.

Алвис Екабович к тому моменту упаковал бокал в бумажный пакет, аккуратно его надписал и заторопился уходить.

– Анатолий Витальевич, если я вам более не нужен, я хотел бы незамедлительно провести вскрытие и анализ примеси в напитке. Есть схожесть с отравлением стрихнином или атропином, но меня смущают детали. Возможно, мы имеем дело с каким-то особенным ядом, который ещё и быстро разлагается...

– Идите, доктор, – ответил Терентьев. – Отпечатки мы снимем без вас.

– И пришлите мне, пожалуйста, всё, что может иметь отношение к делу, – не унимался Петуш.

– Соберу всё, что не приколочено, – ворчливо пообещал коллежский советник.

Едва эксперт ушёл, Дмитрий Николаевич тоже сорвался с места.

– Если официант в сговоре, он может попытаться сбежать, – заволновался он.

– Если сразу не сбежал, никуда уже не сбежит, – осадил его Анатолий Витальевич. – Подождите минуту. У меня к вам ещё один вопрос, Дмитрий Николаевич... Что вы там говорили на счёт последних слов их сиятельства? Что он сказал?

– Он сказал: «Вервольф».

– Вы уверены, что он сказал именно это?

– Я уверен, что *услышал* именно это, но быть уверенным, в том, что Павел Сергеевич именно это *сказал*, не могу. Он умирал, едва мог дышать, не то что разговаривать... А почему вы спрашиваете? Вам что-то говорит это слово?

– А вам ничего? Вы, Руднев, вообще газет не читаете?

– Мне их Белецкий пересказывает. Но я не слушаю... Так что там с вервольфом?

– Не с вервольфом, а с Вер-Вольфом. Некто Курт Адлерович Вер-Вольф, профессор философии Санкт-Петербургского университета, создал и возглавил тайную организацию немецких патриотов, проживающих в России и занимающих совсем не последние должности в разных государственных структурах. Заговорщики ставили себе целью подорвать военную мощь нашей державы изнутри, а апофеозом их деятельности должно было стать деморализующее нацию царевубийство. К счастью, благодаря высокому профессионализму Отдельного корпуса жандармов и самого его командующего, товарища министра внутренних дел генерал-майора Владимира Фёдоровича Джунковского заговор был раскрыт и уничтожен на корню. Об этой славной победе наших секретных служб уж сколько в газетах трубят.

– Мне слышалось, или в ваших словах, Анатолий Витальевич, прозвучал сарказм? – уточнил Дмитрий Николаевич, пристально взглянув на коллежского советника.

– Это, Руднев, не сарказм, – сердито хмыкнул Терентьев. – Это опыт – «сын ошибок трудных», как Александр Сергеевич писал. И подсказывает мне этот самый опыт, что чем громче музыка, тем дряннее оркестр. Я это к тому, что чёрт его знает, что там был за заговор, и так ли уж там всё победоносно, как генерал-майор отчитывается... А если убийство Вяземского к этому делу касательство имеет, так между нашими славными службами, что вроде как в едином порыве внутреннюю безопасность империи обеспечивают, начнётся такая грызня, что ликантропам тошно станет... Ладно, Дмитрий Николаевич, лирика это всё... Идёмте опознание официанта проводить, а после с графом поговорим...

Глава 3

Официанта Дмитрий Николаевич узнал сразу и без колебаний. Руднев имел феноменальную зрительную память, благодаря которой запоминал всякое увиденное им лицо и был способен после различить его даже под гримом. Однако толку от этого опознания было немного.

Узнанным официантом оказался молодой парень, служивший у Каменских с малолетства, поскольку был он сыном старого графского повара. Ничего особенного молодец, вроде как, не приметил, да и не помнил точно того раза, когда на подносе у него оказались роковые бокалы. По его словам, выходило, что каждый раз он брал в буфетной поднос, на который вот только при нём же «шампанскую-то» и наливали.

– Оно ж, ваши высокоблагородия, шампанскую нужнась сразу подавать, – излагал он, шмыгая носом. – Полагается так... Чтобы, стало быть, не выдыхалась... Господа-то любить, чтоб она, значит, щиплилась и в нос стреляла...

– И каждый раз ты видел, как шампанское в бокалы наливали, – настойчиво переспросил Руднев.

Официант отчаянно закивал.

– А после ты поднос из виду не выпускал? – спросил Терентьев.

– Да как же можно, ваше высокоблагородие! Я так сразу шампанскую к гостям и нёс!

В этот момент в лакейскую, где проходил допрос официанта, едва не сметя с ног растерявшегося городского, ворвался старик-повар.

– Ах, ты, сукин сын! Тараканье семя! – орал он, потрясая на сына кулаками. – Ты ж, паскудник, позор-то какой учинил! Как же я теперь господам в глаза-то смотреть стану!

Папаша подскочил к своему отпрыску и принялся отвешивать тому звонкие затрещины так, что голова у парня болталась из стороны в сторону, будто на тесёмке.

– Батя! – завопил молодчик. – Не убивай!

– Прекратить! – рявкнул Терентьев и злобно зыркнул на опомнившегося городского, кинувшегося оттаскивать разъяренного родителя от своего дитяти. – Что всё это значит? Что он натворил?

От грозного начальственного окрика повар малость вошёл в разум и запричитал.

– Ох, ваше высокоблагородие! Ведь вот какой паршивец! Мы ж с матерью-то его, гадёныша, только по божьему закону жить-то учили! А он...!

Повар снова рванул к сыну, и тот шарахнулся в угол, прикрывая руками голову от отцовского гнева.

Терентьев поднял парня за грудки и как следует встряхнул.

– А ну, рассказывай, что ты такое учудил! Отвечай! Не то папашу твоего отпустить велю.

– Ой! Не надо! Всё расскажу! Только не отпускайте его! Он меня пришьёт!

– Рассказывай!

– Бутылку я спёр, – заканючил официант, с опаской глядя на рвущегося из рук городского отца.

– Какую бутылку?

– Так эту... Шампанскую...

– Продать что ли хотел?

– Не-ет... Это я для Фроськи припрятал...

Повар снова забился в руках городского.

– Курва твоя Фроська! – заорал он. – Как и мать ейная была! Хороших девок тебе что ли не хватает!

– Тихо! – снова призвал к порядку коллежский советник и кивнул официанту. – Когда ты бутылку спёр?

– Так сегодня и спёр... Буфетчик-то отвернулся, я за полу-то и сунул... Потом поднос забрал и ушёл с бутылкой-то... Я отдам! Ей же бог, ваше высокоблагородие! Вы только тятю меня убить не позволяйте!

– То есть ты взял поднос и пошёл бутылку прятать? – задал вопрос Руднев.

– Ага... Так и пошёл... В оранжерейную, значит... Там под пальмовым кустищем и спрятал... Пальма там такая, с листьями, что наши лопухи...

– А что поднос? – перебил Дмитрий Николаевич ботанические подробности.

– Так я его тама при входе на скамейке пристроил... А сам бутылку к пальме понёс. Она тама, в дальнем углу...

Руднев с Терентьевым переглянулись, и Дмитрий Николаевич продолжил выпрашивать:

– Когда дело было? В начале вечера или уж перед происшествием?

Глаза у официанта забегали.

– Не помню я! – слишком уж поспешно ответил он.

– Стало быть, это тот самый поднос был, что ты мне и покойному подносил? Так? – нажал на парня Дмитрий Николаевич.

Пройдоха совсем сник и кивнул.

– Видал в оранжерее кого? – спросил коллежский советник.

– Не-е, тама не видал... А на выходе меня старший официант заприметил... Он-то, небось, отцу и пожаловался...

– Так дело было? – обратился Анатолий Витальевич к взвинченному папаше.

– Так, ваше высокоблагородие! Макар Семёнович, старший официант, за олухом-то нашим присматривает... Позор-то какой!

Более никто из участников истории с похищенной бутылкой ничего ценного для дознания сообщить не смог, так что старшего официанта и повара Терентьев позволил отпустить, а вороватого ловеласа приказал задержать до выяснения всех обстоятельств, чему парень был невероятно рад, так как всерьёз опасался неумеренного гнева отца.

– Выходит, у убийцы была возможность отравить бокалы, – констатировал коллежский советник.

Руднев скептически нахмурился.

– Странная какая-то история, Анатолий Витальевич. Убийца действовал обдуманно. Имел при себе яд и готов был отравить несколько человек, чтобы добраться до своей жертвы. Так неужели бы он стал рассчитывать на случай?

– На первый взгляд, так, – согласился Терентьев. – Но, если рассудить, то возможны простые объяснения. Во-первых, юнец этот всё-таки может быть замешан. Нет никаких доказательств тому, что он не по чьему-то указанию весь этот цирк с бутылкой и пальмой разыграл. Оно же ведь очень хитроумно! Идеальная отговорка: стащил бутылку и прятал! Что там с подносом было – знать не знаю и ведать не ведаю! Да ещё и свидетель удачно так подвернулся!.. А есть и второй вариант. Дурень этот ни при чём, а убийца просто воспользовался удачным стечением обстоятельств, хотя и имел какой-то иной надёжный план.

– Нет, Анатолий Витальевич! – возразил Руднев. – Второй ваш вариант совсем никуда не годится! Ну, подбросил убийца яд. И что дальше? Где гарантия, что именно с этого подноса Павел Сергеевич бокал бы взял?

– Значит, официант всё-таки в сговоре! И он принёс вам отравленное шампанское целенаправленно.

– Да тоже не вяжется! Слишком всё на авось! Бокалы могли разобрать, пока их несли через зал. Вяземский мог и вовсе бокал не взять. А самое главное, это ж как же всем повезло, включая меня, что никто яда, кроме Павла Сергеевича не выпил.

– Если официант замешан, он мог остальные бокалы и убрать, так что вы, возможно, единственный, кого бог отвёл. Но на остальные ваши замечания мне возразить нечего. Надеюсь, ситуация прояснится, когда мы опросим других свидетелей происшествия.

С опросом остальных свидетелей дело обстояло непросто, так как все они были людьми солидными и даже очень. Во избежание скандала, который в конечном счёте только бы повредил следствию, дипломатичный и прозорливый Анатолий Витальевич гостей всех отпустил по домам, предупредив лишь, что в ближайшее время будет вынужден явиться к ним для формального снятия показаний. Таким образом за исключением прислуги и Руднева, по горячим следам коллежский советник мог опросить лишь Каменских.

Фёдор Андреевич принял коллежского советника в своём кабинете. Граф был растерян и подавлен и даже не пытался это скрывать.

– Я надеюсь, господин коллежский советник, – дёргано проговорил он, – вы избавите графиню от ваших вопросов? Анна Романовна потрясена случившимся! Мы все потрясены! Такое несчастье!.. И у нас в доме!.. У всех на глазах!.. Вы же понимаете?

Анатолий Витальевич проявить понимание не возжелал.

– Простите, ваше сиятельство, но я всё-таки вынужден просить вас позволить мне переговорить с её сиятельством, – произнес он холодно и официально.

Каменский истерично всплеснул руками.

– Господи! Неужели это так необходимо?! В любом случае сегодня это невозможно! Анна Романовна сейчас при Танечке. У бедной девочки случился нервный припадок... Пришлось уложить её в постель. Доктор дал ей успокоительного... Графиня не может оставить дочь в таком состоянии!

– Тогда, с вашего позволения, я задам свои вопросы её сиятельству завтра, – настойчиво произнес Терентьев. – А сейчас прошу ваше сиятельство уделить мне время.

Граф раздраженно поджала губы, бросил сердитый взгляд на молчавшего всё это время Руднева и надменно ответил.

– Да, конечно! Делайте свое дело, господин коллежский советник.

Анатолий Витальевич сдержанно поклонился, сел напротив графа, так и не дождавшись приглашения, вынул блокнот и надел очки.

– Где вы находились в тот момент, когда случилось несчастье? – спросил Терентьев, глядя на собеседника поверх стёкол и слегка склонив голову набок, что придало ему вид особой заинтересованности.

– Я был в гостиной, – нервно ответил Каменский. – Всё случилось у меня на глазах.

– Расскажите, что именно произошло?

– Павел Сергеевич внезапно упал, и у него начался этот ужасный приступ.

– Приступ?

– Ну, да... Это же был эпилептический припадок?

Анатолий Витальевич вопросительной интонации, кажется, не заметил и снова спросил.

– Вы обратили внимание, кто находился рядом с его сиятельством?

– Он разговаривал с мадам Аттал... Я бы сказал, любезничал... Но вы не ответили, господин коллежский советник!

Терентьев проигнорировал и это восклицание.

– Кто знал, что князь Вяземский был к вам сегодня приглашён?

– Да он всегда желанный гость в нашем доме!.. Но всё же...?

– Кто знал, что он сегодня будет?

– Многие могли знать... Вот господин Руднев, например...

– А ещё?

– Да практически все! Князь отписался, что сможет быть, я рассказал графине, а она, я слышал, говорила об этом на воскресном сборе «Русских жён» ... Да почему вы задаёте такие странные вопросы?!.. Дмитрий Николаевич, хоть вы объясните!

Руднев вопросительно взглянул на Анатолия Витальевича, и тот утвердительно кивнул.

– Должен вас расстроить, Фёдор Андреевич, – сухо сказал Руднев. – Есть основания предполагать, что смерть Павла Сергеевича имела насильственный характер.

Лицо графа вытянулось.

– Этого не может быть! – хрипло прошептал Каменский. – Я уверен, что такое невозможно!

– От чего же вы так уверены, ваше сиятельство? – резко спросил Терентьев, подавшись вперед и впившись в Фёдора Андреевича острым взглядом.

Коллежский советник, по чести сказать, и сам не ожидал того эффекта, что произвел на графа его вопрос. Каменский отшатнулся, вскочил, и взгляд его наполнился ужасом. Фёдор Андреевич несколько раз беззвучно открыл и закрыл рот, не в силах вымолвить ни слова, а после рухнул обратно в кресло. Выглядел граф так, что Руднев с Терентьевым не на шутку перепугались, что сейчас у них на руках окажется ещё один труп.

Дмитрий Николаевич метнулся к винному шкафу, по английской моде красовавшемуся в углу, нашёл там бутылку коньяка, налил в рюмку и подал Каменскому.

– Фёдор Андреевич, выпейте! – потребовал он и едва ли не насильно влил коньяк в потрясённого графа.

Терапия эта возымела на Каменского живительное действие.

– Простите, господа, – пробормотал он. – Это так ужасно...

Убедившись, что их сиятельство передумало отдавать богу душу, Терентьев сурово произнес тоном, не терпящим возражений.

– Мне кажется, вам, Фёдор Андреевич, есть, что нам рассказать.

Граф вздрогнул как от удара и весь сжался.

– Господа, это ужасно... – повторил он.

– Что именно? – сурово спросил коллежский советник, Каменский молчал. – Вы говорите об убийстве, ваше сиятельство?

– Нет, – едва слышно ответил Фёдор Андреевич. – Я говорю о самоубийстве...

Теперь пришла очередь онеметь Рудневу и Терентьеву.

– Объяснитесь! – выговорил наконец Анатолий Витальевич. – Вы хотите сказать, что имеете основания предполагать, что Вяземский сам себя убил?

Фёдор Андреевич трагически кивнул.

– Боюсь, так и было, господа. Надеюсь только, что Павел Сергеевич сделал это не целенаправленно...

Каменский отпер ящик своего стола и достал оттуда флакон с каким-то белым порошком.

– Что это? – спросил коллежский советник.

– Я точно не знаю, – ответил граф. – Но это было в руке у Павла Сергеевича, когда он упал. И это не похоже на лекарство... Я видел такие склянки раньше... Думаю, и вы, господин полицейский, такое видели.

Анатолий Витальевич взял флакон в руки и помрачнел. Ему действительно не раз случалось видеть такие пузырьки с характерными отметинами на доньшке. Чаще всего он изымал их у всяких сомнительных личностей, у проституток и у посетителей новомодных богемных притонов.

– Это похоже на наркотик, – констатировал он, обращаясь не столько к Каменскому, сколько к Дмитрию Николаевичу.

– Да, похоже, – скорбно качнул головой граф. – Поэтому я и не поверил, что это могло принадлежать Павлу Сергеевичу... Но когда вы сказали, что смерть его была не от естественных причин... Господи! В моём доме! При моих гостях!

Каменский махнул рукой, очевидно, не в силах продолжать, а после несколько раз позвонил в стоящий на столе серебряный колокольчик. Через минуту в кабинет вошёл строгого вида слуга средних лет.

– Корней, – обратился к нему Фёдор Алексеевич. – Расскажи, голубчик, всё про склянку, что ты нашёл... Это Корней, мой камердинер, – пояснил он собеседникам.

Корней почтительно поклонился господину и чётко изложил:

– Его сиятельство Фёдор Алексеевич изволили послать за мной, чтобы я принёс им новую пару запонок, поскольку они одну свою потеряли. Я исполнил поручение, и когда воротился в залу с запонками, как раз их сиятельству князю Вяземскому худо сделалось. Я недалеко от князя был и увидел, что, когда он упал, у него из руки что-то выпало и отлетело. Я поднял, а после отдал господину графу.

Каменский подал камердинеру знак, что тот может идти.

Все трое мужчин молчали, наконец коллежский советник заявил.

– Я забираю этот флакон и приобщаю к делу как улику. Вас же, ваше сиятельство, до выяснения всех обстоятельств прошу не разглашать факт его обнаружения и слуге своему велите, пожалуйста, помалкивать.

Как только Дмитрий Николаевич и Анатолий Витальевич покинули кабинет хозяина дома, Руднев вцепился коллежскому советнику в рукав и пылко заговорил:

– Анатолий Витальевич, тут что-то не так! Я Пашку с малолетства знаю! Он хоть и всегда рискованным был, границ разумного никогда не преступал! Не мог он быть наркоманом! И рук на себя наложить не мог!

– Уймись, Руднев! – осадил Дмитрия Николаевича коллежский советник. – Никто пока и не утверждает, что князь от порочного пристрастия скончался. Но и отметить такой вариант, к сожалению, нельзя, что бы вы там про друга своего мне не говорили. Сами знаете, и достойнейшие к такому зелью пристрастие имеют. А среди офицеров и вовсе таких тьма. После ранений привычку получают и не могут избавиться... Всё, Дмитрий Николаевич, хватит с вас на сегодня впечатлений! Домой езжайте!

– Анатолий Витальевич, погодите! Давайте ещё раз с графским камердинером переговорим. Фёдор Алексеевич уж как-то слишком бурно отреагировал, когда вы ему про насильственную смерть сказали. Вяземский ему не брат и не сват! С чего такие аффектации?

– Нет, Руднев! – решительно возразил Анатолий Витальевич. – Во-первых, ничего нам Бригелло¹⁰ этого нового не скажет, хоть до смерти его запытай. Я таких знаю. А, во-вторых, пусть граф и впрямь повёл себя странно, гусей я дразнить не стану, откуда точных фактов на руках не имею. Может, в склянке этой снадобье от кашля или желудочное. Незачем из-за того на конфликт с их сиятельством идти, задавая лишние вопросы его челяди. Ещё, глядишь, и без этого беседы неприятные предстоят... А вы, Дмитрий Николаевич, поезжайте домой и сами в себя придите! Говорить будем, когда вы без сердца рассуждать сможете. Я же здесь ещё задержусь, куда для нашего Аида улики и отпечатки собирают... Идите, говорят вам!

Руднев был вынужден подчиниться настойчивому требованию коллежского советника, однако уходить не торопился и решил перед уходом заглянуть в ту самую оранжерею, где воришка-официант якобы прятал краденое шампанское.

Он осмотрел скамью, на которой должен был оставаться поднос и проверил обзор от двери до угла, где росла пресловутая пальма. Оказалось, что кадущка с лопушистым растением

¹⁰ Бригелло – персонаж итальянской комедии масок, слуга-пройдоха.

и впрямь находилась в самом укромном месте, которое было сокрыто от глаз практически из любой точки зимнего сада. Два нижних листа пальмы были слегка помяты, а опилки, заменявшие ей грунт, с одной стороны взрыхлены, словно в них что-то прикапывали. Похоже официант и действительно схоронил свой трофей под растением, причем не очень-то церемонясь с заморским бурьяном.

Напоследок Дмитрий Николаевич решил на всякий случай заглянул за кадучку и сунулся головой под раскидистые листья. Собравшаяся на них влага липкими каплями стекла ему за воротник. Руднев чертыхнулся и с отвращением дёрнулся назад, отводя рукой мясистые лопухи. Край кадучки открылся, и Дмитрий Николаевич увидел, что на нём грифелем нацарапан ряд цифр и знаков: «1.5.0.5.0.7.1.4 † 1.5.0.6.0.1.1.0?».

Он переписал надпись, тщательно воспроизводя особенности начертания символов, и поспешил покинуть оранжерею. Уже выйдя на улицу и сев в экипаж, Дмитрий Николаевич с видом человека, запомнившего что-то незначительное, позвал дежурившего у подъезда городского, ещё совсем молодого парня, очевидно новенького и виденного Рудневым впервые.

– Позовите-ка ко мне коллежского советника Терентьева, – властно приказал он.

Дежурный ступешался, не зная, как поступить. Оставить пост, да ещё и передать сообщение самому помощнику начальника сыскальной полиции, что какой-то партикулярный франт требует его к себе, казалось городовому едва ли не должностным проступком, но манеры неизвестного господина и орденская лента на его шее говорили о том, что он имеет полное право отдавать распоряжения не то что коллежскому советнику, но и кому повыше.

– Слушаюсь, ваше...

– Высокородие¹¹, – подсказал Руднев и подбодрил малого нетерпеливым жестом.

Покуда служивый ходил за Терентьевым, Дмитрий Николаевич быстро составил для коллежского советника записку: «Побоялся лишних ушей в доме. На той самой пальме скрытая надпись: «1.5.0.5.0.7.1.4 † 1.5.0.6.0.1.1.0?»». Возможно, это шифр. Нужно установить тайную слежку за оранжереями, но не выдавать нашего открытия».

Анатолий Витальевич вышел из дома с видом сердитым и озадаченным, и раньше, чем он успел что-то спросить, Руднев протянул ему записку и деловито произнёс:

– Забыл предупредить вас, господин коллежский советник. На тот случай, если я вам понадобится, вы сможете найти меня по этому адресу.

Терентьев быстро пробежал записку глазами и сдержанно ответил.

– Я понял вас, ваше высокородие. Буду иметь в виду. Благодарю! – а после добавил одними губами. – Вы перечитали шпионских историй!

Руднев невозмутимо кивнул и подал вознице знак трогать.

¹¹ Ваше высокородие – обращение к имевшему чин 5-го класса Табеля о рангах. Руднев чина не имеет, но имеет придворную должность камер-юнкера, которая на момент получения им её являлась придворным чином, соответствующим 5-му классу. Так что формально обращение «ваше высокородие» к Рудневу допустимо.

Глава 4

Дома, в фамильном особняке Рудневых на Пречистенке, Дмитрия Николаевича с нетерпением дожидался тот самый Белецкий, который в своё время пресёк побег из Милюкова двух незадачливых покорителей Америки. С тех времён из воспитателя он перешёл в ранг управляющего и личного секретаря Руднева, а кроме того, уж много лет был Дмитрию Николаевичу верным другом и соратником в делах, сохраняя, впрочем, за собой обязанности наставника и конфиденанта.

Белецкий был старше Руднева на десять лет, отличался высоким ростом и жилистой спортивной худобой. Лицо его, узкое, с резкими чёткими чертами, имело обычно чрезвычайно строгое и серьезное выражение, а зеленоватого цвета глаза смотрели остро и сосредоточенно. Он имел привычку одеваться в тёмные, чопорные, сидевшие, словно влитые, костюмы, из-под которых виднелись безупречно-белые накрахмаленные до хруста манжеты и воротник рубашки. На жестикуляцию и мимику Белецкий был скуп, а в движениях и походке напоминал дикую кошку, готовую в любой момент совершить роковой бросок. Он и впрямь был очень сильным, ловким и натренированным человеком, в совершенстве владевшим самыми разнообразными видами единоборств, а также всякого типа оружием, как холодным, так и огнестрельным.

Свои физические и боевые навыки Белецкий настойчиво и систематически прививал Рудневу, и, хотя тот не имел к ним ни склонности, ни интереса, наставник смог добиться от ученика вполне достойных результатов. Так что и Дмитрий Николаевич, несмотря на свою совсем не атлетическую комплекцию, тоже являлся умелым и искусным бойцом, а также прекрасно фехтовал и чрезвычайно метко стрелял.

Обычно Белецкий присутствовал при всяком расследовании Руднева, ассистируя ему на месте преступления и при опросе свидетелей. Однако в этот раз он был вынужден остаться дома по причине, которая была в буквальном смысле слова на лицо.

Уже две недели Белецкий не решался появиться на людях, скрывая ссадины и синяки, щедро украшавшие его аскетичную обличность. Разбитое лицо дополняло вывихнутое запястье правой руки и два сломанных ребра. Причиной его столь плачевного состояния стало царившее повсеместно во всякой прослойке московского общества рьяное и непримиримое германоненавистничество.

Белецкий был полукровкой. Отец его являлся коренным немцем, некогда приехавшим на службу в Россию, где женился на русской женщине, народил сына и сменил непривычную для русского уха германскую фамилию Bellezer на вполне себе обычную в наших палестинах – Белецкий. Отпрыска же своего достойный немец воспитал в двуязычии и уважении к обеим культурам, не отдавая предпочтения ни одной, ни второй. В результате юный Белецкий так и вырос с чётким осознанием и однозначным принятием своей двойственности, считая себя немцем в той же степени, что и русским, и проявляя черты, свойственные обеим этим нациям. В результате в немецкой среде он воспринимался русским, а в русской – немцем. Его это никогда не смущало и ни в коей мере не мешало ему жить до тех пор, покуда в июле 1914 года наравне с мобилизацией в России не начался подъём разрушительной волны антигерманских настроений.

Как это всегда бывает на всплеске нетерпимости, жертвами германофобства в первую очередь становились те, кто менее всего имел отношение к разразившейся общеевропейской катастрофе. Оголтелая толпа учиняла безжалостную расправу над учителями германской словесности, лютеранским пастырями, аптекарями и докторами, инженерами и счетоводами, поварами, портными, музыкантами, садовниками и прочим гражданским людом, имевшим несчастье носить сложные имя и фамилию, зачастую вовсе и не немецкие. Жестокие настрое-

ния подпитывались известиями из Германии и Австрии, где в такое же отчаянное положение попадали русские. Пламя национальной ненависти разгоралось с каждым днём все сильнее, а когда уже в августе того же проклятого 1914 на полях Восточной Пруссии стала проливаться кровь российских солдат и офицеров, и в России начали оплакивать первых погибших в этой мировой войне, столь же великой, сколь и амфигурической, злоба в отношении немцев в России превратилась в норму жизни и признак хорошего тона.

Белецкому долгое время удавалось избегать враждебности в свой адрес, но однажды жребий выпал и ему. Произошло это совершенно буднично и нелепо.

Белецкий возвращался с почты, где получил присланный из Нью-Йорка каталог одной из частных галерей, с которой он вёл переговоры о продаже нескольких Рудневских работ. Держа под мышкой яркий увесистый альбом, он остановил извозчика и намеревался уже сесть в пролётку, но тут возница заметил напечатанную крупными буквами на обложке каталога надпись на английском языке. Извозчик в лингвистические детали погружаться не стал. Он обложил Белецкого по матери, обозвал его на всю улицу немецкой сволочью и попытался ударить несостоявшегося седока кнутом. Белецкий кнут перехватил и дёрнул так, что горластый мужик слетел с облучка на мостовую.

– Храждане! Православные! – загомосил поверженный возница. – Падла эта прусская на меня напала!

К месту происшествия враз подтянулось с десяток человек, половина из которых были бабами, торговавшими на углу семечками и пирожками.

– Ах! И-ирод ока-а-янный! – надрывно завывала одна из них. – Ванюшку-у мого-о порешили! Деток наши-их си-иротами-и оста-ави-или! Уби-ию!

И солдатская вдова с ненавистью кинулась на Белецкого, а за ней и другие бабы, а вслед уж и мужики.

Не окажись среди нападавших женщин, Белецкий бы наверняка смог отбиться и убежать, но поднять руку на представительницу слабого пола из любого сословия он не мог, а потому шансов на победу или благополучное отступление у него не было никаких. Он лишь мог защищать себя и уворачиваться от ударов.

Толпа увеличивала свою численность и лютовала, готовая уж и вовсе на смертоубийство.

Чувствуя, что дело его совсем плохо, Белецкий исхитрился вынуть из кармана полицейский свисток, который по настоянию Терентьева всегда имел при себе, и засвистел. Толпа стала ещё злее, но всё же через пару минут появился городской и пресёк побоище.

Однако, когда выяснилось, что жестоко избитого господина зовут Фридрихом Карловичем, полицейский чин, не обращая внимание на русскую фамилию пострадавшего и на православный нательный крестик, выбивавшийся у того из-под разорванной и окровавленной рубашки, враз объявил его немецким провокатором и препроводил в ближайшую полицейскую часть.

Никому никаких сообщений передать Белецкому не позволили и доктора к нему не позвали, а вместо этого без всякого разбирательства запихнули в камеру к четырем мазурикам, которые были не прочь добавить немецкому шпиону, но тот, даже с вывихнутой рукой и поломанными ребрами, оказался им не по зубам.

Белецкий провёл в камере несколько часов, прежде чем обеспокоенный его исчезновением Руднев забил тревогу и с помощью Терентьева вызволил друга.

Пострадавший ни в какую не хотел подавать заявление о нападении и самоуправстве полицейских чинов, но коллежский советник настоял хотя бы на последнем, убедив Белецкого тем аргументом, что следствием безнаказанности подобного должностного попустительства станут новые ни в чём не повинные жертвы народного гнева, которым может повезти куда как меньше.

О смерти Вяземского Дмитрий Николаевич сообщил Белецкому, телефонируя ему из дома Каменских ещё до приезда сыскных, однако про всё остальное – обнаруженный в бокале Руднева яд, флакон с неизвестным содержимым в руке Павла Сергеевича, таинственные предсмертные слова умирающего и не менее загадочную надпись в зимнем саду, а также исчезнувшие осколки из-под руки покойного – Руднев смог рассказать только теперь.

Белецкий выслушал, не перебивая, а после заявил со своей извечной холодной рассудительностью:

– Вы крепко влипли, Дмитрий Николаевич!

– Что ты имеешь в виду? – устало спросил Руднев.

Он понуро сидел в своем кресле, а сдерживаемые последнее несколько часов переживания выходили из него ознобом, да таким, что стучали зубы.

– В этой трагической истории есть факт, сомнению не подлежащий, – объяснил свою мысль Белецкий. – Он заключается в том, что Павел Сергеевич желал вашей помощи в каком-то деле, имеющем отношение к государственной безопасности, и сообщить о нём он намеревался конспиративным образом. Раз он зашифровался, значит, злоумышленники следили за ним. И раз они следили, они знают или скоро узнают, что именно с вами князь имел беседу незадолго до смерти и что, возможно, умирая, он успел вам что-то сказать...

– Да ничего он мне толком не сказал!

– Не важно! Главное, что гипотетически вы можете быть посвящены во что-то такое, за что людей не гнушаются травить на званых приёмах. Вяземского они убили. По логике вещей вы, Дмитрий Николаевич, следующий на очереди.

– Белецкий! Умеешь же ты приободрить!

– Этой цели я не преследовал, – невозмутимо пожал плечами управляющий.

– В таком случае, к чему все эти твои рассуждения?

– К тому, что вам, хотите вы того или нет, придётся разбираться с делом, которое намеревался поручить вам Павел Сергеевич. Либо вы найдёте и обезвредите злодеев, либо они доберутся до вас и убьют.

– Знать бы ещё, что это за дело, – буркнул Руднев.

– С выяснения этого и следует начать, – заявил в ответ Белецкий.

Здравая рассудительность такого вывода и спокойная деловитость, с которой он был высказан, встряхнули Руднева и вернули ему способность к действию.

– Терентьев говорил мне про разоблачение некого Курта Адлеровича Вер-Вольфа, о котором писали в газетах, – оживился он. – Мне нужно увидеть эти материалы.

– Тогда идёте в библиотеку, – предложил Белецкий. – Если вы мне поможете, я соберу вам всё об этом Вер-Вольфе.

В три руки – правое запястье Белецкого было всё ещё в повязке – они перебрали подборку газет за последний месяц и сложили общую картину заговора и его разоблачения.

История выходила какая-то до нелепости странная и надуманная, будто в дешёвом романе, но тем не менее упоминаемые в ней имена имели такой вес, что относится к ней, как к буффонаде, было невозможно.

Первое, что вызывало недоумение, это абсолютная разрозненность участников заговора. Было совершенно непонятно, как все они могли между собой о чём-то сговориться, если их жизни и судьбы не имели никаких точек пересечения. По крайней мере следствию выявить таковые не удалось.

Возглавлял заговор Капитул из двенадцати человек. То, что для обозначения ядра комплота был выбран термин «Капитул», а, скажем, не «Комитет», уже отдавало какой-то театральщиной с отсылкой к масонству или средневековому монашеству. Помимо профессора Вер-Вольфа в главенствующую дюжину входили: генерал от артиллерийского управления военного министерства, два чиновника пятого класса от министерства путей сообщений и министер-

ства земледелия, управляющий крупного коммерческого банка, фабрикант, владеющий тремя текстильными мануфактурами, коннозаводчик, продающий породистых рысаков не только по России, но и в Европу, офицер из свиты великого князя Михаила Александровича, преподаватель инженерного училища, рядовой почтовый служащий, учитель гимназии и аптекарь.

Что могло быть общего у всех этих людей, кроме немецких корней, оставалось загадкой. Знакомство профессора, высоких чиновников, вельможи и капиталистов ещё можно было предположить, но вот как в эту компанию затесались два учителя, почтовик и фармацевт, оставалось полнейшей загадкой. Впрочем, ведущих расследование агентов и пишущих о нём журналистов такая несурезица совершенно не смущала. Они ссылались на некий всемирный германский союз и поясняли, что именно сословная разнородность Капитула позволила внедрить ядовитые щупальца заговора в самые широкие слои российского общества.

Так же ни в какие рамки разумного не лезла и история разоблачения заговора. В ней были намешаны и страстная любовь, и ревность, и тайные шифры, а приправлено всё это варево было беспримерным мужеством и завидной сметливостью жандармских.

В общем, это похожее на дешёвый водевиль дело обстояло так. Супруга некоего телеграфного служащего, госпожа Н., урожденная Агнет-Класильда Мюллер активно участвовала в заговоре и каким-то неведомым способом умудрялась копировать и передавать своим соратникам тексты государственных секретных телеграмм, содержащих в себе едва ли не все тактические планы российской армии на Восточном фронте. Как уж так вышло, что все такие телеграммы шли через мужа госпожи Н., не объяснялось.

Связным Агнет-Класильды был красавиц-студент Гофрид Брюкель, восплававший к ней неуместной при конспиративном положении страстью. Заговорщица ответила ему взаимностью в той степени, что положение её сделалось не только конспиративным, но и естественным для молодой здоровой женщины, имеющей любовника.

Почтенный телеграфист, ничего не знавший о заговоре, уличил жену в измене и выяснил личность своего соперника. Желая расквитаться за попорченную супружескую честь, он поступил совершенно нехарактерно для скромного чиновника, а именно – вызвал Брюкеля на дуэль и прострелил ему ногу. Рана воспалилась и Гофрид в бреду и беспамятстве угодил в больницу. Там к нему почему-то тут же приставили санитаря, являвшегося на деле тайным агентом охранки, и тот распознал в бессвязном бормотании раненого секретный шифр, который естественно тут же стал фиксировать и передавать на дешифровку.

Оказалось, что для взлома шифра Брюкеля требовался ключ. Его никак не удавалось подобрать до тех пор, пока некий офицер, фамилия которого по понятным причинам в газетах не называлась, не догадался, что в шифре есть та же закономерность, что и на Шумерских глиняных табличках, хранящихся в коллекции Эрмитажа.

Прозрение эрудированного оперативника оказалось судьбоносным. Воспользовавшись подсказками, оставленными за три с половиной тысячелетия до Рождества Христова, спецслужбы полностью вскрыли всю вертикаль заговора, установили список главарей, а также узнали местоположение явок и штаб-квартиры. Откуда рядовой участник заговора мог столько всего знать и когда успел наговорить, история умалчивала.

Дальновидные секретные службы воздержались от опрометчивых действий и ещё два месяца вели за государственными преступниками тайную слежку, покуда не вычислили всех до последнего. Тогда под личным руководством самого генерал-майора Джунковского доблестные жандармы провели беспрецедентную по своему масштабу и молниеносности операцию и накрыли всю организацию буквально за три дня.

Апофеозом истории стал штурм бастиона Лисьего замка, что на северном побережье Невской Губы, где в то самое время при свете свечей и факелов проходило заседание Капитула, охраняемое полусотней отчаянных бойцов, прошедших подготовку в анархической ячейке Иосифа Блюменфельда. Штурм был кровавым. С обеих сторон были раненые и убитые, но,

несмотря на отчаянное сопротивление заговорщиков, бастион был взят, а все члены Капитула – арестованы.

– Да-а, – протянул Руднев, дочитав историю до конца. – Прав был Анатолий Витальевич, оркестр очевидно фальшивит... Кто же всё это придумал?

– Если бы Эжен Сю¹² жил в наше время, я бы приписал авторство ему, – отозвался Белецкий, по своему обыкновению сидевший на подоконнике со скрещенными на груди руками.

– Месье Сю писал, чтобы развлечь читателей. А это-то с какой целью накропали?

– С той же самой! Нужно же как-то отвлекать общественность от безрадостных новостей с фронта. Я бы сказал, что это даже гуманно и социально желаемо... – ударился в неожиданные рассуждения Белецкий.

– Ты себя в зеркало дано видел, гуманист? – оборвал его Дмитрий Николаевич. – Нет, Белецкий! Я ни за что не поверю, что вся эта *galimatias* (*фр. галиматья, вздор*) придумана только лишь для того, чтобы сосредоточить наших сограждан на происках германских агентов и победоносных акциях секретных служб. Дыма без огня не бывает!

– Думаете, Дмитрий Николаевич, за ширмой надуманной и перевернутой истории скрывается реальный заговор, о котором и хотел говорить с вами Павел Сергеевич?

– Отчего бы и нет? Версия не хуже любой другой! Нужно же с чего-то начать!

Не успел Руднев договорить, как в дверь постучали, и тут же на пороге появился растерянный слуга:

– Простите, барин, к вам... – начал он и не закончил, поскольку представляемая им персона легкой и решительной поступью вошла в библиотеку. Это была Шарлотта Атталь.

Бальный туалет на ней сменился на будничным английскому крою костюм со складчатой юбкой, клетчатым жакетом и блузкой с жестким по мужскому фасону воротником, заколотым камеей из розового опала. Пышную причёску венчала миниатюрная шляпка с фазановым пером и небольшой вуалеткой. В руках француженка держала шитую бисером изящную сумочку.

– *Désolé de vous déranger, monsieur Rudnev* (*фр. Извините, что беспокою вас, господин Руднев*), – ровно произнесла она, ни мало не смущаясь.

– *C'est un tel honneur de vous avoir, Madame Attal!* (*фр. Для меня честь принимать вас, мадам Атталь!*) – в некотором замешательстве ответил Дмитрий Николаевич, поднимаясь и подводя гостью к креслу. – *Que me vaut ce plaisir?* (*фр. Чем обязан этому удовольствию?*)

Мадам Атталь грациозно села и смело закинула ногу на ногу так, что изящная ножка в шёлковом чулке стала видна куда выше щиколотки.

– Представьте мне вашего компаньона, Дмитрий Николаевич, – попросила она, переходя на русский и внимательно разглядывая застывшего в почтительной позе Белецкого.

– Это господин Белецкий, мой друг и управляющий моими делами, – отрекомендовал Руднев.

Шарлотта улыбнулась и, демонстрируя невероятную проницательность, сказала на швейцарском немецком:

– Никогда бы не подумала, что я – француженка – скажу это немцу, но я очень надеюсь, что вы победили, господин Белецкий.

Впервые в жизни Руднев увидел, как стоическую физиономию Белецкого заливают краска.

– Я буду у себя, если понадобится, – проговорил управляющий, срываясь прочь.

– Подождите, сударь, – остановила его мадам Атталь. – Я пришла по делу... А как вы русские говорите, две головы гораздо предпочтительнее одной...

– Одна голова хорошо, а две – лучше, – поправил Руднев.

¹² Эжен Сю – французский писатель XIX в., один из основоположников уголовно-сенсационного жанра в литературе.

– Да-да, именно так... – согласилась Шарлотта и продолжила. – Я нуждаюсь в вашем совете, Дмитрий Николаевич.

Руднев сел напротив гостьи и ободряюще кивнул.

– Я слушаю вас, мадам.

Француженка неторопливо расстегнула сумочку, вынула оттуда элегантный серебряный портсигар с выгравированной монограммой императора и протянула Рудневу.

– Эта вещь принадлежала вашему другу le prince Paul, – сказала она. – Он забыл её, когда был у меня с визитом... Как это будет по-русски?.. Relation intime... (*фр. интимная встреча*) Я думаю, это фамильная реликвия, раз на ней вензель вашего царя...

– Да, – подтвердил Дмитрий Николаевич. – Мне знакома эта вещь. Это наградной портсигар. Павел Сергеевич получил его за воинские заслуги. Вы хотите, чтобы я передал реликвию семье?

– Не совсем так, – ответила мадам Атгаль. – Как я уже сказала, мне нужен ваш совет... Подскажите, как правильнее поступить: вернуть эту вещь родственникам князя или передать властям?

– Не вижу смысла беспокоить власти, – пожал плечами Руднев. – Если вы... Si tu veux que ton secret soit bien gardé... (*фр. Вы хотите сохранить секрет...*) Хотите, чтобы ваша дружба с князем осталась entre vous deux (*фр. между вами двумя*). Я обещаю не упоминать вашего имени.

– Меня не волнуют секреты на двоих, – небрежно обронила женщина и взглянула на Дмитрия Николаевича так снисходительно, что теперь и он почувствовал себя смущённым. – Дело совсем в другом... Откройте его. Вы ничего не замечаете?

Руднев раскрыл портсигар и внимательно осмотрел. На внутренней поверхности крышки с одного края он обнаружил несколько неприметных царапин.

– Всё верно, – поддержала его открытие Шарлотта. – Там есть потайное отделение.

У Дмитрия Николаевича упало сердце. Ему было отлично известно, что обычно хранили в подобных отделениях, а в свете сделанной камердинером Каменского находки, сомнений на этот счёт у него практически не оставалось.

– Вы открывали? – натянуто спросил он гостью.

На лице мадам Атгаль отразилось искреннее изумление.

– Да, открывала... Но чему вы так расстроились, Дмитрий Николаевич? Я и до этого знала, что le prince Paul... Не знаю, как сказать по-русски... Il est un espion. (*фр. Он шпион*). Все дипломаты c'est un espion (*фр. являются шпионами*).

Со смешанным чувством опасения и нетерпения Дмитрий Николаевич раскрыл потайное отделение. К его несказанному облегчению, порошка там не оказалось, зато обнаружился небольшой, в несколько раз сложенный клочок папиросной бумаги. Руднев развернул его и увидел фрагмент той же самой надписи, что ранее видел в оранжерее Каменских: «1.5.0.5.0.7.1.4».

– Так что вы мне посоветуете, – невозмутимо переспросила француженка. – Стоит ли передавать эту вещь властям?

Руднев пристально посмотрел на мадам Атгаль, пытаясь понять, что ещё известно этой женщине и какова реальная причина её визита. Но лицо Шарлотты было непроницаемо даже для его опытного взгляда. Женщина выглядела абсолютно спокойной, и лишь во взоре её сквозили не то легкая насмешка, не то сдерживаемое любопытство.

– Мадам, – произнёс Дмитрий Николаевич чрезвычайно строго, – я должен предупредить вас, что принимаю участие в официальном расследовании внезапной смерти его сиятельства князя Вяземского. Всякие факты, выясненные мною и имеющие отношение к этому делу, станут известны дознанию. Поэтому прошу вас решить, мы продолжаем разговор или прекра-

щаем. В любом случае я прошу вас оставить портсигар у меня. Обещаю, что в конечном итоге он будет передан наследникам князя.

По лицу француженки пробежала печальная тень.

– У le prince Paul есть наследники? Дети?

– Увы, мадам... У Павла Сергеевича жена-итальянка и четверо детей. Трое мальчишек и дочь. После начала войны они переехали из Рима к родственникам в американский Бостон.

– Vraiment désolé... (*фр. Мне очень жаль...*) – покачала головой мадам Атталъ.

– Moi aussi, Madame (*фр. Мне тоже, мадам*), – сухо ответил Руднев. – Но вы так и не сказали, готовы ли вы продолжить наш разговор. Я был бы очень признателен, если бы вы согласились ответить на несколько вопросов.

Теперь уже Шарлотта одарила Дмитрия Николаевича пристальным взглядом.

– Правильно ли я понимаю, monsieur Rudnev, есть основания полагать, что le prince Paul умер не своей смертью? – спросила она.

– Пока что смерть его сиятельства квалифицируется как «смерть при невыясненных обстоятельствах», но вероятность её насильственного характера рассматривается следствием как одна из возможных версий.

– Слишком много слов, вместо того, чтобы просто сказать: «Oui (*фр. Да*)»! – фыркнула мадам Атталъ и, немного помолчав, добавила. – Мне, разумеется, не хотелось бы оказаться замешанной в разбирательстве убийства, но ради четырёх сирот и итальянской вдовы, я готова помочь. Спрашивайте, Дмитрий Николаевич.

– Как давно вы знакомы с Павлом Сергеевичем?

Шарлотта на несколько секунд задумалась.

– Мы познакомились за два года до начала войны в Вене на приёме в русском посольстве в честь дня рождения вашего императора. У нас завязался, как вы говорите, роман. Но продлился он всего месяц. Paul уехал куда-то по делам службы, а я с мужем вернулась в Берн. Потом мы ещё несколько раз встречались в Европе и в России. Когда два месяца назад я приехала в Москву, оказалось, что и он бывает здесь время от времени. Он делал мне визиты. Между нами не было прежней страсти, но, как это у вас говорят, старые привязанности не нуждаются в чистке от патины.

– Старая дружба не ржавеет, – поправил Руднев и продолжил расспрос. – Когда вы виделись с ним в последний раз?

– На прошлой неделе.

– Тогда он и забыл у вас портсигар?

– Не знаю, возможно и раньше. Но нашла я его только avant-hier (*фр. позавчера*).

Руднев задумался, а потом всё-таки решился спросить.

– Вы сказали, что считаете Вяземского шпионом. Почему вы так решили, мадам?

Француженка несколько брезгливо поморщилась.

– Я не решила, я точно знаю. Paul не очень-то... как это... se cacher (*здесь фр. скрывался*)... Он иногда бывал очень откровенен... Особенно quand nous faisons l' amour (*фр. когда мы занимались любовью*). Он рассказывал и выспрашивал всякое... C' était ridicule! (*фр. Это было нелепо!*) Но при этом... Il était mignon... (*фр. Он был таким милым...*) Это всё война, monsieur Rudnev! Если бы не она, le prince Paul был бы просто Il fait partie des mondains (*фр. одним из светских людей*)... Но война заставила его faire mon devoir (*фр. выполнять долг*)... Он говорил мне, что его род восходит к самим Рюриковичам... Я точно не знаю, кто это... Наверное, то же, что Merovingiens¹³ во Франции... Думаю, бедный Paul, как и всякий служащий консульства, должен был собирать информацию об иностранцах. Он это и делал, как умел...

¹³ Мервинги (*фр. Merovingiens*) – первая династия франкских королей, правившая с конца V до середины VIII века во Франкском государстве.

Шарлотта вдруг сбилась, и глаза её наполнились слезами.

– Pardonnez-moi (*фр. Простите*), – прошептала она и закрыла лицо платком.

Белецкий подал французенке стакан воды. Та сделала несколько глотков и благодарно кивнула.

– Простите, господа! Le prince Paul был моим другом, – произнесла она, возвращая себе самообладание. – Мне, собственно, нечего больше вам рассказать, Дмитрий Николаевич. Я оставляю вам портсигар. Поступайте с ним, как сочтёте нужным. И передайте мои соболезнования вдове... Или не предавайте... Вам виднее...

Мадам Атталъ стремительно поднялась, но Руднев взял её за руки и усадил обратно.

– Ещё несколько вопросов, мадам, – мягко сказал он. – Вы очень поможете!.. Расскажите, что происходило, когда я ушёл с графиней Каменской. Вспомните, пожалуйста, князь пил шампанское?

– Да, он предложил мне выпить за *autrefois* (*фр. старые времена*).

– А дальше?

– Дальше началась кадриль, и меня пригласил барон Гинцбург¹⁴. Он хочет представлять мои интересы в России, вот и *courtise* (*фр. обхаживает меня*).

– Вы видели тот момент, когда князю сделалось плохо?

– Нет. Я танцевала в соседнем зале. Прибежала на крики вместе с остальными... – внезапно глаза женщины вспыхнули, она подалась вперед и схватила руку Дмитрия Николаевича. – *Monsieur Rudnev, je me souviens! Ça pourrait n'être rien, mais...* (*фр. Я вспомнила, господин Руднев! Может, это и не важно...*) Когда мы *boire et parler* (*фр. пили и болтали*), le prince Paul посмотрел куда-то в зал и... как это?.. *changer de visage* (*фр. изменился в лице*). Он сделался очень *sérieux* (*фр. серьёзным*) и сказал... Я не совсем поняла и не уверена, что правильно запомнила... Он сказал что-то вроде: «Волк, одетый, как овца».

– Волк в овечьей шкуре? – уточнил Руднев.

– *Oui!* Он так и сказал!

– Вы поняли, о ком он говорил?

– *Non!* Я обернулась посмотреть, но Paul отвлек меня *plaisanterie* (*фр. шуткой*) ... А дальше уже подошёл Гинцбург.

Мадам Атталъ снова встала, на этот раз исключительно решительно.

– Я злоупотребляю вашим гостеприимством, Дмитрий Николаевич, – произнесла она. – Да и время уже неприемлемое для визитов. Я должна идти.

Руднев проводил французенку до ожидающего её у подъезда экипажа. Когда в прихожей он набрасывал ей на плечи отороченную горностаем накидку, Шарлотта повернулась к нему и сказала с самоуверенной улыбкой.

– Я приеду к вам ещё, Дмитрий Николаевич. Я хочу увидеть вашу мастерскую. Вы позволите?

– Если вам угодно, мадам. Я буду рад! – ответил Руднев, ловя себя на том, что не может вырваться из плена её ярких обворожительных глаз. – Когда прикажете ждать вас?

– Завтра! – улыбнулась французенка и протянула Дмитрию Николаевичу руку для поцелуя.

«Не смей в неё влюбляться, Руднев! Не смей!» – приказывал себе Дмитрий Николаевич, стоя у подъезда под холодной апрельской моросью и провожая взглядом скрывавшуюся за поворотом коляску.

Впервые в жизни он испугался зародившегося в его душе чувства и сам не мог понять, почему.

¹⁴ Гинцбурги (Günzburg) – род еврейских банкиров, предпринимателей и меценатов, за которым в Российской империи было признано баронское достоинство.

Глава 5

Утром следующего дня Руднев, на этот раз уже в сопровождении прервавшего своё вынужденное затворничество Белецкого, явился в контору Московского сыскного управления, расположенную в Гнездниковском переулке. Он надеялся застать там Терентьева, который всегда бывал в конторе в это время, и узнать у того самые последние новости по делу. Но Анатолия Витальевича на месте не оказалось. Кто-то из младших чинов сообщил, что коллежский советник вместе с начальником сыскной полиции вызваны куда-то совсем наверх, и когда будут, неизвестно.

Докладывающий об отсутствии Терентьева молодой человек был Рудневу незнаком. Оно и вообще в сыскном за последние два военных года появлялось много новых лиц, либо совсем ещё юных, либо наоборот – возраста солидного. Они приходили на место тех, кто сменил чиновничьи петлицы на военные погоны и ушёл месить сапогами прусские болота. Кое-кому из них уже было не суждено вернуться в суетные кабинеты сыскного управления. Их имена были вытеснены на висевшей в присутствии бронзовой табличке под крестом и пафосным заголовком: «Вечная память и слава павшим за Царя и Отечество!».

Среди этих имён было одно, что не принадлежало сотруднику сыскной полиции, но по общему решению всего управления было причислено к поминальному списку. Это было имя двадцатидвухлетнего подпоручика 4-го Стрелкового Императорского полка Дмитрия Аркадиевича Кошко, младшего из двух ушедших на фронт сыновей начальника московского сыска. Старшего сына Аркадия Францевича Господь пока хранил. Но после гибели младшего статский советник неделю не появлялся на службе, а когда явился, виски его совсем поседел и лицом он состарился на все десять лет.

Одним из подавшихся на фронт сыскных чинов был помощник Терентьева – младший сыскной надзиратель Савелий Галактионович Савушкин. Ушёл он вольноопределяющимся уже через пару месяцев после начала войны. Сын унтер-офицера, Георгиевского кавалера, оставаться вне воинской службы Савушкин видел для себя недостойным, о чём и сообщил своему обожаемому начальнику и наставнику. Тот по своему обыкновению сперва пошумел и поругался, но всё-таки решение ученика принял и даже что благословил. Однако с тех пор коллежский советник с особенной тщательностью и плохо скрываемым трепетом просматривал сводки о погибших и раненых, и при всяком подходящем случае сетовал на неразумность нынешней молодёжи, ничего не смыслящей в жизни и ищущей в ней одного лишь нелепого геройства.

Рудневу с Белецким пришлось ждать не менее получаса, прежде чем наконец появился коллежский советник, заметно взвинченный и угрюмый. Хмуро поздоровавшись и проворчав что-то на счёт ещё не до конца сошедших с лица Белецкого следов народного гнева, Анатолий Витальевич увёл друзей в свой кабинет.

– В общем так, – начал Терентьев без предисловий. – Дело о смерти Вяземского у сыскного забирают. Мне велено до конца дня передать все материалы и более не смей даже дышать в сторону этой истории. А также меня попросили – в форме однозначного приказа – и вам, господа, передать, что ваше участие в дознании ни в коей мере не требуется и, более того, любая ваша попытка частного разбирательства закончится для вас серьёзными неприятностями.

– Кто же станет вести дознание? – спросил Руднев, предугадывая ответ.

– Отдельный корпус жандармов, – ответил Анатолий Витальевич. – Руководить расследованием поручено ротмистру Толстому Петру Кирилловичу, любимцу Джунковского.

– Не тому ли самому Толстому, что отличился при штурме Лисьего замка и аресте заговорщиков Вер-Вольфа? – припомнил давешние изыскания Белецкий.

– Именно тому, – подтвердил Терентьев. – Пётр Кириллович человек умный и энергичный, но крайне честолюбивый и в средствах неразборчивый. Таких, как он, во врагах иметь опасно, а друзьям – и того опаснее. Ротмистру Толстому чуть ли самим министром внутренних дел передана в деле Вяземского полная свобода действий. И воспользоваться ей он не преминул сразу же в том плане, что попытался потребовать от меня отправить в отпуска всех, кто вчера на место выезжал. Я его фантазию, конечно, пресёк, напомнив, что не пристало ему с его восьмым классом мне с моим шестым¹⁵ приказы-то раздавать. И он, хоть зубом и скрипел, рвение своё унял, особо что при Аркадии Францевиче... Я это всё вам, господа, рассказываю, чтобы вы серьёзность момента уловили. Не знаю, что уж там за секретность такая, но жандармские всякого, кто осмелится в их приход сунуться, в порошок изотрут.

– Ну, так мы и не станем соваться, – неожиданно бодро заявил Руднев. – А действовать будем исключительно в рамках своей зоны полномочий.

– Это вы, Дмитрий Николаевич, чего такое задумали? – всполошился Анатолий Витальевич. – Под обвинение в государственном преступлении попасть хотите и меня заодно подвести?!

– Вовсе нет! Никакого нарушения сделанного вам, Анатолий Витальевич, предписания! Вам ведь что велено? Передать дело о смерти их сиятельства князя Павла Сергеевича Вяземского. Ну, так и передавайте! А сами открывайте другое дознание – о покушении на господина Дмитрия Николаевича Руднева.

Терентьев сердито стукнул кулаком по столу.

– Дмитрий Николаевич, бросьте дурака валять! Вы же не хуже меня понимаете, что это жонглёрство словами.

– Пусть жонглёрство! Но формально придраться к вашим действиям нельзя. Вы действительно обязаны назначить разбирательство по факту обнаружения яда в моем напитке.

Руднев пододвинул к столу коллежского советника стул, взял бумагу и принялся писать.

– Вот, Анатолий Витальевич, – пояснил он. – Я прямо сейчас составлю заявление с просьбой поручить именно вам дознание по моему делу. В конце концов, персона я с именем, отчего бы статусом своим не воспользоваться и не потребовать для себя лучшего московского сыщика? Уверен, Аркадий Францевич ходатайство моё уважит, – Дмитрий Николаевич поднял глаза на скептически хмурящегося коллежского советника и добавил уже совсем иным, куда как менее оптимистическим тоном. – Анатолий Витальевич, оно ведь и правда, что мне может угрожать опасность. Белецкий верно вчера сказал: тем, кто Пашу убил, лишние свидетели не нужны. Уверены вы, что жандармским с их государственным размахом до таким мелочей дело есть? Да им и до Вяземского, как такового, никакого интереса! Не оставлю я этого дела, Анатолий Витальевич! По многим причинам не оставлю. И своя мне жизнь дорога, и убийство Павла Сергеевича покоя не даст. Пусть и не вернуть Пашку, но убийцу я его к ответу призову!

– Ох, с огнём мы играем, Руднев! – проворчал коллежский советник.

Он принял у Дмитрия Николаевича подписанную бумагу, нацепил очки, прочёл и своим размашистым почерком завизировал: *«Принять. Начать разбирательство безотлагательно. КС¹⁶ Терентьев А. В.»*

– У Аркадия Францевича до вашего заявления руки дойдут только послезавтра, – объяснил Анатолий Витальевич. – Сегодня он в Судебной палате допоздна будет, а завтра большое совещание у генерал-губернатора. Так что пока я, как его помощник, решения по таким заявлениям принимаю. Но может такое случится, что заключение моё окажется пересмотрено,

¹⁵ Военское звание ротмистра приравнивалось к гражданскому чину коллежского асессора, то есть восьмому классу табеля о рангах, а чин коллежского советника относился к шестому классу.

¹⁶ КС – коллежский советник.

и тогда уж не обессудьте. Аркадий Францевич человек интеллигентный и рассудительный, но иной раз и его заносит. Посадит нас троих под арест за самовольство и не поморщится.

Терентьев кликнул дежурного и передал ему Рудневское заявление, повелев немедленно направить делопроизводителю. Дежурный поручение принял и в свою очередь доложил, что коллежского советника ожидает судебно-медицинский эксперт.

Алвис Екабсович вошёл своей обычной разболтанной походкой, имея при себе помимо папки с отчётом, несколько каких-то здоровенных справочников, которые пытался удержать под мышкой, но которые там очевидно не помещались.

– Вот, – заявил лифляндец, вываливая на стол Анатолию Витальевичу всё своё библиофильское собрание и водружая сверху отчёт. – Первичное заключение у меня готово, господин коллежский советник. Уверен, господа, мне удастся вас удивить.

– Удивляйте, – милостиво дозволил Анатолий Витальевич.

– Начну с наименее интересного, – вдохновенно принялся излагать доктор. – Что касается дактилоскопии, то здесь полное фиаско. Отпечатки пальцев на бокале не совпадают ни с одним из предоставленных для сравнения.

– Стало быть, не лакеи бокал трогали, – заключил Терентьев. – С этим понятно. Дальше что?

– Дальше – содержимое флакона, – продолжил Петуш. – Тут всё без сюрпризов. В склянке обычный кикер (*жарг. кокаин*). Качество не аптечное, но высокое, без муки. Его же я обнаружил и в вашем бокале, Дмитрий Николаевич, в дозе абсолютно избыточной для верного убийства. Можно было и вполтину меньше добавить, исход бы был однозначный. Ни на одном из бокалов следов кокаина я более не обнаружил. Окровавленных осколков, как вам известно, найдено не было, так что я не могу ничего сказать на тот счёт, был ли наркотик в бокале погибшего.

– Очевидно был, раз его им отравили... – высказался коллежский советник.

Алвис Екабсович звонко хлопнул в ладоши.

– А вот тут-то, Анатолий Витальевич, и начинаются сюрпризы! – триумфально провозгласил он.

– Хотите сказать, Павел Сергеевич не от кокаина умер? – спросил Руднев.

Хотя он совершенно не разделял научный восторг патологоанатома, с души его свалился камень.

– Именно! – доктор принялся лихорадочно перелистовать свой отчет и тыкать длинным тонким пальцем во всякие латинские термины. – Вот! Ознакомьтесь!

– Доктор, мы бы предпочли услышать выводы, а не разбираться в вашей зауми, – раздражённо заявил Терентьев. – От чего умер князь?

– Формально, от остановки сердца, – Петуш сделал нетерпеливый жест рукой, пресекая готовые сорваться с уст коллежского советника замечания. – Выслушайте, господа! Их сиятельство умерли смертью вполне естественной. Если совсем простым языком, то у него загустела кровь и образовались тромбы в сосудах. Отсюда судороги, проблемы с ритмами сердца и дыханием, стремительный отёк лёгких и, в конце концов, летальная остановка сердца. Такая смерть – совсем не редкость. Даже у молодых, вполне себе здоровых на первый взгляд людей, встречается предрасположенность к загустению крови и её повышенной свертываемости, что приводит к закупорке сосудов. Иногда негативный процесс развивается годами, а иногда – скоротечно и чаще всего заканчивается смертью.

– Подождите, доктор! – прервал избыточную лекцию Анатолий Витальевич. – Вы хотите сказать, что отравленного шампанского князь не пил?

– Не пил! Яда в желудке покойного нет.

– То есть убийства не было? – настойчиво потребовал разъяснения Руднев.

– А на этот вопрос я вам, Дмитрий Николаевич, однозначно ответить не могу, – развёл руками Алвис Екабсович.

На несколько секунд повисла пауза, которую прервал коллежский советник, спросив с нарочитой вежливостью:

– Господин доктор, соблаговолите пояснить ваше последнее высказывание. Мы, к сожалению, не успеваем за ходом вашей мысли. И, если вас не затруднит, начните, пожалуйста, с ответа на вопрос: их сиятельство умерли от руки убийцы, или Господь его своей волей прибрал?

Петуш потёр подбородок и неторопливо ответил:

– Если мне придётся давать показания в суде, я отвечу, что смерть покойного признаков насильственности не имеет, но в рамках дознания я бы осмелился высказать иную версию... Вы помните, господа, что рука жертвы была поранена. Естественно, я тщательно осмотрел эти раны. Обычные порезы, какие и должны возникнуть в результате повреждения осколками стекла. Я даже обнаружил несколько из них. Они очевидно от разбитого бокала. Это было легко установить по фрагментам гравировки и золочения. В сущности, эта травма вполне укладывалась в общую картину смерти. Князь либо выронил бокал и после, упав, попал рукой на осколки, либо, что ещё вероятней, рука его была сведена судорогой, и он упал, не выпуская бокала, и дальше тискал осколки в руке. В общем, всё было так, как и должно было быть. Всё, кроме одного маленького едва заметного пореза. Он отличался от других тем, что вокруг него была небольшая, но явственная зона некроза. При этом порез был свежим.

– И что всё это значит? – нетерпеливо спросил Руднев.

– Я тоже задался этим вопросом, господа, – невозмутимо ответил эксперт. – Если объяснить попросту, развитие некроза или, другими словами, омертвения тканей при ранениях происходит от заражения и требует определённого времени. Моментальный некроз возникает, например, при сильных ожогах термических или химических, или от укусов ядовитых тварей. В общем, я заподозрил, что с этим повреждением что-то не так, и исследовал иссечённый вокруг него кусок плоти. Вынужден разочаровать, какого-то определенного токсина мне обнаружить не удалось, но имеющиеся в тканях остаточные следы отдельных веществ давали основания предполагать, что в рану-таки мог попасть некий яд, который спровоцировал загустение крови, а после разложился на составляющие. Я пересмотрел всё, что смог найти о подобных методах отравлений и нашёл подходящий вариант. Вот!

Алвис Екабсович принялся зачитывать из принесённых книг. Тексты были на разных языках, в том числе, на латыни.

– Доктор! – не выдержал Анатолий Витальевич. – Вы не на кафедре! Переходите к сути!

– Как вам будет угодно, – несколько уязвлено ответил доктор. – Итак, господа, я готов предполагать, что причиной смерти князя Вяземского мог стать яд, которым в XVII веке были отравлены не менее семи представителей Шварцбургского дома, одного из древнейших аристократических семейств Германии. Родственники никак не могли разобраться с вопросом наследования и, как это часто бывало, решили проредить свои ряды. Некто герр Ютенштайн, чернокнижник и знаток ядов, сделал для самого предприимчивого Шварцбурга особое орудие в виде кольца, в который была вмонтирована отравленная игла. При рукопожатии игла наносила небольшую ранку, через которую в кровь жертвы попадал смертельный яд. По описаниям раны и симптомов отравления всё очень похоже на наш случай. Точный рецепт яда неизвестен, но есть предположения о его составе и свойствах, и они тоже вполне подходят к обнаруженным мною следам...

– Как вы сказали, доктор, было имя чернокнижника? – неожиданно перебил Петуша Белецкий.

– Ютенштайн. А что? Вам оно известно?

Белецкий кивнул.

– Это фамилия одного из членов Капитула, возглавлявшего заговор профессора Вервольфа. Помните, Дмитрий Николаевич? Того, что был фармацевтом. Его звали Альберт Ютенштайн.

– А средневекового отравителя звали Клаусом, – заметил доктор и пододвинул своим собеседникам книгу.

На пожелтевших страницах среди архаичного немецкого текста был размещен портрет бородатого старика в профессорской мантии, а под ним – изображение замысловатого кольца с оскаленной волчьей мордой и готической надписью внутри: «Werwolf».

– Вот и ещё один оборотень проявился, – задумчиво проговорил Белецкий. – Возможно, Павел Сергеевич понял, как был убит, и пытался предупредить вас, Дмитрий Николаевич, об опасности.

– Очень даже вероятно, – поддержал Терентьев. – Похоже, не зря я дело о покушении открыть приказал. Выходит, там вчера у Каменских один убийца князю руку средневековым перстнем царапал, а второй – шампанское кикером приправлял. Избыточная какая-то концентрация душегубов для одной великосветской гостиной!

– С чего вы, Анатолий Витальевич, взяли, что убийц было двое? – спросил Руднев. – Впрочем, даже если их и было несколько, я уверен, что всё это одна история.

– Убийцы обычно не разнообразят свои приёмы, – возразил коллежский советник. – По крайней мере в рамках одного раута они бы точно не стали широтой навыков щеголять.

– А вот и стали бы! – не согласился Дмитрий Николаевич. – Вернее, им пришлось, поскольку способ убийства Павла Сергеевича в отношении меня был ненадёжен. При рукопожатии я не снимаю перчатку, и руку мне поцарапать сложно. Поэтому-то они и подсыпали яд в шампанское. То, что в качестве отравы выступал кокаин, также говорит в пользу моей версии. Кокаином редко травят. Вероятно, убийца имел наркотик при себе, так сказать, для личной необходимости, и воспользовался подручными средствами.

– Всё равно остаётся непонятным, каким образом они вам яд в шампанское подмешали? И почему флакон с кокаином оказался у Павла Сергеевича? – прервал рассуждения Руднева Белецкий.

– Подсыпать могли только во время спиритического сеанса, пока все рассаживались по местам, и потом, когда сидели в темноте с закрытыми глазами, – высказал предположение Дмитрий Николаевич. – А вот как склянка попала к Вяземскому, действительно, загадка.

Анатолий Витальевич оживился.

– Насчёт сеанса, вы, Дмитрий Николаевич, очень хорошо подметили! – заявил он. – Это существенно ограничивает список подозреваемых. Сможете припомнить, кто там был? Тогда, глядишь, и с флаконом прояснится.

Затем Анатолий Витальевич надел очки и пролистал отчёт Петуша.

– Я так понимаю, доктор, – сказал он, – свою гипотезу про герра Ютенштайна вы в бумаге отражать не стали?

– Нет, я лишь отметил обнаруженное мною странное повреждение и результат анализа прилегающих тканей, – отвечивал эксперт.

Он собрал свои книги и откланялся.

– Вот и хорошо! – заключил коллежский советник, когда друзья снова остались втроём. – Пусть ротмистр Толстой сам библиотеку проштудирует, если охоту имеет. А у нас, господа, фора будет на то время, пока он про чернокнижника и его тёзку не дознался. Не факт, что версия эта верная, но уж больно красиво для простого совпадения... Пробегуся-ка я по старым связям, глядишь удастся разузнать, что там на самом деле за Капитул такой из профессоров и аптекарей...

– А я попробую выяснить, каким образом история с заговором попала в газеты, и кто придумал её так приукрасить, – предложил Белецкий. – У меня есть знакомый редактор в

«Голосе Москвы». Он в своё время обращался ко мне по поводу материалов об экспедициях вашего отца, Дмитрий Николаевич. Потом я ему ещё с переводами помогал... В общем, за ним долг. Напомню ему об этом, приглашу пообедать где-нибудь приватно и разговорю... Ему только дай волю позлословить о коллегах и поругать власти! А тому, кто его праведный гнев поддержит, он всю свою типографскую душу до капли изольёт.

– Ты, Белецкий, когда станешь его гнев поддерживать, смотри, прилюдно на немецкий не перейди, – усмехнулся Руднев. – Ты ж ругаешься исключительно по-немецки!

Белецкий состроил оскорблённую мину.

– Дмитрий Николаевич, я говорю на восьми языках, а ругаться умею на двенадцати! Уж как-нибудь смогу скрыть свою немецкую сущность... Не беспокойтесь!..

– Подождите-ка, Белецкий! – перебил Терентьев. – Мне тут пришло в голову, как вашу немецкую сущность для пользы дела применить можно!

Белецкий подозрительно посмотрел на коллежского советника.

– Не уверен, Анатолий Витальевич, что мне ваша идея понравится, в чём бы она ни заключалась, – решительно заявил он. – У меня и без того ещё рёбра не зажили!

Терентьев отмахнулся.

– Друг мой, предприятие абсолютно безопасное для ваших рёбер! – заверил он. – Я предлагаю вам стать участником своеобразного немецкого клуба.

– Что?! – потрясенно переспросил Белецкий. – Вы с ума сошли, Анатолий Витальевич! Немецкий клуб? В наши-то времена! Чем я вам так насолил, что вы смерти моей хотите?

– Да погодите вы, Белецкий! Это не совсем клуб... Так, приватное общество единомышленников, объединенных вокруг старой доброй контрабанды...

– Контрабанды?! – Белецкий совсем растерялся.

– Да, а что? – невозмутимо пожал плечами коллежский советник. – Почётное криминальное ремесло. Интернациональное. Вам, как человеку, говорящему на восьми языках, это должно быть близко по духу...

– Вы издеваетесь?!

Анатолий Витальевич рассмеялся.

– Так, саму малость, – признался он. – Но не сердитесь, друг мой! Сейчас я всё объясню, а вы уж решайте, принимать моё предложение или нет... Есть у меня один информатор-немец. По паспорту – Анкэль Рихтер, но уже второй год предпочитает называть себя Ануфрием Ануфриевичем Судейкиным¹⁷. Он владеет небольшой галантерейной лавкой в Китай-городе и в большом авторитете у тамошних торговцев, почему ему, собственно, и сошло с рук переименование из Рихтера в Судейкина. Популярность Ануфрий Ануфриевич заработал своими полезными связями, через которые уж сколько лет успешно организывает для своих братьев по цеху поставки всякого необандероленного (*устар. безакцизного*) товара: от одеколонов и сукна до сигарет и коньяка. Причём бизнес свой господин Судейкин всегда вёл и продолжает вести без оглядки на национальный вопрос. Дела прощельга этот, естественно, проворачивает не в одиночку. Он входит в этакий преступный синдикат, объединяющий контрабандистов и спекулянтов немецкого происхождения по всей Матушке-России. Когда начались гонения на немцев, вся эта шайка с невероятным усердием стала сотрудничать с властями, помогая выявлять германских шпионов и провокаторов. За такое гражданское самосознание им обеспечивается негласная защита, а кроме того, на их сомнительные торговые операции смотрят сквозь пальцы. Наглеть, конечно, мошенникам не позволяют, но и не совсем уж прижимают. Так вот, Белецкий! Я предлагаю вам стать одним из членов этого почтенного общества и попробовать узнать через их связи что-нибудь о заговоре Вер-Вольфа, так сказать, из первых рук. Рекомен-

¹⁷ Фамилия Richter дословно переводится с немецкого как «судья».

дацию, самую что ни на есть надежную, вам даст господин Судейкин, обязанный мне по гроб жизни и крайне зависящий от моего к нему хорошего отношения.

Белецкий с Рудневым переглянулись.

– Анатолий Витальевич, – заговорил Дмитрий Николаевич. – У меня два вопроса. Во-первых, зачем внедрять Белецкого в этот, как вы выразились, клуб, если его члены и без того сотрудничают с властями? Почему просто нельзя спросить о заговоре того же Рихтера-Судейкина?

– Спросить, конечно, можно, – поморщился коллежский советник. – Только откровенность бюргеров имеет свои понятные пределы. Они охотно сдают всякую мелочь, а о серьёзном предпочитают помалкивать, здраво опасаясь, как бы оглобля их самих вторым концом не приложила. Они ведь хоть и немцы, но русские, а потому точно знают, что у нас на Руси из покон века первый кнут всегда достаётся доносчику... Какой у вас второй вопрос, Дмитрий Николаевич?

– Каким образом вы предполагаете выдать Белецкого за контрабандиста?

У Терентьева азартно загорелись глаза, и он довольно потер руки.

– О! Тут мы можем презанятнейший спектакль разыграть! У Ануфрия Ануфриевича в списках партнеров значится антиквар и букинист Паисий Спиридонович Лукашин. Этот ценитель искусства ничем не брезгует – и ворованным торгует, и всякими нелегально ввезёнными редкостями. Мы его несколько раз прижать пытались, но уж больно скользкий гад! Большого, чем штраф, ничего ему навесить не получается. Сейчас у Лукашина тяжёлые времена. Из-за войны каналы поставок из Европы перекрыты, а торговать-то чем-то надо. Вот мы ему и подсунем одноплемянника и хорошего знакомого господина Судейкина – вороватого зрителя богатой частной коллекции Фридриха Карловича Белецкого... А? Как?

Белецкий особого энтузиазма не выказал.

– Я подумаю, Анатолий Витальевич, – пообещал он. – Ваша идея очень неплоха, но я в себе не уверен. Не по нутру мне такие игры.

– Подумайте, Белецкий! Подумайте! Я не настаиваю! Но на всякий случай с Ануфрием о встрече договорюсь, – елейным голосом проговорил Анатолий Витальевич, а после спросил Руднева. – Дмитрий Николаевич, а у вас какие планы?

– У меня на повестке дня шифр и свидетель, – ответил Руднев и рассказал о произошедшем накануне вечером визите Шарлотты Атгаль, о переданном ею портсигаре с таинственной запиской и обещании явиться сегодня с повторным визитом.

– Вот даже как, – задумался коллежский советник. – Я-то, сказать по чести, всерьёз ваши цифры не воспринял. Решил, что это так, детишки забавлялись или слуги что-то помечали. А выходит, тут и впрямь тайнопись какая-то. Может, Дмитрий Николаевич, этот вопрос без разбирательства ротмистру Толстому передать? У них там целый штат дешифровщиков. Пусть они головы и ломают.

– Передать всегда успеем, – возразил Руднев. – Сперва сами разобраться попробуем. Возможно, мадам Атгаль скажет мне что-нибудь такое, что наведет меня на мысли.

Белецкий метнул на Руднева быстрый колючий взгляд и проворчал.

– Несомненно наведет. Я даже догадываюсь на какие...

Дмитрий Николаевич замечание друга проигнорировал, и все трое разошлись, сговорившись собраться вечером на Пречистенке для подведения итогов дня.

Глава 6

Дмитрий Николаевич оказался на Пречистенке первым, поскольку рассчитывал, что Шарлотта Агталь не забудет своего обещания и удостоит его новым визитом.

По дороге он заехал в книжную лавку на углу Неглинки и Кузнецкого Моста, на двери которой красовалась претенциозная вывеска: *«Ираклий Семёнович Вершинин, магистр эзотерических искусств. Книги мистического и религиозного содержания в продаже и с возвратом. Консультации и лекции по спиритизму и метафизике»*.

Хозяин магазина, импозантный господин возрастом за шестьдесят в старомодном, но добротном сюртуке, встретил Руднева радушно и усадил пить чай с сахарными крендельками и яблочным повидлом. Знакомство Дмитрия Николаевича и Ираклия Семёновича началось в те времена, когда Руднев был студентом, а ещё до этого почтенный магистр эзотерических искусств знал отца Дмитрия Николаевича – знаменитого исследователя алтайских земель Николая Львовича Руднева.

Как водится, поболтав сперва на темы отвлеченные, Руднев наконец перешёл-таки к вопросам, с которыми приехал к букинисту.

– Ираклий Семёнович, – начал он. – Мне нужна ваша консультация по поводу чернокнижника семнадцатого века некоего Клауса Ютенштайна. Знаете о таком?

Вершинин потерев седую испанскую бородку, что-то пробубнил себе под нос и наконец ответил:

– Если не ошибаюсь, этот Ютенштайн прославился как изобретатель ядов. Благодаря его искусству в Германии чуть целый род курфюрстов не вымер.

– Да, именно он. А что-нибудь ещё о нём известно?

Ираклий Семёнович оставил чай и принялся рыться в своих бесчисленных томах.

– Вот! – сказал он, вручая Дмитрию Николаевичу потрёпанный фолиант, на котором готическими буквами было написано: *«Über Schlangen»* (нем. «О змеях»).

– Это что, учебник герпетологии? – удивлённо спросил Руднев.

– Нет, молодой человек, – засмеялся магистр эзотерики. – Это монография кальвинистского священника Оттера Базеля, жившего в конце семнадцатого века. Он очень увлекался историей отравителей и составил своего рода энциклопедию по данному вопросу.

Ираклий Семёнович полистал книгу и нашёл раздел, посвящённый Клаусу Ютенштайну.

Выяснилось, что чернокнижник занимал весьма солидное место в обществе, являясь главой местной общины и заседателем городского суда. О его маленьком хобби, унёсшем страшно предположить сколько жизней, стало известно лишь после смерти Ютенштайна из его же собственных записок. Тщеславный колдун оставил после себя дневник содержания такого же ядовитого, как и его снадобья. В нём он зло насмеялся над своими клиентами, правда, не называя имён, а ещё больше – над знахарями, ни одному из которых не удалось ни уверенно подтвердить смерть от яда Ютенштайна, ни уж тем более – определить его состав.

Хвастал чернокнижник и своей изобретательностью в плане самих способов отравления. Он утверждал, что подмешивание отравы в еду и питьё – способ ненадёжный и легко вскрываемый, а вот пропитывание ядом личных вещей, добавление оногo в благовония и прочие изуверские изобретения в том же духе – это, де, новаторство и истинное искусство отравления. Особенно Ютенштайн гордился созданной им коллекцией убивающих украшений. Были там и дамские броши, помогающие во время страстных объятий устранять надоедливых мужей и любовников, и мужские перстни, делающие смертельным дружеское рукопожатие.

Рецептов своих ядов Ютенштайн в записках не раскрывал, но намекал, что секрет передал ученикам, коим оставил и свой смертоносный арсенал.

– Да-а, – протянул Руднев. – Жутковатый персонаж... А дети у него были?

– Не знаю, – ответил Вершинин. – Но могу попробовать выяснить это, просмотрев исторические хроники. В любом случае, после обнаружения исповеди папаши, отпрыскам пришлось бы скрываться.

– Вы очень меня обяжете, если найдете всё, что можно об истории рода Ютенштайнов, – заверил Дмитрий Николаевич, а после вынул из записной книжки листок с найденным накануне шифром и протянул знатоку эзотерики. – У меня к вам ещё одна просьба, Ираклий Семёнович! Взгляните, пожалуйста, на эти цифры. Может, вы, как знаток тайнописи, сможете определить, что это за шифр.

– А почему вы, Дмитрий Николаевич, думаете, что это шифр? – спросил польщённый высокой оценкой своего побочного таланта Ираклий Семёнович.

Руднев промолчал.

– Понимаю, – усмехнулся магистр. – Какое-то секретное дело, о котором мне, старому книжному червю, знать не положено.

– Так что вы думаете, Ираклий Семёнович? – Руднев не стал ни подтверждать, ни опровергать умозаключение библиофила.

– Я, молодой человек, осмелюсь предположить, что это и не шифр вовсе, а даты. Смотрите, пятнадцатого года месяца мая с седьмого по четырнадцатое число и того же пятнадцатого года месяца июня с первого по десятое.

– Допустим, – проговорил Руднев, ошарашенный таким очевидным и простым объяснением. – Вполне вероятно... А что значат знаки?

– Надо полагать знак вопроса в конце означает вопрос. Тот, кто это написал, спрашивает того, кому это адресовано, согласие или подтверждение в отношении указанных временных промежутков. Ну, а крестик посередине, это знак «плюс», заменяющий объединяющий союз «и». То есть здесь спрашивается про два временных интервала одновременно.

Ираклий Семёнович смотрел на обескураженного Руднева с доброй старикинской иронией во взгляде.

– Иногда, любезнейший мой, Дмитрий Николаевич, цифры – это просто цифры, а буквы – просто буквы, – назидательно сказал он. – И незачем усложнять! В жизни и без того хватает неразрешимых загадок.

Сентенция магистра эзотерических искусств о неразрешимых загадках припомнилась Рудневу уже через пару часов, когда к нему в дом вошла Шарлотта Атталъ.

Дмитрий Николаевич видел эту женщину третий раз и третий же раз она представляла перед ним в совершенно новом образе, ничуть не похожем на предыдущие. На приеме у Каменных мадам Атталъ выглядела изысканной светской львицей. Вечером накануне в его библиотеке она смотрелась современной, свободной и едва ли не эмансипированной. Теперь же Шарлотта выглядела невероятно женственно и утончённо.

Под светло-кофейного цвета пальто с широкими рукавами, отороченными пышным мехом, и таким же воротником, на ней оказалось изящное серо-голубое платье. Более темная атласная основа покрывалась воздушной дымкой с тонкой цветочной набивной вышивкой. Глубокий вырез, украшенный многослойным белоснежным кружевом, открывал изящную шею и уводил взгляд вниз ровно настолько, чтобы это было уже волнительно, но всё ещё целомудренно. Рукава платья доходили до середины предплечья и тоже были отделаны кружевными оборками, так что казалось, будто точёные руки Шарлотты выныривают из густой морской пены. Ассиметричный подол с небольшим шлейфом был сложен в мягкий запах и подхвачен пажом в виде нежного шёлкового букетика фиалок. На французенке была объёмная шляпа с широкими полями и огромным газовым бантом. Когда она её сняла, оказалось, что волосы мадам Атталъ собраны в простую, слегка небрежную причёску, из которой трогательно выбиваются несколько непослушных локонов.

– Я всё-таки набралась смелости и пришла, monsieur Rudnev, – сказала она, одарив Дмитрия Николаевича мягкой, слегка застенчивой улыбкой. – Надеюсь, я не помешала вам, сударь?

Руднев заставил себя оторвать взгляд от её сапфировых глаз и торопливо ответил.

– Что вы, сударыня! Я ждал вас с нетерпением!

Дмитрий Николаевич внезапно отдал себе отчёт в том, что и впрямь ждал появления Шарлотты. Ждал и одновременно с тем страшился её прихода.

«Господи, да что со мной?! Я как мальчишка, право!» – сердился он на себя, тщетно пытаясь унять необъяснимое волнение.

Руднев был натурой влюбчивой, до самозабвения увлекающейся предметом своей страсти, которая всегда для него была неотделима от творческого вдохновения. Все его романы были яркими и бурными, и от того редко длились более полугода. Ни он, ни его избранницы не были способны долее выдерживать такой накал страстей, и вспыхнувшие, словно порох, чувства сгорали без остатка. Дмитрий Николаевич никогда об этом не жалел, лишь на короткое время уходил в себя и делался нелюдим, а потом вновь находил себе очередную музу. Ему нравилось быть влюбленным, нравилось пьянеть от этого чувства и терять голову, нравилось отдаваться этому чувству без остатка душой и телом и нравилось воплощать это чувство красками на холсте или карандашом на бумаге.

И вот теперь он абсолютно растерялся. Шарлотта Аггаль задевала в его душе какие-то иные струны, о существовании которых он даже не подозревал. Не вдохновение и не вождевание влекло его к этой женщине, а что-то куда более сильное и глубокое. Что-то, чему он не был способен противостоять, что не просто заставляло его сердце биться чаще, но захватывало его целиком и создавало у него ощущение свободного падения.

Сосредоточенный на своих необъяснимых переживаниях, Руднев не сразу понял, что Шарлотта ему что-то говорит, а он не слышит ни слова.

– Pardonnez-moi, Madame! – смущенно извинился он. – Je n'ai pas entendu... (*фр. Я не расслышал...*)

– Вы рассеяны, Дмитрий Николаевич, как и все творческие люди, – мягко улыбнулась мадам Аггаль.

– Мне этот недостаток свойственен больше, чем остальным, – покаялся Руднев.

Француженка рассмеялась.

– Тогда осмелюсь напомнить вам, сударь, что вы обещали мне показать свою мастерскую.

– Да, конечно, мадам! Идёмте.

И Дмитрий Николаевич провёл Шарлотту в свою святую святых, куда без его дозволения не смел войти даже Белецкий.

Мадам Аггаль сперва восторженно замерла на пороге, а после, затаив дыхание, стала обходить мастерскую, разглядывая законченные работы, наброски и эскизы, время от времени трепетно прикасаясь к ним.

– C'est magnifique! (*фр. Это чудесно!*) – восхищенно произнесла она наконец. – Vous dessinez l'amour, monsieur Rudnev! (*фр. Вы рисуете любовь, господин Руднев!*)

– В своём творчестве я касаюсь и иных тем, – возразил Дмитрий Николаевич, кивнув на большое неоконченное полотно, на котором рыцарь в белых доспехах бился со сверкающим золотой чешуёй огнедышащим драконом.

– Нет-нет! – упрямо тряхнула каштановыми локонами француженка. – Это всё равно про любовь! Про любовь к богу, к отечеству... В русских много любви! У вас... как это?.. просторное сердце!

– Широкая душа, – улыбнулся Дмитрий Николаевич.

– Да! Именно!

Шарлотта подошла к полотну с белым рыцарем и стала внимательно его рассматривать.

Пространство картины было поделено на две части: светлую, где был изображён рыцарь, и тёмную, служившую фоном для дракона. Первая была пасторально проста – лазоревое небо с жемчужной цепочкой облаков, изумрудная трава с нежными пятнами ромашек и васильков, березовая рощица на горизонте. Драконья сторона была куда как интереснее – голубизна неба здесь резко уходила в густую темную синеву, обрывающуюся у края картины черным провалом неизведанной и волнующей бездны. Во мраке космоса вились скопища звезд и огромные алмазные созвездия будоражили воображение своими странными очертаниями. Твердь темной стороны представляла собой нагромождение гематитовых торосов, сверкающих острыми, как лезвия клинка, гранями. А у подножья черных скал вились похожие на щупальца неведомых тварей стебли диковинных растений.

Герои полотна тоже производили абсолютно разное впечатление. Блистающий золотой чешуйчатой шкурой монстр, изрыгающий пламень и широко расправивший огромные перепончатые крылья, давал ощущение мощи и неукротимой силы. Фигура же рыцаря на его фоне выглядела хрупкой и уязвимой. Воитель стоял, высоко занеся над головой меч. Одна его нога заступила на тёмную сторону и по колено была увита коварными и очевидно смертоносными щупальцами. Во всей позе паладина отчетливо ощущались непомерная тяжесть поднятого оружия и усталость от затянувшегося неравного боя.

Исход сражения, вопреки жанру, виделся совсем неоднозначным.

– Это ведь не про то, как трудно победить зло, пришедшее извне? Так? – спросила мадам Атгаль, пристально глядя на автора картины.

– Так, мадам. Это про то, как трудно сохранить внутри себя добро, – ответил Руднев.

– Вы философ!

– Отнюдь! Просто так уж сложилось, что мне пришлось повидать немало людей, потерпевших поражение в такой битве.

– Да, – задумчиво произнесла француженка. – Я знаю. Вы... как это по-русски?.. *enquêteur* (*фр. следователь*).

– *Devrais— je dire detective.* (*фр. Правильнее сказать, сыщик.*) – уточнил Дмитрий Николаевич. – Я занимаюсь расследованиями, но не состою на службе.

– Не состоите на службе? – удивлённо подняла брови Шарлотта. – И многим из тех, кто на ней не состоит, ваш царь вручил орден Святого Владимира? Я разбираюсь в русских орденах, *monsieur Rudnev*, и видела его у вас вчера на шее.

– Эта отдельная история, мадам, не стоящая вашего внимания, – поморщился Руднев. – Но, если вы позволите, мадам Атгаль, я бы хотел задать вам ещё несколько вопросов в отношении несчастья, случившегося вчера.

– Называйте меня Шарлоттой, – попросила француженка.

– Хорошо. Тогда вы называйте меня Дмитрием.

– Дмитрий... – произнесла мадам Атгаль так, будто пробовала звучание имени на вкус, и её бархатный французский акцент смягчил его звонкость. – Хорошо, Дмитрий, спрашивайте.

– Давайте присядем, – Руднев указал даме на стоящий у окна старый кожаный диван.

– Мне там не нравится, – заявила француженка. – Слишком мрачный вид из окна... Этот бесконечный дождь!

За окном и впрямь было серо и тоскливо. Конец апреля выдался хоть и тёплым, но ветреным и дождливым, и сад Рудневского особняка, на который выходили окна мастерской, выглядел словно расплывшаяся в серых красках акварель, с проступающей кое-где робкой зеленоватой дымкой.

– Тогда пройдемте в гостиную, – предложил Руднев. – Я прикажу опустить портьеры и зажечь лампы.

– Ну, нет! – передернула плечами женщина. – Как это у вас говорят?.. При свечах до наступления темноты...

– Днём с огнём? – предположил Дмитрий Николаевич.

– Наверное, – небрежно согласилась француженка и с дерзкой улыбкой указала на задрапированный подиум для натурщицы. – Я бы предпочла сесть туда. Вы позволите?

– Как вам будет угодно, Шарлотта, – ответил Руднев и снова с досадой почувствовал давешнее волнение, которое вроде уж и вовсе в нём улеглось.

Женщина свободно разместилась на подиуме, небрежно поджав под себя ноги, словно девчонка. Дмитрий Николаевич первый раз задумался о том, сколько мадам Атталь лет, и та, словно считав его мысли, без тени жеманства сказала:

– Мне тридцать один.

Смешавшись от её пронизательности и открытости, Дмитрий Николаевич не нашёлся, что ответить, и, чтобы скрыть смущение, поспешно оглянулся по сторонам, ища место и для себя. Единственным вариантом был его рабочий табурет, и ему пришлось сесть на него.

– Вы станете рисовать меня, Дмитрий? – восторженно спросила француженка.

Руднев досадовал на себя всё больше. Эта женщина каждым своим словом и действием выбивала его из колеи, и он никак не мог справиться с этим, чувствуя себя до нелепости смешным.

– В другой раз, мадам, – сухо ответил он.

– Шарлотта, – поправила она.

– В другой раз, Шарлотта. Мне действительно нужно спросить вас кое о чём.

Мадам Атталь вздохнула и сделалась совсем серьёзной.

– Вы узнали, как умер le prince Paul? – спросила она.

– Да, Шарлотта. Его убили. И у меня есть основания предполагать, что это может быть связано с той деятельностью, которую князь вёл помимо обычной дипломатической рутины.

– Я понимаю... Paul действительно был шпионом?

– Я бы сказал, что он в числе прочего выявлял врагов нашей империи, – смягчил формулировку Руднев. – Скажите, Шарлотта, он ничего не рассказывал вам о том, чем занимался последнее время? Может быть, называл какие-нибудь имена?

Положа руку на сердце, Дмитрий Николаевич не очень-то рассчитывал на то, что мадам Атталь сможет ему что-то рассказать. Он хорошо знал Вяземского, и прекрасно понимал, что образ легкомысленного повесы, падкого до дам и кутежей – не более чем личина, которая позволяла его другу входить в любые двери и иметь неограниченный круг знакомств. Рудневу не были известны подробности службы Павла Сергеевича, но и того, о чём он лишь догадывался, имея собственный опыт дел, проходящих под грифом «Совершенно секретно», хватало, чтобы знать наверняка – Вяземский был профессиональным первоклассным разведчиком. И такие, как он, не разбалтывают своих секретов ни за пьяным столом, ни в жаркой постели. Тот факт, что Шарлотта якобы разгадала в милом русском дипломате шпиона, говорил лишь о том, что Вяземский намерено стремился произвести на француженку такое впечатление с целью получить от неё какую-то информацию или, что ещё вероятнее, выйти через неё на каких-то её знакомых.

Однако мадам Атталь и тут удивила Руднева.

– Paul искал какой-то секретный документ, который потерял кто-то из личной канцелярии царя Николая. Он называл виновного в пропаже человека... Как-то очень странно... Как вы называете самый маленький палец на руке?

– Мизинец?

– Да! Paul говорил, что Мизинец всем рассказывает, что документ потерян или украден, но на самом деле этот негодяй продал его иностранным агентам. И он – Paul – должен найти эту бумагу и вернуть, чтобы она не попала в руки ваших врагов.

– Что именно это была за бумага вы, конечно, не знаете? – осторожно спросил Руднев.

Осведомлённость Шарлотты его настораживала.

– Не знаю, – ответила женщина. – Но мне кажется, в ней может быть что-то о закулисных переговорах Камийль-паши с Фердинандом I. Османам нужна помощь против вас на Кавказе, а Болгарский царь не против поторговаться за пересмотр итогов Межсоюзнической войны¹⁸.

Дмитрий Николаевич смотрел на женщину, даже не пытаясь скрывать своего изумления.

– Мадам... Простите, Шарлотта! Я потрясён вашей осведомлённостью в вопросах международной политики!

Мадам Атгаль кокетливым жестом поправила причёску и с наигранной небрежностью ответила:

– Мои заводы, те, что остались после мужа, выпускают детали машин, в том числе для самолётов, крейсеров и артиллерийских орудий. Мне следует разбираться в политике, чтобы успешно вести дела, – француженка выдержала многозначительную паузу, и черты её лица на несколько мгновений сделались холодными и жёсткими. – Да, Дмитрий, я одна из тех, про кого вы русские говорите: некоторым война – любящая мать.

– Кому война, а кому мать родна, – поправил Руднев.

Мадам Атгаль продемонстрировала ему ещё одну свою ипостась, напрочь лишённую трепетности и сантиментов.

– *Mon cher romantique* (фр. мой милый романтик), вас фраппирует моя бездушная расчётливость? – с вызывающей насмешкой спросила женщина.

– Я реалист, – сухо ответил Дмитрий Николаевич. – С чего бы мне осуждать ваше предприятие, если оно помогает укреплять военную мощь моего отечества и его союзников?.. Если вы позволите, Шарлотта, я хотел бы вернуться к нашей первоначальной беседе. Вы высказали предположение о содержании пропавшего документа, который искал Павел Сергеевич. Почему вы решили, что в нём речь о переговорах Болгарии и Турции?

– *Le prince Paul* упоминал в контексте документа какого-то грузинского Михаила и болгарского Ивана. Очевидно, что имена вымышленные, но вряд ли совсем уж случайные. Кавказ и Болгария! Русские с болгарями в ссоре из-за Сербии и Македонии, значит, второй стороной на Кавказе может быть только Турция.

Руднев сверлил мадам Атгаль испытующим взглядом, но женщина сохраняла невозмутимость. Молчание между ними длилось с минуту, наконец Шарлотта прервала его.

– Вас что-то смущает в моих словах, Дмитрий? – с вызовом спросила она. – Мои рассуждения вам кажутся ошибочными?

– Мне кажется, что вы морочите мне голову, – отчеканил Руднев.

– Я не поняла. Что значит: «морочите голову»? Как это по-французски?

– *Je crois que vous me cachez quelque chose* (фр. Я думаю, вы что-то от меня скрываете), – перевёл Дмитрий Николаевич. – *A quel jeu vous jouez, Charlotte?* (фр. В какую игру вы играете, Шарлотта?)

Мадам Атгаль вспыхнула и вскочила.

– *Qu'est-ce que vous vous permettez? Je voulais aider!.. C'est offensant pour moi!.. Conduisez-moi!* (фр. Что вы себе позволяете? Я намеревалась помочь!.. Это оскорбительно! Проводите меня!)

И не дожидаясь Руднева, она выскочила из мастерской, сердито стуча каблучками по паркету. Дмитрий Николаевич кинулся за ней. Ему хотелось любой ценой остановить её – просить прощения, умолять – и лишь каким-то нечеловеческим усилием воли он сдержал себя.

В прихожей мадам Атгаль выхватила из рук лакея шляпу и пальто и, не оборачиваясь, презрительно бросила:

¹⁸ Махмут Камийль-паша – османский генерал, командующий войсками Турции на Кавказском фронте в 1914–1916 гг. Фердинанд I – правитель Болгарии с 1887 г. по 1918 г., основатель Третьего Болгарского царства. По итогам Первой балканской войны 1912–1913 гг. Болгария получила у Турции значительную территорию, но после Второй балканской войны, иначе называемой Межсоюзнической, в 1913 г. была вынуждена вернуть часть отвоеванных ранее земель.

– Adieu, Dmitry! (*фр. Прощайте, Дмитрий!*)

Стройная стремительная фигурка француженки исчезла за дверью. Дмитрий Николаевич огуленно застыл на середине лестничного пролёта и растерянно смотрел ей вслед. В душе у него досада мешалась с отчаянием, и с каждой секундой последний ингредиент ощущался всё острее.

– Не переживайте, барин, – встряхнул его скрипучий старческий голос.

Из лакейской выглядывала седая голова старика-дворецкого Тимофея Кондратьевича.

– Оно ж как у баб-то? – со знанием дела объяснил слуга. – Кого люблю, того, стало быть, и бью... А коли она вас по имени назвала напоследок-то, значит, точно чувство к вам имеет серьёзное... Так что не горюйте, Дмитрий Николаевич! Вернётся! – старик сделал чрезвычайно серьёзное лицо и добавил. – По мне так, батюшка, мадама эта очень положительная. Вы б к ней присморелися, так сказать, с перспективою...

– Тимофей Кондратьевич! – рявкнул на старого дворецкого Руднев.

Седая голова моментально исчезла, а Дмитрий Николаевич так и остался стоять на лестнице, чувствуя себя последним дураком.

Глава 7

Белецкий явился домой уже ближе к вечеру. Тогда же телефонировал Терентьев и предупредил, что сможет быть через час. Дмитрия Николаевича Белецкий обнаружил в библиотеке, где тот перерывал кипы газет. Вид Руднев имел расстроенный и раздражённый.

– Что-нибудь случилось? – спросил Белецкий после того, как сообщил, что Анатолий Витальевич скоро будет, и что распоряжения насчёт ужина сделаны.

– Нет! С чего ты взял? – буркнул Руднев, не отрываясь от своего занятия.

Резкость и поспешность ответа убедили Белецкого в правильности его предположения, но он с деликатничал и донимать друга расспросами не стал. Впрочем, ситуация разъяснилась и без того, благодаря доносительству Тимофея Кондратьевича, который подкараулил Белецкого, когда тот пошёл к себе переодеваться, и во всех красках живописал давешнюю сцену в прихожей. Старик и Белецкому высказал свою точку зрения о перспективности сердитой гостьи и завел свою любимую песню о том, что барина, де, давно пора женить, и что Белецкому следует этим вопросом всерьёз озаботиться, а то ведь он – Тимофей Кондратьевич – так барчат понянькать и не успеет. Когда сетования старика дошли до будущих отпрысков ненаглядного барина, и он во всю принялся шмыгать носом и тереть глаза, Белецкий поспешно перевёл разговор на тюрбо с голландским соусом, которая, по его мнению, в прошлый раз вышла суховатой, и Тимофей Кондратьевич, заполошившись, умчался на кухню.

Отдав должное ужину, который, как и всегда в доме Руднева, оказался отменен, трое друзей собрались в гостиной и принялись делиться новостями.

Первым рассказывал Белецкий. Ему удалось встретиться со знакомым редактором, и тот после изрядной порции Анизета под большим секретом поведал ему, что источник сведений о заговоре Вер-Вольфа в «Голосе Москве» никто не знает, и, что ещё интереснее, такая же ситуация и в других газетах, про которые известно редактору.

– Как такое может быть? – удивился Терентьев. – «Голос Москвы» издание серьёзное, не «Копейка» какая-нибудь. Они репутацию берегут и тяжб о клевете опасаются, потому всякую информацию тщательно проверяют. Нам вон в сыскное, например, обращаются за подтверждениями. А тут эдакое дело! В любом случае репортёр, что статейки накропал, должен был от кого-то басню почерпать. Ну, не сочинил же он это всё, в самом деле!

– Вот тут-то и загвоздка! – продолжил рассказывать Белецкий. – Знакомый мой утверждает, что все три статьи, которые у них были опубликованы о заговоре, писали три разных человека и что со всеми с ними, а также с выпускающим редактором, что номера в печать кассировал (*уст. согласовывал*), произошли какие-то несчастья или странности. Один вроде как упился до чертей и угодил в Преображенскую больницу¹⁹, где находится и сейчас в состоянии абсолютно скорбном. Второй внезапно уехал куда-то в провинцию якобы к родственникам, но куда именно, неизвестно. Третий угодил под трамвай и погиб от ран. А четвертого, по слухам, арестовали.

– За что арестовали? – живо спросил Анатолий Витальевич.

– Если верить слухам, то по политической статье.

– А что в других газетах? – поинтересовался Руднев.

– Там ситуация аналогичная, – ответил Белецкий. – Будто прокляли их всех!

– Тем не менее источник должен быть, – уверено сказал Руднев. – И этот источник един для всех газет. Я сегодня ещё раз подборку перебрал – везде один набор фактов и подробности одинаковые. Если бы источников было несколько, информация бы разнилась.

¹⁹ Преображенская больница – старейшая психиатрическая больница в Москве.

– Такое возможно только в одном случае, – задумчиво проговорил коллежский советник. – Если кто-то целенаправленно заслал информацию в газеты. Получается, теперь этот кто-то подчищает следы... Действительно, ситуация странная и с душком.

– А что вам удалось узнать об этом деле, Анатолий Витальевич? – спросил Руднев.

Терентьев поёжился, будто ему стало от чего-то очень неуютно, и ответил, тщательно подбирая слова.

– Узнал я лишь то, что задавать вопросы про эту историю крайне нежелательно. И что избыточное любопытство с моей стороны на первый раз милостиво рассматривается как проявление излишнего служебного рвения, поставленное тем не менее на заметку. И что в следующий раз такого снисходительного отношения к моей глупости уже не будет...

– Ого! – протянул Белецкий. – С кем же вы, Анатолий Витальевич, разговаривали, что такую отповедь получили?

– А собеседников-то несколько получилось, – невесело усмехнулся Терентьев и принялся рассказывать. – Есть у меня в жандармском приятель. По разным там делам пересекались. Службы-то наши, как вам, господа, известно, дружбу особо не водят, но, так сказать, в частном порядке мы, конечно, друг другу в помощи не отказываем. В общем, служит при втором отделении²⁰ некто Лаврентий Станиславович Корягин, интересы у нас с ним совпадают в плане мойщиков (*жарг. железнодорожные воры*). Тем же макарком, что и вы, Белецкий, пригласил я Лаврентия Станиславовича поболтать за рюмкой чая. Обсудил с ним пару вопросов по нашему профилю, и невзначай так спрашиваю, когда Корягин уже достиг нужной степени благодушия. А что, говорю, Лаврентий Станиславович, за анекдот такой о немецком заговоре газеты мусолят? Чего там у вас в заправду-то было? Визави мой как-то сразу скуксился и погрузился, и шмыг якобы по нужде. Ну, думаю, есть Лаврентию Станиславовичу что мне рассказать. Жду его и мозгую, как дальше разговор правильно повести. Тут вваливаются в заведение два типа, вроде как совсем в стельку пьяные, и напрямик ко мне. «Виталич! – вопят. – Где ж ты, старый чёрт, пропадаешь?» Я враз недоброе почуял и к выходу. Но не тут-то было! Один из этих мнимых выпивох резво так подле мне оказался и вроде как обниматься полез. И чувствую я, что упирается мне в бок ствол. «Терентьев! На место сел!» – говорит мне пьяница совершенно трезвым голосом в самое ухо, и для убедительности второй тоже руку характерным манером в карман суёт. Я возвращаюсь на место, а про себя распиная Лаврентия Станиславовича на так растак. Он ведь, сволочь, больше уж не появился!.. «Дружки» мои ко мне подсаживаются. Тот, что со стволом прилип, продолжает на мне висеть, а второй напротив, стало быть, расположился и руку правую под столом держит. Ну, и излагают они мне всё то, о чём я вам ранее сказал. Высказались, портвейну выпили и ушли.

– Они представились? – спросил Руднев.

– Нет, конечно! На кой ляд им было представляться, когда у них рекомендация в виде ствола? Но я уверен, что это были агенты из охранки. Я их по манерам и речи определил, потому и не дёргался. Эти не шутят! Пальнули бы...

Терентьев пробормотал какие-то ругательства, спустив пар, и вернул себе спокойствие.

– Короче горя, господа, операция моя закончилась оглушительным провалом, – резюмировал он. – Единственное, что она добавила к нашему знанию, это то, что жандармское ревностно охраняет свой секрет, и что наши с вами действия тайной для них не являются и поставлены под пристальное наблюдение. Думаю, они догадались, что я к Корягину с расспросами полез и спектакль свой интимизирующий (*устар. запугивающий*) заранее подготовили... Зато! – оживился Анталии Витальевич, – я кое-что узнал о вашей француженке! Кстати, Дмитрий Николаевич, вам удалось с ней встретиться?

²⁰ 2-ое отделение Отдельного корпуса жандармов занималось в числе прочего обеспечением безопасностью на железных дорогах.

Знавший привычку Тимофея Кондратьевича докладывать управляющему всё, что касается личной жизни барина, Руднев покосился на подпирающего подоконник друга, пытаясь угадать, известно ли тому, чем закончился визит Шарлотты. Но, как обычно, понять что-либо по невозмутимому лицу Белецкого не представлялось возможным.

– Да, госпожа Атталъ приходила, и мы поговорили, – ответил Руднев. – Но вы, Анатолий Витальевич, расскажите сперва. Что вы о ней узнали?

– О! Дама оказалась очень энергичная и предприимчивая! Она действительно, как рассказывал князь Вяземский, французская подданная. Родители неизвестны. В семнадцать лет стала супругой семидесятирехлетнего борона Монфор-л'Амори, а в девятнадцать – его вдовой. Поскольку брак был морганатический, титул мадам не получила, но состояние после смерти супруга ей досталось немалое. В двадцать два молодая вдова вышла замуж повторно на этот раз за швейцарского заводовладельца мэтра Атталъ. На этот раз счастливое, но бездетное супружество длилось шесть лет, прежде чем мадам Атталъ вновь постигло вдовство, опять же скрашенное завидным наследством.

Руднев неожиданно почувствовал, что ядовитая ирония коллежского советника в отношении Шарлотты выводит его из себя.

– Откуда же вы всё это узнали, Анатолий Витальевич? – спросил он резко, не сумев скрыть раздражения.

Терентьев метнул на Дмитрия Николаевича внимательный взгляд, переглянулся с Белецким и ответил, значительно смягчив язвительность своей речи.

– Имя мадам Атталъ оказалось замешанным в уголовное дело, потому в сыскном на неё есть досье, запрошенное через французское посольство.

– Уголовное дело?!

– Да, Дмитрий Николаевич! Если позволите, я продолжу... Вступив в права наследования, мадам Атталъ взяла в свои руки управление предприятиями покойного супруга и проявила в деле невероятную коммерческую хватку. До начала войны тогда был ещё год, но мадам уже принялась переводить свои заводы на военные рельсы, начав выпускать какие-то там детали для орудий и армейской техники. В начале весны 1914 она приехала в Россию для заключения контракта с Русско-Балтийским вагонным заводом, но договориться с Шидловским²¹ у неё не получилось. Тогда мадам из столицы приезжает к нам в Первопрестольную и тут находит общий язык с Пафнутием Евдокимовичем Никифоровым, владельцем механического завода, что в Алексеевской слободе. В это время уже было очевидно, что войны не избежать. На Русско-Балтийском вагонном заводе запускают производство армейских самолётов, и под это военное министерство объявляет конкурс на поставку на РБВЗ каких-то там деталей. В подрядчики рвались двое: наш московский Никифоров и тульский оружейник Пётр Григорьевич Тихоходов. Вот тут-то история и начинает приобретать криминальный оттенок. Тихоходов пишет жалобу на высочайшее имя, что его конкурент якобы подкупил какого-то там генерала в министерстве и требует отстранить взяточдателя от участия в конкурсе, а мздоимца примерно наказать. Начинается разбирательство, а спустя неделю после открытия дела совершается покушение на Тихоходова. Фабрикант чудом остаётся жив, но с тяжёлым ножевым ранением попадает на больничную койку. Происходит это происшествие в Москве и, ясное дело, попадает к нам в сыскное.

– Я помню это дело, – вставил Руднев. – Там за неделю злодеев поймать удалось.

– Так-то оно так, – подтвердил коллежский советник, – Но у истории этой было второе дно. Пока раненный заводовладелец на ладан дышал, его управляющий давал показания в том

²¹ Михаил Владимирович Шидловский – генерал-майор, с 1900 г. по 1917 г. председатель Правления Акционерного общества Русско-Балтийского вагонного завода (РБВЗ), один из основоположников российского самолётостроения, в Первую мировую войну командовал эскадрой воздушных кораблей.

ключе, что дескать всё это происки их конкурента Никифорова, но как только Тихоходов очутился и заговорил, версия происшествия враз переменялась. Пётр Григорьевич заявил, что напали на него грабители и даже дал их описание. Мазуриков невероятно быстро поймали, когда они, проявив необъяснимую глупость, принесли часы и портсигар Никифорова в самый большой московский ломбард.

– Думаете, грабители купленные были, а фабриканта припугнули? – спросил Белецкий.

– Уверен! Тем более, что Тихоходов тут же из больницы отправил прошение о снятии его заявки с конкурса. И поставку деталей передали заводу Никифорова и его швейцарскому партнеру – мадам Атталъ. Мы, конечно, ещё поковырялись в этой истории, но нам очень внятно дали понять, что инцидент полностью исчерпан и что мутить воду, где замешано имя иностранной подданой, по меньшей мере нецелесообразно. Даже премии, в кои-то веки, выдали за успешное раскрытие дела.

– И что вы наковыряли? – всё ещё натянуто спросил Руднев.

Терентьев на секунду замялся, а после отчеканил.

– Мы нашли посредника. Он утверждал, что заказчиком нападения являлся иностранец. По описания очень похож на человека из свиты госпожи Атталъ. Её имя впрямую не фигурировало, потому я его и не вспомнил, когда вы, Дмитрий Николаевич, его вчера назвали.

– «Перспективная» особа... – пробормотал Белецкий, и Руднев понял, что дворецкий не преминул сфискалить (*устар. донести, наябедничать*).

– Мадам упоминала, что её интересы напрямую связаны с военными нуждами, – сказал Руднев. – В коммерческих вопросах эта женщина и впрямь не склонна к сантиментам. Так что я вполне допускаю, что она не стала бы деликатничать в борьбе за министерскую поставку.

– А что ещё она вам рассказала? – спросил Анатолий Витальевич. – Надеюсь, вы с ней не только коммерцию обсуждали.

– Преимущественно мы обсуждали мою живопись и антироссийский Осmano-Болгарский альянс.

Белецкий изумлённо поднял брови:

– Никогда бы не подумал, что вы, Дмитрий Николаевич, способны увлечь женщину политической беседой! Уж простите, но вы в таких вопросах полный профан.

– А это не я её, а она меня увлекала, – признался Руднев и рассказал друзьям про разыскиваемый, по словам Шарлотты, документ, про загадочного Мизинца и не менее таинственных грузинского Михаила и болгарского Ивана.

– Мне это видится такой же нелепицей, как и газетная трескотня про Вер-Вольфа, – заявил коллежский советник, когда Дмитрий Николаевич окончил свой рассказ. – Такое разве что в книжках для гимназистов пишут!

– Согласен, – поддержал Руднев. – И меня даже не столько сюжет и действующие лица смущают. Я точно знаю, что Павел Сергеевич не мог ничего серьёзного разболтать.

– Так может он и не всерьёз всё это наговорил? – предположил Белецкий. – Князь отличался отменным чувством юмора, вот и решил позабавить даму. Пошутил!

– Белецкий, – покачал головой Дмитрий Николаевич. – Ты имел удовольствие разговаривать с госпожой Атталъ. Скажи, она производит впечатление легкомысленной особы, которую можно развлечь побасенками?

Белецкий признал, что швейцарская предпринимательница, напротив, видится ему женщиной крайне умной и проницательной.

– Тогда остается два варианта, – резюмировал Терентьев. – Либо Вяземский действительно что-то наговорил иностранке с какой-то своей тайной целью. Либо это она наговорила вам невесть что.

– Именно так я подумал, – признался Руднев. – И когда я ей об этом сказал, она обиделась и сбежала.

Анатолий Витальевич хмыкнул и с улыбкой спросил:

– А вы не думаете, друг мой, что мадам Атталь флиртует с вами?

От этого полушутейного вопроса Дмитрий Николаевич вдруг снова почувствовал смущение и досаду.

– Мне показалось, что я не в её вкусе, – буркнул он. – Ей импонируют хваткие коммерсанты и отважные шпионы, а не художники романтической школы... А если серьёзно, то я уверен, что нам нельзя снимать со счетов рассказанную ею историю. Нужно понять, что за игру вёл Павел Сергеевич... И ещё одно, господа, я узнал кое-что новое об Ютенштайне и шифре.

И Руднев рассказал об итогах визита к чудачу-букинисту.

Предположение о датах очень взволновало коллежского советника.

– Получается, одна дата встречается дважды – в доме Каменских и в портсигаре Вяземского, – озабочено проговорил он. – С седьмого по четырнадцатое мая... Это же через две недели! А у нас на руках убитый князь, покушение на вас, Дмитрий Николаевич, покрытая мраком история заговора и ещё какой-то там Мизинец, приторговывающий тайной перепиской Турецких и Болгарских агентов. И никакого просвета! Да ещё и расследование наше на грани официальности и самоуправства... Да-а... Какие предложения, господа?

Белецкий кашлянул и с явной неохотой сказал:

– Видимо, мне придётся-таки заделаться протеже Рихтера-Судейкина. Вы договорились о встрече, Анатолий Витальевич?

Коллежский советник оживился.

– Да! Если вы готовы, друг мой, мы можем встретиться с ним завтра же... – внезапно Терентьев осёкся и произнёс уже куда как менее бодро. – Белецкий, вы уверены?.. Я, так сказать, в свете полученных нашим дознанием данных начинаю жалеть о своей идее! Мне совсем не хочется толкать вас к волку в пасть!

– Und wir reden nicht von Wolf, sondern von Werwolf. Es wird noch besser! (*нем. Речь не о волке, а об оборотне. Это куда интереснее!*) – попытался пошутить Белецкий, но друзья его даже не улыбнулись. – Господа, после толпы разъярённых торговков меня мало чем можно напугать! Ну, хотите, я серебряной пулей револьвер заряжу?

– У вас не будет с собой револьвера, Белецкий! – отчеканил Терентьев. – Вы будете вооружены своим безупречным немецким и, пожалуй что, пару ветхих книг с собой прихватите... Вы же не против, Дмитрий Николаевич?.. Да, Белецкий, и крест православный снимите...

– Меня там что, раздевать станут?

– Я не знаю, что с вами там будут делать! – рявкнул Терентьев. – Мы вышли за рамки обычного криминального следствия и вступили на скользкий путь, где ваш покорный слуга чувствует себя крайне неуверенно... Будь проклята эта война!.. Ясное и предсказуемое для меня уголовное дело полностью затмили шпионские страсти! Мне иной раз кажется, что нынче воруют только секретные карты, а убивают только офицеров разведки! Старый добрый криминальный сыск превратился в анахронизм!

Терентьев замолчал, но выглядел крайне сердитым.

– Если вы закончили, – осторожно произнес Белецкий, – я бы хотел уточнить ещё пару моментов. Правильно ли я понимаю, что, по сути, я играю самого себя, но с жульническими наклонностями? Если так, то не всплывёт ли, что хозяин расхищаемой мною коллекции в чести у сыскной полиции?.. И второй вопрос. Каким образом мне начать задавать вопросы про Вервольфа? В таких сообществах не любят излишне любопытных людей. Если я ринусь с места в карьер, меня заподозрят либо в злонамеренности, либо в глупости. И любом случае, откровенничать со мной не станут.

– Я уже продумал вашу легенду, Белецкий! – снова приободрился Терентьев. – Вы скажете, что у вас есть родственники в Вольском уезде²². Их сын отправился в Москву и пропал, а недавно всполошённые родители увидели его имя в газетах в списках заговорщиков. Вас попросили разузнать, что там с их нерадивым чадом случилось. Имена по понятной причине называть вы не хотите. Что же касается того, что хозяин коллекции с полицией дружит, так говорите, что это вам только на руку. Господину, дескать, до ценностей дела нету, зато через его занятие и у вас полезные знакомства имеются, благодаря которым вы уж который год дела свои потихоньку ведёте с полной безопасностью. А теперь вот решили масштабную операцию повернуть, потому как имеете серьёзное намерение из беспокойной России сделать ноги в Америку или Австралию... Как вам такая история?

Белецкий скептически покачал головой.

– Всё это очень поэтично, Анатолий Витальевич! А что, если легенду мою захотят проверить? Я же погорю!

– Конечно, вас станут проверять, – уверено подтвердил коллежский советник. – Сперва опросят своих, потом прикормленных в наших службах. И там, и там я вам репутацию смогу обеспечить. Не очень достоверную, но и не совсем провальную. А когда уж дальше копнут, тут, несомненно, легенда ваша рассыплется. Но на это уйдёт время – не менее двух недель. Так что до этого момента вам будет нужно миссию свою завершить.

– Мне кажется, это слишком рискованно! – вмешался Руднев. – Если смерть Вяземского имеет отношение к заговору Вер-Вольфа, Белецкий подставляется под удар профессиональных убийц. И даже если мы ошиблись, ситуация не лучше! То, что случилось с репортёрами и то, как вы, Анатолий Витальевич, нынче отобедали, даёт веское основание предполагать, что тайна заговора тщательно охраняется. Значит, если Белецкого раскроют, дело ему придётся иметь не со спекулянтами, а с секретными службами, которые, как вы сами сказали, шутить привычки не имеют.

Терентьев возражать Рудневу не стал и испытующе воззрился на Белецкого, ожидая решения от него.

– Я всё-таки рискну, – наконец сказал Белецкий и рассудительно добавил. – На фоне подсыпанного яда и приставленного пистолета, опасность моего маленького спектакля соотрится вполне умеренно...

Анатолий Витальевич кивнул и деловито перешёл к следующему вопросу:

– Дознание о покушении на вас, Дмитрий Николаевич, официально открыто. Так что завтра я смогу вернуться к Каменским и начать задавать вопросы о гостях. Прошу вас подумать, с кого мне стоит начать. И, кроме того. Помимо заговора Вер-Вольфа, благодаря мадам Атгаль, у нас появилось ещё одно направление для расследования. Но пока, стоит признать, слишком уж неясное. Ухватиться не за что! Как думаете, Дмитрий Николаевич, может, француженка не всё вам рассказать успела, а? Попробуйте разговорить её ещё раз?

– Если она захочет со мной говорить, – невесело усмехнулся Руднев.

Сомнения Дмитрия Николаевича развеялись в тот же вечер, когда около десяти расфурчанный посыльный гостиницы «Националь» принёс на Пречистенку тонко пахнущий духами конверт с лаконичной запиской, написанной изящным женским почерком: «*On va se rencontrer demain à midi. Viens chez moi. Sois pas en colère. Charlie. (фр. Встретимся завтра в полдень. Приходи ко мне. Не сердись. Шарли)*»

²² Вольский уезд – один из центров проживания поволжских немцев.

Глава 8

Встав по своему обыкновению в шесть утра, Белецкий направился в мастерскую Дмитрия Николаевича, нимало не сомневаясь, что тот спать не ложился, а всю ночь провёл, рисуя и думая над делом, как это всегда случалось во время серьёзных расследований.

Белецкий не ошибся.

Дмитрий Николаевич действительно находился в своём виталище. Он сидел на полу, а вокруг него были разложены листы с записями и зарисовками.

– Я принёс вам кофе, – сообщил Белецкий, пробираясь среди записок и пристраивая поднос на заваленный всякой всячиной стол.

Его всегда поражал царивший в мастерской беспорядок, который Руднев называл «творческим» и который, по словам Дмитрия Николаевича, создавал особую вдохновляющую атмосферу. Педантичного же Белецкого такой хаос в зависимости от настроения либо повергал в растерянность, либо раздражал.

Возясь с подносом, Белецкий глянул на мольберт, втихаря заглянул в альбом с набросками и очень удивился, не увидев нигде портрета Шарлотты Атталы.

– Ты что-то потерял? – поинтересовался Руднев, заметив изыскания друга.

– Скорее, я что-то не нашёл, – признался тот, но мысль развивать не стал. – Чем вы занимаетесь, Дмитрий Николаевич?

– Составляю список подозреваемых, – лаконично ответил Руднев.

Белецкий поднял несколько листов, рассмотрел и скептически хмыкнул.

– Похоже, у вас тут какая-то очень хитрая система, – заметил он.

– Ничего хитрого. Я отбираю тех, кто подходит сразу по нескольким критериям. Во-первых, местонахождение. Во-вторых, потенциально возможная связь с заговором Вер-Вольфа. В-третьих, связь с канцелярией его императорского величества или любой другой службой, имеющей отношение к государственным секретам и госбезопасности. В-четвёртых, связь с Кавказом, Турцией или Болгарией. В-пятых, любые намёки на иные известные нам факты или какие-то странности.

– Кстати о странностях! – вставил Белецкий, подавая Рудневу чашку с кофе. – Я вот тут подумал, что лишние отпечатки на вашем бокале вряд ли могут принадлежать убийце, если только он не дилетант.

– Поясни.

– Опытный убийца наверняка знает про дактилоскопию. Он бы не стал прикасаться к бокалу. Да и в принципе, зачем было его трогать? У убийцы что, руки тряслись, и он боялся просыпать яд мимо?

Иллюстрируя свои рассуждения, Белецкий взял сахарницу и щедро сыпанул из неё в чашку, которую только что передал Дмитрию Николаевичу.

Руднев скривился и отдал чашку обратно. Сладкий кофе он терпеть не мог.

– И ты туда же! Спасибо, не отравы насыпал! Сам теперь это пей!

Белецкий пожал плечами, налил Дмитрию Николаевичу другую чашку, а себе по своему вкусу доложил ещё сахара.

– С ядом в моём бокале вообще всё непонятно, – признался Руднев и стал рассуждать. – Либо шампанское уже подали отравленным, либо яд подсыпали во время сеанса, когда мы в темноте сидели, либо – уже после, когда я в гостиную выбежал. Наименее вероятен второй вариант. Убийца должен был очень быстро в полной темноте найти мой бокал и дотянуться до него через меня да так, чтобы я этого не заметил. Такое сложно представить. Проще всего было подсыпать яд, когда все кинулись прочь от стола, но тогда выходит, отравитель не знал о том, что произошло в гостиной. Вряд ли бы он предполагал, что после произошедшей трагедии

я пойду допивать шампанское. Значит, мы возвращаемся к версии о том, что нам с Пашкой изначально отраву подали. Вяземского хотели убить наверняка, поэтому подстраховались. И руку поцарапали и яд подсунули, отравив все бокалы на подносе. А потом спрятали осколки, чтобы яд не обнаружился.

Примостившийся на подоконнике Белецкий скептически сдвинул брови.

– Почему же, Дмитрий Николаевич, ваш бокал не убрали? – спросил он.

– Забыли или не было возможности сделать это без свидетелей, – высказал предположения Руднев.

– Натянуто, – возразил Белецкий. – Про осколки вспомнили, про остальные бокалы – тоже. А про ваш забыли? Да и на счёт свидетелей... Уверен, что там такая суэта была, что можно было не то что бокал, мебель вынести, никто бы не заметил.

– Пожалуй, – согласился Руднев.

– И потом, – продолжал Белецкий. – По вашей версии должны были действовать опытные убийцы, которые имели в своём арсенале какой-то средневековый яд, недоступный для обнаружения. И при этом они подсыпают в шампанское кокаин, отравление которым даже студент определит, да ещё и, похоже, не знают достаточной дозы. В довершение всего убийца оставляет на бокале отпечатки пальцев и теряет флакон с ядом. Фантастическая небрежность!

– Я согласен со всеми твоими замечаниями, – сказал Руднев. – Можешь предложить свою версию?

– Мне всё-таки кажется, что убийство Павла Сергеевича и яд в вашем бокале – две разные истории, – ответил Белецкий. – И, если уж выбирать из предложенных вами вариантов, я склоняюсь к тому, что кто-то, не имеющий опыта отравления и ничего не знающий про убийство Вяземского, подсыпал вам яд, когда начался переполох в гостиной. Допускаю даже, что этот человек действовал спонтанно. Такая версия объясняет все несуразности!

– Все, кроме одной, – покачал головой Руднев. – Как сказал Анатолий Витальевич, получается слишком много убийц для одной светской гостиной. Нет, Белецкий, тут всё должно к одному сводиться. Уверен, что, когда мы распутаем убийство Вяземского, с отравленным шампанским тоже всё разъяснится.

– Ладно, – сдал позиции Белецкий. – Давайте искать убийц Павла Сергеевича. Кто у вас на примете?

– Пока пятеро.

Руднев протянул Белецкому список, тот прочитал и ахнул.

– Дмитрий Николаевич, а вы не хотели бы начать с менее значимых персон? А то я за карьеру Анатолия Витальевича опасуюсь. Как бы его в отставку без прошения не отправили за такой масштаб подозрительности.

– Эти больше всех подходят, – упрямо заявил Руднев и принялся объяснять. – Первый – действительный статский советник Граббе Михаил Николаевич, чиновник особых поручений Собственной Его Императорского Величества канцелярии...

– А также брат Александра Николаевич Граббе, генерал-майора Свиты, командующего Собственным конвоем Его Величества, – счёл нужным вставить Белецкий.

– Верно! Младший брат. И не просто младший, а младший из пяти братьев!

– Вы намекаете на прозвище «Мизинец»?

– Я это допускаю.

– Дмитрий Николаевич, но я не хочу допускать, что нашего государя охраняет брат предателя! Желаете меня переубедить, добавьте аргументов в пользу ваших подозрений!

– Изволь! – Руднев подсунил Белецкому газету. – Это последняя статья про заговор Вер-Вольфа. Здесь сказано, что со стороны Канцелярии высочайшее распоряжение выявить и обезвредить Капитул курировал действительный статский советник Граббе, который до войны успешно возглавлял в Канцелярии комиссию по русско-турецкому вопросу. Кроме того, я

видел, что Граббе с Вяземским пожимали друг другу руки и разговаривали, как очевидно знакомые люди.

– Вы меня не убедили, – упорствовал Белецкий. – Попробуйте с другой кандидатурой.

– Следующий – полковник Уваров Фёдор Борисович, глава Кавказского окружного интендантского управления. У них с Вяземским был конфликт. При нашей прошлой встрече Павел Сергеевич рассказывал мне про мятеж, который произошёл где-то на Кавказе. Как я понял, там предполагалось вмешательство англичан и турок, поэтому происшествие попало в зону компетенции разведки. Тогда я и услышал имя Уварова, который на тот момент руководил снабжением в должности корпусного интенданта, и, по версии Павла, продавал оружие, лошадей и провиант мятежникам. Доказать ничего не удалось, даже разбирательства толком не было из-за каких-то там покровителей Уварова. Фёдора Борисовича просто на пару лет куда-то перевели. Но сейчас он снова на поставках, причём именно Кавказского фронта. И именно на Кавказ поставлялись рысаки с конезавода одного из членов Капитула. Кроме того, как офицер кавказского корпуса Уваров, носит бурку, единственный из всех офицеров, присутствовавших вчера у Каменских.

– Это-то тут при чём? – не понял Белецкий.

– Шарлотта сказала мне, что Павел кого-то в зале назвал: «Волк в овечьей шкуре».

От Белецкого не ускользнуло, что Дмитрий Николаевич упомянул мадам Агталь по имени, но акцентировать на этом он не стал.

– Этот ваш кандидат мне куда менее симпатичен, но и здесь всё выглядит несколько надуманным.

– Третий подозреваемый, – продолжил Руднев, не обращая внимания на критику со стороны друга. – Остроградский Всеволод Александрович, старший советник Министерства иностранных дел при Азиатском департаменте...

– Остроградский-то вам чем не угодил? – изумился Белецкий. – Он один из ярых патриотов, отстаивающих идею неразрешимости и извечности русско-германского конфликта.

– Всё не так однозначно, – возразил Дмитрий Николаевич. – Это сейчас Остроградский ратоборствует против немцев, а ещё несколько лет назад он входил в число оголтелых друзей Германии, ратующих за сближение наших империй. Его первой женой была немка, причём какая-то там дальняя родственница Августы Виктории²³. Когда же в Европе отчётливо запахло порохом, Остроградский быстро переобулся из немецких башмаков в русские лапти, и даже наскоро развёлся и женился второй раз, теперь уже на представительнице рода Долгоруких. Всеволод Александрович так громко и активно каялся в своих прежних заблуждениях, что его на всякий случай перевели в Азиатский департамент²⁴ – обрати внимание, именно в Азиатский! – но он по-прежнему считается лучшим в России знатоком германского вопроса, входит во всякие там советы и имеет обширнейшие связи с немцами в России и за её пределами. Мне всё это Каменский рассказал. Он очень недолюбливает Остроградского, считая его исключительно двуличным человеком.

– Оборотень?

– Да! Есть ещё одно, что ставит его в ряд подозреваемых. Пока мы с Павлом разговаривали, Всеволод Александрович постоянно находился в поле моего зрения, я ещё подумал, что у него какое-то дело к Вяземскому, и он выжидает момента, когда можно будет с ним переговорить без свидетелей.

– Царедворец, офицер, дипломат. Неплохо! Кто там у вас дальше, Дмитрий Николаевич?

– Дальше, Белецкий, профессор. Шлау Роман Арнольдович.

²³ Августа Виктория Фредерика Луиза Феодора Дженни – супруга императора Германии Вильгельма II.

²⁴ Азиатский департамент – один из департаментов Министерства иностранных дел Российской империи, который в числе прочего занимался вопросами Кавказского региона.

Белецкий сделал протестующий жест.

– Я положительно возражаю против такого вашего подозрения! – решительно заявил он. – Роман Арнольдович – светило российской науки! Он величайший историк! Непревзойдённый эксперт в вопросах средневековой Европы. Его авторитет признан не только в России, но и далеко за её пределами. При этом Шлау патриот до мозга костей и всегда был им. И это не истерический новомодный патриотизм, а благородные убеждения человека, знающего историю и глубоко уважающего культуру и традиции других народов. Я имел удовольствие бывать на его открытых лекциях. Это великий учёный муж, сфера интересов которого несравненно выше националистических заговоров!..

– И тем не менее, Белецкий! – Дмитрий Николаевич перебил пламенную речь друга. – Шлау хорошо знаком с Вер-Вольфом, они оба состоят в Императорской академии наук и являются соавторами нескольких научных работ, посвящённых тайным обществам. Монографии Романа Арнольдовича я также видел в коллекции магистра эзотерических искусств Вершина...

– Там и работы вашего отца имеются! – не собирался сдаваться Белецкий.

– Имеются, – подтвердил Руднев. – Но Шлау писал не об алтайских шаманах, как мой отец, а об европейских колдунах. Но главное даже не это. Роман Арнольдович находился в зале, где спиритический сеанс должен был проходить, и стоял аккуратно за моим креслом до того, как духа вызывать начали. А после, когда я прибежал в гостиную, он был уже там, подле умирающего, пытался помогать и громче всех звал доктора. Самое же странное то, что, когда всё было кончено, он сразу вышел из толпы, и дальше я видел, как он отдавал какую-то записку лакею.

– И куда её понёс лакей?

– Никуда не понёс. В карман положил.

– От чего же вы про эту записку сразу Терентьеву не сказали?

– Из головы вылетело! Я это мельком видел, спустя пару минут после того, как Пашка на моих руках в корчах богу душу отдал... Вспомнил только нынче, когда стал всю картину вечера по мелким деталям в памяти собирать.

Белецкий помолчал и наконец спросил:

– А кто пятый? Титул знатный, но я этого имени не знаю.

– А этот человек так – «ни рыба, ни мясо, ни кафтан, ни ряса», как Тимофей Кондратьевич говорит, – ответил Руднев.

– Почему же он в вашем списке?

– А вот сам посудите, Белецкий... Барон Птолемей Вольфович фон Клебек. Протеже графини Каменской и её родственник, чуть ли не племянник, приехавший из Варшавы делать себе карьеру. Анна Романовна мне про него в жилетку плакалась. Великосветский бездельник, которого патронессе никак ни к какому делу пристроить не удастся. Сперва он учился на философском в Санкт-Петербургском университете, и был отчислен за порочное поведение. Молодой человек оказался заядлым картёжником и завсегдаем публичных домов. Потом он вроде как остепенился, поскольку папаша значительно сократил ему пенсию, и даже пошёл на государственную службу. Сперва в младших чинах служил в министерстве путей сообщения, потом перешёл в министерство земледелия, а далее исполнял какую-то партикулярную должность в военном министерстве. Недолго побив баклуши в ранге чиновника, юный барон решил заняться финансами, и его пристроили при управляющем совете банка, в котором имелся интерес у фон Клебeka-старшего. Тут наш Птолемей Вольфович тоже не задержался и переметнулся в коммерцию, выпросив у родителя капитал для текстильного производства. Как и следовало ожидать, и на этом поприще барон себя не нашёл. Окончательно разочаровавшись в предпринимательстве, он снова попросился служить, на этот раз устремившись в придворные.

Сейчас он числится в свите великого князя Михаила Александровича... Никаких закономерностей не замечаешь?

Белецкий хмыкнул.

– Выходит, ваш барон отметился во всех тех сферах, откуда собралась высшая прослойка Капитула.

– Верно! И согласись, Белецкий, совпадение просто поразительное!.. Но, сверх того, у меня есть ещё одно соображение, на которое меня навел вопрос Анатолия Витальевича. Терентьев спросил, уверен ли я, что Вяземский перед смертью произнёс слово: «Вервольф», и я ответил, что могу быть уверенным лишь в том, что услышал. Так вот... Птолемей Вольфович, приехав в Россию, стал представляться на русско-былинный лад Веремеем Вольговичем. Теперь представь, Белецкий, как умирающий, задыхающийся человек пытается произнести это имя: «Веремей Вольгович фон Клебек». Возможно Пашка только и смог, что произнести начальные звуки: «вер», «воль», а от «фона Клебека» осталось только «ф». Вот мне и послышался: «вер..воль..ф».

Белецкий долго молчал, снова и снова перечитывая список из пяти имён, а Руднев терпеливо ждал вердикта друга.

– Дмитрий Николаевич, – наконец заговорил Белецкий. – Ваши версии крайне оригинальны, но, если честно, мне кажется, вы перемудрили. Если упростить всю ситуацию? Павел Сергеевич нёс секретную службу, это в текущем военном моменте означает, что фактически он воевал на невидимом фронте с врагами России. Я понимаю, что на поверку врагами могут оказаться и подданные его императорского величества, но не проще ли предположить, что ими являются иностранцы? Таковые на приеме тоже присутствовали. Разве не логичнее начать с них?

Дмитрий Николаевич заметно напрягся.

– На мадам Атгаль намекаешь? – спросил он, глядя в сторону.

– Ну, не именно на неё... – поспешил сгладить ситуацию Белецкий. – Хотя, *es ist wirklich (нем. это действительно так)*, её активная вовлеченность вызывает вопросы... *Doch... Ich rede gerade nicht von ihr... (нем. Но... Я даже не о ней сейчас говорю...)*

Дмитрий Николаевич оборвал Белецкого нетерпеливым жестом.

– Белецкий, шпионы не стали бы убивать русского офицера на светском приеме. Они действуют аккуратно и неприметно. Что касается мадам Атгаль, то, как она сама нам с тобой рассказала, с Павлом её связывали отношения известного характера. Он бывал у неё с визитами. Уж если бы ей было нужно его убить, она бы без труда устроила всё так, что смерть её *le prince mignon Russe (фр. милого русского князя)* не вызвала бы никаких подозрений.

– Хорошо, – пошёл на поводу Белецкий. – Допустим, вы, Дмитрий Николаевич, правы. Но тогда объясните мне, почему мадам Атгаль пришла к нам после трагедии, что значили её вчерашние откровения и зачем она пригласила вас сегодня?..

– Объясню, когда повидаюсь с ней, – буркнул Руднев. – А пока я намерен обсудить свои соображения с Анатолием Витальевичем и решить, как вести дознание с такими подозреваемыми.

Глава 9

В контору Московского сысканого управления Руднев с Белецким входили, предвкушая непростой разговор с Анатолием Витальевичем. Они не на шутку опасались, что их дознание может закончиться, так толком и не начавшись.

Навстречу друзьям выскочил какой-то уж слишком всполошённый дежурный и, ничего не объясняя, повёл их к помощнику начальника управления, мча перед консультантом и его напарником едва не рысью. Недоумевая, чем может быть вызвана такая поспешность и таинственность, друзья прошли в кабинет Терентьева, и тут их ожидала ещё большая неожиданность. Анатолий Витальевич, ходивший на службу исключительно в цивильном, был на этот раз при мундире, отчего выглядел непривычно строго и подтянуто.

Коллежский советник так же, как и дежурный, ясности в происходящее не внёс, а лишь скупое поздоровался и сообщил, что их троих немедля желает видеть Аркадий Францевич.

Теряясь в догадках, Руднев с Белецким проследовали вслед за Терентьевым, который без доклада сразу провёл их в кабинет начальника московского уголовного сыска.

Статский советник оказался в кабинете не один. Его гость сидел, по-свойски придвинувшись к столу Аркадия Францевича, и вместе с хозяином кабинета пил чай. Между мужчинами шла непринуждённая, очевидно дружеская, беседа.

Вид посетитель имел солидный и властный, и, хотя одет он был в партикулярное платье, осанка и манера речи выдавали в нём человека со статусом, имеющего многолетнюю привычку принимать единоличные решения и приказывать.

Обычно Терентьев входил в начальничий кабинет запросто без лишних церемоний, но на этот раз коллежский советник шагнул туда чуть ли не строевым шагом и молча замер, вытянувшись по струнке. Руднев с Белецким скромно остановились за его спиной, сочтя за лучшее ограничить приветствие кратким кивком.

Кошко и его гость оборвали разговор и вперили в вошедших испытующие взгляды. Напряжённая пауза длилась не меньше минуты.

Наконец Аркадий Францевич заговорил, обращаясь к своему гостю, но не называя его ни по имени, ни по титулу, ни по чину.

– Позвольте представить. Мой помощник коллежский советник Анатолий Витальевич Терентьев. Наш заштатный консультант господин Руднев Дмитрий Николаевич, камер-юнкер. И его помощник Фридрих Карлович Белецкий.

По тонким губам незнакомца скользнула едва заметная улыбка.

– Наслышан, – сказал он ровно и на правах очевидно старшего в этом кабинете добавил. – Проходите, господа. Присаживайтесь.

Трое друзей всё так же молча расположились вокруг совещательного стола.

– Называйте меня Виктором Леонидовичем, – представился таинственный гость.

Он выждал ещё минуту, в течение которой всё так же остро всматривался в своих собеседников, а после спросил, не размениваясь на вступление:

– Что имеете сказать по поводу смерти князя Вяземского?

Терентьев откашлялся и бодро отчитался, глядя на Виктора Леонидовича честнейшими глазами.

– В соответствии с распоряжением из министерства дознание о смерти их сиятельства передано мною Отдельному корпусу жандармов, непосредственно ротмистру Толстому.

– Но ведь вы открыли параллельное дознание, – произнес Виктор Леонидович абсолютно нейтральным тоном.

– Осмелюсь поправить, – отчеканил коллежский советник. – Мною было открыто дознание в отношении с полной определенностью установленного покушения на господина Руднева.

– И вы, Анатолий Витальевич, как опытный сыщик не видите связи между двумя этими происшествиями? – по-прежнему невозмутимо поинтересовался таинственный гость.

– Господин коллежский советник был вынужден открыть новое дознание, поскольку мною было подано соответствующее заявление, – вмешался в разговор Руднев.

– Точно так, – поддержал Терентьев. – Господин Руднев подал заявление, которое было мною завизировано. Поскольку на тот момент Аркадий Францевич отсутствовал, я в рамках своих полномочий и полностью под свою ответственность открыл дознание по факту покушения.

Виктор Леонидович снова едва заметно улыбнулся, а Кошко фыркнул:

– Гимназисты! В мушкетеров никак не наиграются!

Сердился начальник московского сыска или смеялся, понять было сложно.

– Господа, ответа на свой вопрос я так и не услышал, – с расстановкой произнёс гость. – Какие ваши мысли по поводу *убийства* Вяземского?

Виктор Леонидович произнёс слово «убийство» как-то особенно жёстко, так что любая иная трактовка происшедшего для всех присутствующих разом была исключена.

Терентьев вопросительно взглянул на Аркадия Францевича, и тот сделал нетерпеливый жест:

– Отвечайте, Анатолий Витальевич! Вашу находчивость уже в полной мере оценили, так что теперь можете говорить открыто. Какие направления для расследования вы видите?

– Если бы дознание осталось в моих руках, – аккуратно начал коллежский советник. – Я бы в первую очередь сосредоточился на возможной связи произошедшего в доме графа Каменского с разоблачённым недавно заговором, руководимым профессором Вер-Вольфом.

– Объясните свою позицию, – приказал Виктор Леонидович.

– Перед смертью князь произнёс: «Вервольф», а до этого в разговоре с господином Рудневым намекал на какое-то дело, связанное с государственной безопасностью. Кроме того, наш судебно-медицинский эксперт предполагает, что их сиятельство был убит при помощи яда, изобретённого средневековым чернокнижником Клаусом Ютенштайном, однофамильцем и, так сказать, коллегой Альберта Ютенштайна, одного из членов Капитула, – ответил Терентьев.

– В рапорте патологоанатома нет ни слова о яде, – сухо констатировал Виктор Леонидович. – Что ещё осталось за рамками ваших отчётов?

Терентьев кратко изложил итоги разговора Белецкого с редактором газеты и сжато, но откровенно рассказал о своей неудачной попытке выудить информацию у жандармских, не называя, правда, своего информатора.

Кошко и его таинственный гость выслушали доклад Терентьева не перебивая.

– Это всё, что вам известно? – сухо спросил Виктор Леонидович.

Наступила очередь Дмитрия Николаевича рассказывать про обнаруженные цифры и туманные откровения Шарлотты Атталъ.

– Более ничего выяснить нам не удалось, – завершил он свой рассказ, и Терентьев подтвердил его слова кивком.

Виктор Леонидович тут же без каких-либо комментариев задал следующий вопрос:

– У вас есть подозреваемые, господа?

Руднев протянул ему список из пяти имён с пометками о своих выводах.

Первый раз за всё время разговора лицо Виктора Леонидовича утратило бесстрастное выражение. Он удивленно поднял брови, хмыкнул и передал бумагу Аркадию Францевичу. Тот прочёл, одарил Дмитрия Николаевича тяжёлым взглядом и проворчал:

– Я всё-таки очень надеюсь дослужиться до пенсии...

В кабинете начальника московского уголовного сыска снова повисла тишина.

Виктор Леонидович встал, жестом пресекая намерение остальных тоже подняться, и принялся мерить кабинет неспешным шагом.

– Значит так, господа, – произнес он жёстко. – Дознание об отраве в шампанском с сегодняшнего дня прекращается...

– Но, Виктор Леонидович, я имею право на расследование факта покушения на мою жизнь! – возмутился Руднев.

– Имеете, Дмитрий Николаевич, – невозмутимо согласился таинственный гость и сурово добавил. – Но вы не имеете права участвовать в расследовании, где фигурируете в качестве пострадавшего. И вообще, на ваше участие в дознании должно иметься официальное дозволение начальника сыскного управления, а он его вам не даёт... Ведь не даёте, Аркадий Францевич?

– Не даю! – подтвердил Кошко.

– И тем не менее я настаиваю на своем законном желании узнать, кто и почему пытался меня убить! – не сдавался Руднев.

– Вы это несомненно узнаете, – заверил Виктор Леонидович. – Я нимало не сомневаюсь, что ротмистр Толстой прояснит эти вопросы в рамках своего расследования. Повторяю, отдельное дознание о покушении закрыто.

– В таком случае, ваше высочордие, я вынужден просить вас предоставить мне отпуск, – заявил Анатолий Витальевич, вставая и глядя на Аркадия Францевича с угрюмым упрямством.

Кошко шарахнул кулаком по столу.

– Помолчите, Анатолий Витальевич! – в сердцах рявкнул он. – И сядьте на место!

Начальник и подчинённый схлестнулись сердитыми взглядами. Спустя несколько напряжённых секунд коллежский советник опустил глаза и сел.

И тут снова заговорил Руднев.

– Виктор Леонидович! Аркадий Францевич! Я прошу понять меня, господа! Я всё равно не отступлюсь! Павел Сергеевич был моим другом!..

– И моим тоже! – резко ответил Виктор Леонидович и перекрестился. – Упокой Господь...

Он вернулся к столу и на этот раз подсел к трём друзьям.

– Господа, у меня очень мало времени, – сказал он, смягчая тон. – Поэтому прошу вас выслушать меня, более не перебивая... Открытое вами, Анатолий Витальевич, дознание по факту покушения на господина Руднева объединено с расследованием смерти князя Вяземского, и передано в ведение жандармских. Вам же поручается расследовать серию необъяснимых смертей репортёров. Есть серьезные основания подозревать массовую диверсию против цвета российской журналистики.

Виктор Леонидович передал Терентьеву список, тот просмотрел и осторожно спросил:

– Это те, кто про Вер-Вольфа писали?

– Вот вы и выясните, – ответил Виктор Леонидович, он выдержал паузу, а после снова заговорил. – Павел Сергеевич, делом Вер-Вольфа напрямую не занимался, но мне стало известно, что за неделю перед смертью он запрашивал документы по нему. В журнале выдачи остались соответствующие пометки... Я не стану вдаваться в подробности, просто скажу, что у меня есть все основания связывать гибель князя с этим проклятым делом.

– Мы можем увидеть документы, о которых вы говорите? – тут же спросил Руднев.

– Нет, Дмитрий Николаевич, не можете. Объяснений моему отказу несколько, но главное — опасения, что новое обращение к документам засветит ваше участие в деле. Это как минимум. А как максимум – станет вашим смертным приговором. Всем троим...

Виктор Леонидович выдержал паузу, добиваясь тем самым, чтобы смысл сказанного дошёл до собеседников. Увидев, что лица их посуровели, а позы сделались напряжёнными, он продолжил.

– Заговор Вер-Вольфа – это мистификация. Вопрос в том, кем и с какой целью она была устроена. Началось всё с того, что ещё до войны в отчётах жандармских появилась очеред-

ная подпольная организация, которая сперва ограничивалась социалистической и антивоенной пропагандой среди студенчества и пролетариев, а после оказалась заподозренной в связях с германской разведкой и стала интересна не только ОКЖ, но и военным. Жандармские внедрили в организацию своего агента, а наша разведка стала вынюхивать германский след. Ничего конкретного выяснить никак не удавалось, но по намёкам и подозрениям картинка вырисовывалась совсем некрасивая. Выходило так, что в историю были каким-то образом замешаны солидные министерские чиновники и коммерсанты.

– Те, что входили в Капитул? – уточнил Терентьев.

– И эти тоже, но назывались и другие имена, – ответил Виктор Леонидович. – Месяц назад агент сообщил, что организация готовит террористический акт в отношении государя, подробности выяснить ему не удалось. Тогда было решено арестовать ядро заговорщиков немедленно. С этой целью была проведена операция в Лисьем замке. На место приехало два жандармских взвода, поскольку по данным от агента, замок тщательно охранялся вооружёнными до зубов боевиками. Однако по факту в бастионе обнаружилось лишь двенадцать человек и жандармский агент.

– Но газеты писали про жертвы с двух сторон? – снова вставил вопрос Терентьев.

– Газеты много что писали, но об этом позже... В той операции был только один погибший – агент. И с его смертью тоже не всё понятно. Он не то сам застрелился, не то ему в этом помогли. Двенадцать же арестованных были подвергнуты многократным допросам, и все они отрицали существование какой бы то ни было тайной организации и в один голос утверждали, что являлись частными гостями профессора Вер-Вольфа. Профессор якобы председательствовал в историко-философском клубе, который раз в пару недель проводил в Лисьем замке что-то вроде игры в театральные шарады. Участники разыгрывали исторические заседания или судебные процессы, пересматривая их итоги в контексте различных философских учений. В университете, которому принадлежит замок, информацию о клубе и игрищах полностью подтвердили. Арестованных собирались уже отпускать, но тут в газетах стали публиковаться статьи. Жандармские кинулись выяснять источник, но, как вам уже известно, господа, со всеми журналистами что-то происходило, а кроме них в газетах никто не знал информатора. Тогда статьи показали членам Капитула, и только что всё отрицавшие люди начали каяться и признавать себя виновными в заговоре.

– А другие участники заговора, упомянутые в статьях? – спросил Руднев.

– Остальные оказались «мертвыми душами». То есть все эти люди существовали, и род их занятий соответствовал описанному, но все они умерли, причём давно. Самая поздняя смерть была три года назад.

Виктор Леонидович замолчал и стал переводить внимательный взгляд с одного слушателя на другого.

– И что же было дальше? – прервал молчание Терентьев.

– А дальше, собственно, ничего и не было. Жандармские, военные и... другие службы кинулись выяснять, что же это был за морок. И поскольку каждая из этих служб сама оказывалась под подозрением либо в некомпетентности, либо в провокации, расследование забуксовало. Погоны и петлицы – все крайне заинтересованы не раскачивать лодку. Следствие идёт ни шатко, ни валко, завязая ногами в бюрократическом болоте. Члены Капитула сидят по одиночкам: четверо в Москве и шестеро в столице. Их допрашивают, устраивают очные ставки. Они повторяют написанное в газетах и не называют никаких новых имён.

– Каким образом в эту историю оказался замешан Вяземский? – спросил Дмитрий Николаевич.

– Не знаю, – в голосе невозмутимого Виктора Леонидовича прозвучала досада и сожаление. – В последнее время он выполнял особое поручение по выявлению германских шпионов

в России. Большого я сказать вам не могу. Зачем ему вдруг понадобились документы по делу Вер-Вольфа – понятия не имею.

В кабинете снова воцарилось молчание.

Наконец Терентьев деловито спросил

– Вы хотите поручить нам расследование мистического заговора?

– Да, – ответил Виктор Леонидович. – А также я надеюсь, что по ходу дела вами будет установлен убийца Павла Сергеевича и покуситель на жизнь Дмитрия Николаевича.

Терентьев переглянулся с друзьями, взглянул на начальника и задал другой вопрос, чётко выговаривая каждое слово.

– Виктор Леонидович, от чьего имени вы намерены дать нам это поручение?

Таинственный гость кивнул Кошко, тот вынул из папки бумагу и положил на совещательный стол.

– Извольте ознакомиться, – сухо произнёс он.

В бумаге значилось: «Нашим именованным повелением приказываю привлечь к расследованию инцидента в Лисьем замке и других событий, имеющих к нему касательство, силы московского уголовного сыска. Руководство дознанием и ответственность за сохранность тайны одного возложить на статского советника Кошко А.Ф.». Ниже стояла дата третьего дня и подпись: «Николай».

– Предвосхищая ваши вопросы, господа, – невозмутимо заявил Виктор Леонидович ошарашенным друзьям, – Их величество своим именованным повелением передал расследование в московский сыск по двум причинам. Во-первых, ваша контора совершенно чудесным образом умудрилась не замараться в этой истории, а стало быть, не имеет в ней своего интереса. А, во-вторых, государь прислушался к моей рекомендации в отношении Аркадия Францевича и изволил вспомнить кое-кого из его сыщиков и заштатных консультантов.

Кошко забрал именованное повеление и убрал в папку.

– Какие у вас еще есть вопросы? – меж тем спросил таинственный рекомендатель, к чьим советам прислушивался сам государь. – Возможно, сомнения? Говорите, как есть, господа.

Руднев переглянулся с Терентьевым и Белецким и, заручившись их утвердительными кивками, сказал.

– Виктор Леонидович, мы сделаем всё, что в наших силах, чтобы оправдать оказанное нам доверие. Но уверены ли вы сами, что наших сил хватит? По вашим словам, на расследование уже кинуты ресурсы несравненно большие.

– Ресурсы у вас будут, – коротко произнёс Виктор Леонидович, и Аркадий Францевич выложил на стол ещё две бумаги.

Это были открытые листы с предписаниями оказывать всяческое содействие их предьявителям. Одна бумага была подписана военным министром, вторая – министром внутренних дел.

– Возьмите и при необходимости не стесняйтесь пользоваться, – заявил Виктор Леонидович, а после добавил тоном, однозначно означающим окончание разговора. – Надеюсь, господа, этого вам достаточно.

Глава 10

После беседы в кабинете начальника московского уголовного сыска друзья разделились. Терентьев остался в конторе и принялся собирать воедино разрозненные дела о пропаже и гибели журналистов, изучая документы и разговаривая с агентами.

Белецкий намеревался сперва зайти к магистру эзотерических искусств Вершинину, узнать, нет ли у того новостей о Ютенштайнах, а после вернуться домой и подготовиться к предстоящей встрече с информатором Судейкиным. Для этих целей Анатолий Витальевич выдал Белецкому многотомную «летопись» славных дел клуба контрабандистов и велел выучить наизусть.

Руднев же направился в «Националь» на встречу со швейцарской заводовладелицей. Он был преисполнен решимости добиться от Атталль всей правды о странных откровениях Вяземского, а также намеревался перехватить инициативу в той непонятной и беззастенчивой игре, что вела эта женщина. Однако, когда швейцар распахнул перед ним сверкающую стеклянную дверь, Дмитрий Николаевич почувствовал, что душу его начинает охватывать давешние трепет и замешательство.

Злясь на себя за нелепое волнение и всеми силами призывая в себе профессионального сыщика, он подошёл к стойке портье и велел сообщить госпоже Атталль о своём визите. Портье подозвал коридорного и уже начал наставлять того, когда на устланной коврами гостиничной лестнице появилась Шарлотта Атталль собственной персоной.

На ней было ярко-изумрудное бархатное платье с пышным золотистым атласным бантом на поясе. Волосы француженки украшала такая же золотистая лента, к которой на изумрудной заколке крепилось воздушное перо белой цапли. Эдакие яркие платья и перья в прическах только-только входили в моду в Европе, и московские модницы могли видеть их пока исключительно на страницах журналов, поэтому выход француженки вызвал интерес не только мужской аудитории, что было естественно при появлении несомненно красивой женщины, но и ажиотаж среди представительниц прекрасного пола. Дамы принялись рассматривать мадам Атталль с жадным любопытством и перешёптываться.

Француженку нимало не смущало такое повышенное внимание к её персоне. Казалось, что напротив, оно забавляло Шарлотту и доставляло ей нескрываемое тщеславное удовольствие. Лицо женщины светилось дерзкой весёлостью, глаза сияли игривым озорством.

Шарлотта увидела Дмитрия Николаевича, лучезарно ему улыбнулась и ускорила шаг.

– Я знала, что вы придёте, Дмитрий! – заявила она вместо приветствия с такой искренней радостью в голосе, что тому тоже вдруг стало легко и радостно.

Такой настрой никак не подходил к его планам на серьёзный разговор, но был, по крайней мере, куда как более приятен, чем обуревающее его за минуту до этого смятение.

Руднев склонился над протянутой ему почти по-дружески рукой и, пользуясь этой секундной заминкой, попытался решить, как же ему вести себя дальше, чтобы с одной стороны удержаться в рамках почти официальной беседы, а с другой – не оттолкнуть Шарлотту. Последнего он, надо признаться, опасался не только потому, что боялся лишиться ценного свидетеля, но и по причинам глубоко личным.

Будто почувствовав его колебания, мадам Атталль решительно взяла Дмитрия Николаевича под руку и потянула за собой:

– Не откажите выпить со мной кофе! – попросила она с настоятельной ноткой в голосе. – В это время я всегда пью кофе. Здесь подают восхитительные *gâteaux* (фр. пирожные)!

И француженка направилась в ресторан, увлекая за собой Руднева.

Важный, что твой генерал, метрдотель проводил их к столику, поинтересовался у Руднева, изволит ли барин пить кофий или прикажет подать ему чаю, а у Шарлотты – желает ли

мадам попробовать какой-то там новый кондитерский изыск с мороженой рябиной и сбитыми сливками, и, получив ответы, величественно удалился.

Как только они остались наедине, Атталь снова заговорила:

– Надеюсь, вы не обиделись на меня за вчерашнее, Дмитрий? Я была... как это вы говорите?... сама не для себя.

– Сама не своя, – поправил Руднев. – Боюсь, Шарлотта, это мне нужно просить у вас прощения за свою резкость. Поверьте, я сожалею, что мои слова могли показаться вам неучтивостью с моей стороны.

– Вы считаете себя передо мной виноватым, Дмитрий? – француженка кокетливо наклонила голову набок, и в глубине ей синих глаз блеснул лукавый огонёк. – С вашей стороны было очень неосторожно признаваться в этом! Я потребую компенсацию!

– Надеюсь, вы потребуете то, что в моих силах, – улыбнулся в ответ Дмитрий Николаевич.

– О, да! Вполне! И смею надеяться, это доставит вам удовольствие!

Шарлотта держала паузу ровно столько, чтобы Руднев успел додумать её фразу до крайне фривольной трактовки, смутится этим, придушить в себе вольнодумное подозрение и ещё больше смутиться внезапного целомудрия своей реакции. Очевидно, довольная произведенным эффектом, француженка пояснила:

– Я бы хотела, чтобы вы нарисовали мой портрет. Вы можете это сделать?

– Я и сам хотел просить вас об этом, – ответил Дмитрий Николаевич, с отчаянием понимая, что Шарлотта полностью держит разговор в своих руках, и ему никак не удастся направить его в нужное русло.

Тут подскочил официант с кофе и пирожными, и едва он отошёл, Руднев перешёл в контратаку.

– Если позволите, Шарлотта, я бы хотел вернуться к нашей вчерашней беседе, – сказал он, старясь, чтобы его интонация балансировала между строгостью и доверительностью. – Вы рассказали мне весьма странную историю. И я даже не знаю, что меня в ней больше удивляет, содержание или факт того, что связанный присягой офицер якобы разболтал вам государственную тайну. Прошу вас, Шарлотта, расскажите мне правду. Мне крайне важно узнать, чем занимался Павел Сергеевич последнее время. Это может помочь мне выйти на след его убийц.

Мадам Атталь посмотрела на собеседника с насмешкой.

– Вы, русские, поражаете нас европейцев своей... как это?... *incohérence* (*фр. безалаберностью, несогласованностью*), – произнесла она ядовито. – Если вы, Дмитрий, работаете на полицию, а *le prince Paul* служил в армии, почему вы спрашиваете о его делах у его любовницы? Спросите его *le général* (*здесь фр. командира*)! Он же должен знать! Или армия не доверяет полиции? Или вы не доверяете армии?

– Я не знаю, кому могу доверять, – честно ответил Руднев.

– Значит, вы и мне не доверяете?

– Видимо, всё-таки доверяю, раз пришёл к вам с вопросами.

Шарлотта помолчала, внимательно взглядываясь в своего собеседника. Потом со вздохом произнесла:

– И напрасно, Дмитрий! У меня более чем достаточно причин не дружить с русской полицией. Ваши *de satrapes* (*фр. сатрапы*) считают, что у меня носик в перьях.

– Что? – озадачено переспросил Руднев.

– Как у лисы, которая таскает кур, – объяснила француженка.

– А!.. Правильно говорить: «Рыльце в пушку».

– Пусть так! Не важно! Смысл не меняется! Для ваших властей я *n'est pas fiable* (*фр. неблагонадёжная*). И раз так, я не хочу помогать полиции!

– Так мне помогите! Я не служу в полиции.

Мадам Атталь поджала губы и прищурилась.

- Вы знаете эту грязную историю, Дмитрий? – холодно спросила она.
- Вы говорите о том, что вас подозревали в попытке устранить конкурента? Знаю.
- И что вы об этом думаете?
- Я думаю, что к убийству Вяземского это не имеет отношения.
- Но ведь вы хотите знать, была ли я виновата?
- Не хочу!
- Vous êtes un mauvais menteur! (фр. Вы плохой обманщик!) Но, как скажете!

Шарлотта сделала безразличное лицо и полностью сосредоточилась на шедевре из бисквита, крема, беже и фруктов.

- Помогите мне, Шарлотта, – повторил Руднев тихо. – Я прошу вас!

Француженка отложила серебряную вилочку на край тарелки и принялась тереть салфетку.

- Je veux pas vous mentir (фр. Я не хочу вам врать), – произнесла она, глядя в сторону.
- Alors ne le fais pas. (фр. Так и не делайте этого).

Мадам Атталъ вскинула на Руднева свои сапфировые глаза.

– Хорошо! – решительно заявила она. – Я постараюсь быть искренней... Если ты, Дмитрий, просишь об этом.

От этого внезапного перехода на «ты» и недвусмысленно обозначенной уступчивости его просьбе Дмитрий Николаевич почувствовал, что снова теряет твердую почву под ногами. Ещё никогда ему не было так сложно разговаривать с женщиной. С трудом преодолев замешательство и не поддаваясь искушению тоже назвать Шарлотту на «ты», он спросил:

– Что вам на самом деле известно о делах Вяземского? И что там за история с похищенным документом?

– Похищенный документ на самом деле был... – неохотно начала рассказывать Шарлотта. – Но с этим документом всё... на другую сторону...

- Наоборот? – догадался Руднев.

– Да, именно так! Наоборот...

- В каком смысле?

– В том смысле, что не Paul рассказал мне о нём, а я ему рассказала.

Дмитрий Николаевич откинулся на спинку стула, и лицо его приняло крайне скептическое выражение.

– Хотите сказать, что вам каким-то образом стало известно про похищенный из царской канцелярии документ? – спросил он недоверчиво.

- А что вас на этот раз смущает? – с вызовом парировала француженка.

– Откуда вы могли узнать о таком казусе, Шарлотта? Это должна быть крайне засекреченная информация.

- Даже самая секретная информация иногда *отрывается от языка!* – фыркнула Атталъ.

– И вы назовёте мне того, у кого *сорвался с языка* такой секрет?

– Конечно, назову! – небрежно пожала плечам Шарлотта. – У полковника Уварова. Знаете такого?

– Фёдор Борисович Уваров? Глава Кавказского окружного интендантского управления? Да, я его знаю.

Скепсис Руднева сменился напряжённой заинтересованностью, но он не подал вида.

– При каких же обстоятельствах полковник рассказал вам про документ? – ровно спросил он.

– On a un intérêt commercial commun (фр. Нас объединяет коммерческий вопрос), – объяснила заводовладелица. – Мои предприятия кое-что поставляют для нужд Кавказского фронта. Естественно, что le contrat (фр. контракт) требует определенной благодарности с моей стороны...

Цинизм, звучавший в словах женщины, неприятно резанул Рудневу слух, а предположение о характере благодарности неожиданно всколыхнуло в его душе гневно-гадливую эмоцию по отношению к пройдохе-полковнику. Руднев внезапно понял, что окажись Уваров сейчас рядом, он бы с превеликим удовольствием влепил тому оплеуху, а потом с радостью бы принял вызов и пристрелил негодяя.

Вся эта сумятица чувств в полной мере отразилась на лице Дмитрия Николаевича, и Шарлотта это не только заметила, но абсолютно правильно поняла.

– Théodore получает от меня не ту плату, о которой вы подумали, – усмехнулась она. – Rembourse féminin (фр. платить по-женски) было бы для этого соquin (фр. мерзавец)... – француженка ткнула вилочкой в кремовую шапку пирожного, – ...как вы там говорите?... слишком много масла!

– Слишком жирно... – подсказал Руднев и не удержался от улыбки, причиной которой была не столько забавно искажённая фигура речи, сколько злорадство, хотя и мелочное по его же собственному пониманию, но пролившееся на душу елеем.

– Вот именно!.. Я расплачиваюсь с полковником старыми добрыми деньгами. Это устраивает нас обоих.

– Так как же он вам проболтался?

– Он не то чтобы проболтался мне. Я подслушала случайно. Théodore явился ко мне за очередным le paiement (фр. платежом). Он очень предусмотрителен, всегда сам назначает время и место и берёт только золотом. Мы пересекаемся исключительно во время приёмов, чтобы наши встречи выглядели comme (фр. обыкновенно). В тот раз он пришёл, когда у меня собралось небольшое le monde (фр. общество). Внезапно ему передали какой-то официальный пакет. Théodore прочитал и очень заволновался. Даже испугался, как мне показалось. Он попросил разрешения позвонить из моего кабинета, и я разрешила, но решила подслушать. Я опасалась, что происходит что-то, что может касаться моих интересов. Avoir de mauvaises conséquences (фр. Иметь нехорошие последствия). Вот тогда я всё и услышала.

– Что именно вы услышали?

– Théodore кричал на кого-то. Говорил, что это всё Мизинец, что только он мог стащить документ из царской канцелярии, что больше никому, и что теперь все они рискуют головой, если дело вскроется. Полковник обещался удавить Мизинца и высказывал ещё что-то о его матери... Это же такое русское ругательство, да?

– Да, очень грубое ругательство... А что он говорил про грузинского Михаила и болгарского Ивана? Вы поняли, о ком была речь?

– Нет, не поняла. Я даже подумала тогда, что речь шла не о людях. Уваров сказал, что грузинского Михаила и болгарского Ивана постараются продать в первую очередь.

– Продать? Вы не ошибаетесь?

– Не ошибаюсь! Я ещё подумала, что полковник говорит о каком-то оружии, используя грифованные названия. Вы же понимаете, что для меня крайне важны подобные вопросы. Мой le activité (фр. бизнес) напрямую связан с производством оружия. Поэтому я заволновалась, решила выяснить подробности и рассказала все le prince Paul взамен на обещание держать меня в курсе, если история действительно окажется связана с моими деловыми интересами...

Шарлотта осеклась, беззастенчивая деловитость с неё разом слетела. Женщина потупила взгляд и тихо спросила:

– Vous pensez que cette histoire tué le prince Paul? (фр. Вы думаете, что эта история и убила князя Павла?)

– Je sais pas... (фр. Я не знаю) – не стал обманывать женщину Руднев.

Это было далеко не единственное сомнение, не дающее покоя Дмитрию Николаевичу. Он по-прежнему не был уверен, что может доверять словам мадам Атталь.

– Что сказал вам Павел Сергеевич, когда вы рассказали ему про подслушанный разговор? – спросил Руднев после недолгой паузы.

– Он только посмеялся надо мной! – Шарлотта досадливо тряхнула каштановыми локонами. – Сказал, что в роли шпионки я абсолютно обворожительна, и велел мне не забивать себе голову всякой чепухой.

Мадам Атталъ сердито поковыряла вилочкой пирожное, а потом вдруг оживлённо добавила:

– Но знаете, Дмитрий, я уверена, что Paul заинтересовался моим рассказом! Не знаю, как вам это объяснить, но я это почувствовала. Вы понимаете?..

Дмитрий Николаевич не ответил. Его внимание в этот момент привлёк происходящий у входа в ресторан диалог метрдотеля с каким-то человеком, стоящим так, что его не было видно из-за собеседника. Руднев заметил, что метрдотель несколько раз повернулся в их сторону, очевидно указывая неизвестному на их столик.

– Шарлотта, у вас на сегодняшнее утро запланированы встречи с кем-то ещё, кроме меня? – спросил Дмитрий Николаевич, стараясь, чтобы его вопрос прозвучал буднично.

Но француженка почувствовала неладное и замерла.

– Non! Pourquoi vous me demandez? (*фр. Нет! Почему вы об этом спросили?*)

– Кто-то спрашивает о нас у метрдотеля, – объяснил Руднев.

Он быстро положил свою руку поверх руки мадам Атталъ и наклонился к женщине с тем нелепым заговорщическим видом, который бывает у незадачливых ухажёров.

– Не оборачивайтесь, – сказал он шёпотом. – Говорите мне что-нибудь и улыбайтесь. Посмотрим, что будет дальше. Может, это просто ваш ревнивый поклонник!

Шутка атмосферу не разрядила, но француженка с похвальным самообладанием тут же начала подыгрывать. Кокетливо хихикая, она принялась пальцами отламывать кусочки безе и класть Дмитрию Николаевичу в рот.

– Ayez pitié, Charlie! Je n'aime pas les sucres! (*фр. Помилосердствуйте, Шарли! Я не люблю сладкое!*) – взаправду взмолился тот, перехватывая её руку.

Шарлотта звонко рассмеялась.

Сцена получилась по-французски неприличная, но вполне убедительная, чем привлекла к себе любопытные взгляды. Метрдотель тоже повернулся и даже сделал шаг в сторону, очевидно, чтобы иметь лучший обзор. И тогда стоящий за ним соглядатай стал виден Рудневу.

Это был невысокий, но широкий в плечах человек, одетый дорого, и при этом вульгарно, как обычно любят рядиться антрепренёры. У незнакомца была огненного-рыжая всклокоченная шевелюра и того же цвета густая кудлатая борода. Диковинная масть и небрежность волос тут же навели Дмитрия Николаевича на мысль о парике и гриме. Присмотревшись, он узнал соглядатая.

– Шарлотта, я знаю кто за нами наблюдает. Его зовут Семён Битый. Он шнифер... То есть взломщик сейфов. Скажите, вы храните в номере деньги и драгоценности?

– Мои деньги в банке, я расплачиваюсь чеками. А все драгоценности я всегда держу под рукой, потому что никогда не знаю заранее, что захочу надеть.

– Все?! – не поверил Дмитрий Николаевич, припоминая украшения, которые видел на мадам Атталъ. – Вы хотите сказать, что в вашем номере хранятся драгоценности на десятки тысяч?!

– На сотни, – надменно поправила Шарлотта, а потом наконец сообразила, что происходит. – Il allait me voler! Nous devrions appeler la police! Vite! (*фр. Он собирается меня обокрасть! Нужно вызвать полицию! Скорее!*)

– Не стоит торопиться, – возразил Руднев. – Иначе мы его спугнём, и он придёт в другой раз. Лучше дадим ему возможность пробраться в ваш номер. Тогда полиция возьмёт его с поличным, и он более не будет вам угрожать.

– Mais Yvette là! Ma bonne! (*фр. Но там Иветт! Моя горничная!*)

– О, чёрт! – пробормотал Руднев. – Вот это скверно!

Он продолжал незаметно наблюдать за шнифером и осторожно осматривал зал, выискивая в нём его сподручных.

Дмитрию Николаевичу был хорошо известен послужной список Семёна Битого. Это был дерзкий и удачливый вор, промысляющий в основном в дорогих гостиницах и особняках. Обычно он действовал не один. Самым плохим было то, что Битый со своими подручными не брезговал лить кровь случайных свидетелей и имел на своем счету четыре загубленных жизни.

Очевидных напарников взломщика в зале видно не было, но Руднев вполне допускал, что мог их не определить. Люди были тёртые и опытные.

– Шарлотта, вы должны сделать всё так, как я велю, – произнёс Дмитрий Николаевич тем своим тоном, который обычно враз отбивал у собеседника желание перечить. – Я сейчас встану и оставлю вас. Сделаю вид, что собрался уходить. Пройду за пальто в шинельную, из неё всегда есть выход на черную лестницу... На каком этаже ваши апартаменты?..

– На третьем. Suite (*фр. люкс*) в левом крыле.

– Хорошо... Спустя минут пять, как я выйду, вы подзовёте официанта, скажете про грабителей и велите вызывать полицию. Здесь прислуга вышколенная, лишних вопросов вам задавать не станут. Я тем временем поднимусь к вам в номер, если повезёт, опережу бандитов и отведу вашу горничную в безопасное место. Что мне ей сказать, чтобы она поняла, что я от вас, и доверилась бы мне?

– Скажите: «Porte bleue à Venise» (*фр. Синяя дверь в Венеции*)... А если вы не успеете, Дмитрий?!

– Я буду действовать по обстоятельствам. Главное, сделайте, как я сказал. Вызовите полицию и оставайтесь на месте! Вы меня поняли?

Шарлотта кивнула и игриво улыбнулась, сделав рукой жест, позволяющий кавалеру уйти. Хладнокровие француженки Руднева восхищало.

Он встал, одёрнул фалды пиджака, наклонился к уху мадам Атталъ и, делая вид, что нащёптывает ей какую-то чушь, ободряюще сказал: «Ne t'inquiète pas». (*фр. Ничего не бойтесь.*) После, не глядя по сторонам, он направился прочь из зала. Проходя мимо Семёна Битого, Руднев краем глаза заметил, что тот внимательно за ним наблюдает. Не обращая на шнифера внимания, Дмитрий Николаевич зашёл за портьеру шинельной и принялся прихорашиваться перед зеркалом.

Минуты две взломщик внимательно присматривал за Рудневым, но в конце концов ему надоело наблюдать самовлюбленного барина, который всё это время с тщеславным упоением причёсывался, поправлял галстук, одёргивал манжеты и разглаживал лацканы пиджака. Заметив, что интерес к его персоне потерян, Руднев шмыгнул в угол за вешалки, где располагался ход на чёрную лестницу. Дежурный гардеробщик с изумлением воззрился на Дмитрия Николаевича и хотел было что-то спросить, но тот приложил палец к губам и бросил прислужнику вынутый из кармана полтинник. Полученный гешефт в полной мере унял беспокойство гардеробщика, и тот демонстративно уткнулся в газету.

Выскочив на чёрную лестницу, Дмитрий Николаевич бегом кинулся на третий этаж. Он торопился как мог, так что перед дверью в коридор третьего этажа был вынужден остановиться на несколько секунд, чтобы перевести дыхание и унять бешено колотившееся сердце.

Руднев осторожно вошёл на этаж и беззвучно направился в сторону левого крыла. На этаже никого не было, однако, не успев пройти коридор до половины, Дмитрий Николаевич услышал лязг поднимающегося лифта.

Руднев вжался в ближайший дверной проём и затаил дыхание.

Из лифта вышло несколько человек. Они тоже старались не шуметь и лишь изредка шёпотом перебрасывались короткими фразами.

Дмитрий Николаевич осторожно выглянул и увидел четверых мужчин, в одном из которых узнал ряженого в рыжий парик Семёна Битого. Один из четверых остался у дверей лифта, а трое других, включая шнифера, направились в сторону апартаментов швейцарской заводо-владелицы.

Руднев дождался того момента, когда дежуривший у лифта бандит повернулся в противоположную от него сторону, и одним броском оказался у того за спиной. Резким коротким ударом в шею он свалил лиходея, подхватил бесчувственное тело и осторожно опустил на пол, не произведя при этом ни единого звука. Он знал, что после такого удара бандит пробудет без сознания не менее получаса.

В хрупком невысоком Рудневе сложно было заподозрить опасного противника, но на деле Дмитрий Николаевич был невероятно силен и ловок. Годами оттачиваемое в нём Белецким мастерство рукопашного боя, в котором сочетались самые разнообразные стили от английского бокса до диковинных восточных искусств, и даже что приемы обычной дворовой драки, делали его крайне серьёзным адверсэром особенно против самоуверенной, но безыскусной силы одних лишь мускулов. Так что атака Дмитрия Николаевича против четверых – а уже по факту против троих – была предприятием хоть и рискованым, но не совсем безрассудным. Кроме того, Руднев имел многолетнюю привычку носить при себе русский Смит-Вессон, такой же, как стоял на вооружении у полиции: компактный, калибра 4,2 линии, шестизарядный, быстро перезаряжающийся.

Двигаясь абсолютно бесшумно от одного укрытия до другого, Руднев нагнал противников в нескольких шагах от дверей апартаментов мадам Аггаль.

Один из двух спутников шнифера остановился посреди коридора и принялся настороженно осматривать по сторонам. Сам Семён Битый аккуратно постучал в дверь. Та открылась, раздался приглушённый женский вскрик. Двое бандитов вломились в номер и прикрыли за собой дверь, судя по звуку, не запирая.

Дмитрий Николаевич проделал тот же фортель, что и у лифта, и второй из четверых налётчиков оказался обезвреженным. Оставались двое, но в их власти была женщина, как надеялся Руднев, ещё пока живая.

Оставаясь по-прежнему беззвучным невидимкой, он слегка приоткрыл дверь в номер. Приглушённый шум и испуганное женское всхлипывание доносилось откуда-то из глубины апартаментов.

Руднев вынул револьвер и шагнул внутрь номера. Скорым беззвучным шагом он пересёк прихожую и гостиную. Шум слышался в кабинете. Тихая, но свирепая русская брань мешалась с приглушёнными женскими возгласами на французском. Налётчики требовали открыть сейф, горничная утверждала, что не знает комбинацию цифр и молила её отпустить.

Заглянуть в кабинет, оставаясь при этом незамеченным, не представлялось возможным, поэтому Дмитрий Николаевич просто вошёл туда, держа Смит-Вессон наготове.

– Всем на пол! – рявкнул он. – Пристрелю!

Дислокация противников была следующей: Семён Битый стоял у сейфа и держал за волосы до смерти перепуганную горничную, в руке его был нож в треть аршина, который он упирал пленнице в горло. Напарник Семёна, здоровенный детина с тупым, но свирепым лицом, и увесистым ломиком в руке, находился на расстоянии прыжка от неожиданного гостя.

Мордоворот не растерялся и с лихим проворством кинулся на Дмитрия Николаевича. Тот, ни секунды не колеблясь, выстрелил нападающему в ногу. Здоровяк взвыл, выронил лом и, зажимая простреленную ляжку, повалился на пол. Он начал отползать прочь из кабинета, и Дмитрий Николаевич не стал ему в этом препятствовать.

– Отпусти её, – приказал Руднев, наводя револьвер на шнифера. – Отпусти, или мозги твои дурные будут со стены оттирать.

Изящный франтоватый барин выглядел так грозно и убедительно, что Семён очевидно занервничал. Он выставил Иветту перед собой словно щит и ещё плотнее прижал лезвие к горлу женщины.

– Порешу-у! – прошипел он, заглядывая Рудневу за спину, откуда очевидно ожидал появление подмоги.

– Те двое, что ты на шухере оставил, не придут, – объявил Дмитрий Николаевич. – Брось нож, говорю! И на пол!

Шнифер ещё плотнее спрятался за горничной и попробовал сместиться к стене, вдоль которой, видимо, намеревался пробраться под прикрытием заложницы к выходу. Руднев хладнокровно держал его на мушке, и едва лишь появился шанс хоть слегка задеть шнифера, Дмитрий Николаевич снова выстрелил. Пуля Семёна не зацепила, но рукав ему попортила.

– Сказано тебе дураку, на пол! – рыкнул Руднев.

Налетчик матюгнулся и пригрозил:

– Убери пушку, грач, не то бабу в раз порешу!

– Ну, порешишь, и что? Я же тебя тут же следом за ней отправлю. А проявишь благоразумие, я полиции расскажу про твое образцовое поведение. Глядишь, тебе каторга с поблажкой выйдет, а там через год уж и сбежишь. Так что не дури, Семён. Отпусти женщину.

Дмитрий Николаевич видел, что шнифер уже почти готов поддаться на его уговоры, но тут услышал за спиной какой-то едва различимый звук. Он резко обернулся и увидел, как в кабинет стремительно ворвались двое, вооружённые какими-то странными пистолетами.

Руднев инстинктивно пригнулся. Раздался хлопок такой, будто вылетела пробка из бутылки шампанского, и по волосам ему чиркнуло пулей. Дмитрий Николаевич кинулся в сторону, пытаясь укрыться за массивным столом из породистого красного дерева и выстрелил в направлении вновь появившихся, но те метались из стороны в сторону, так что он ни в кого не попал. А в следующее же мгновение сзади на него налетел ревуший от ярости шнифер и выбил Смит-Вессон у Руднева из руки.

Положение Дмитрия Николаевича сделалось аховым: в одиночку без оружия против троих, двое из которых вооружены пистолетами и один с ножом.

Семён Битый взмахнул косарём, целясь полоснуть Рудневу по горлу. Тот нырнул под занесённую руку, ударил налётчика локтем в челюсть, и когда того повело от крепкого удара, ухватил шнифера за грудки и с разворота швырнул на двух других нападавших. Первый успел увернуться, а второй оказался сбитым с ног, и вместе с Семёном эти двое забарахтались на полу.

Тот, что остался на ногах, снова навёл ствол на Дмитрия Николаевича, но раньше, чем нападавший успел нажать на курок, от двери раздался другой выстрел, отчётливый и громкий.

Уж и не зная, чего ожидать: новой угрозы или спасения, Руднев глянул на дверь. Там, держа двумя руками короткоствольный «Бульдог», стояла Шарлотта Атгаль. Ствол её револьвера дымился, а лицо было таким, что Дмитрий Николаевич чаял незамедлительный второй выстрел. Так и произошло. Француженка выстрелила ещё раз, очевидно поверх голов.

Покуда она палила, Семён и опрокинутый им неизвестный поднялись на ноги. Шнифер, у которого слетел парик и наполовину отклеилась борода, тут же упал на колени и поднял руки.

– Не губите, ваше благородие! – заголосил он испуганным дурным голосом, и тут же один из неизвестных выстрелил ему в голову.

Шарлотта вскрикнула и отшатнулась. Руднев, успевший за это время поднять свой Смит-Вессон, выстрелил в убийцу, но тот снова каким-то неуловимым движением ушёл от пули.

В следующий момент двое таинственных нападавших кинулись к окну, выбили стекло и выпрыгнули.

Мадам Атгаль истошно завизжала.

Дмитрий Николаевич подбежал к окну и увидел, что беглецы благополучно приземлились на натянутую на уровне первого этажа маркизу и, соскользнув с неё, тут же смешались с толпой зевая, привлечённых звуками выстрелов.

Руднев бросился к Шарлотте. Та уже не кричала, но стояла ни жива ни мертва, всё ещё сжимая в руках свой «Бульдог».

Дмитрий Николаевич попытался обнять женщину за плечи, но та отпихнула его:

– Yvette!.. Que lui est-il arrivé? (*фр. Иветт! Что с ней?*) – резко спросила она.

Руднев, стараясь не смотреть на труп Семёна Битого, склонился над лежавшей на полу горничной. Шарлотта тем временем деловито прятала револьвер в складках платья.

– Она жива, просто потеряла сознания, – констатировал Руднев и, подняв Иветт на руки, сухо повелел: – Давайте выйдем отсюда. Это место преступления. До прихода полиции нам не стоит здесь находиться.

Они вышли в гостиную, и Дмитрий Николаевич уложил Иветт на диван. Давешнее напряжение было готово прорваться в нём гневом.

– Почему вы не послушались меня, Шарлотта? – рявкнул он. – Я велел оставаться вам в ресторане. Вас могли убить!

Француженка подняла на него свои ярко-синие глаза. Ни страха, ни раскаяния, ни обиды в них не было. Женщина смотрела на Руднева с обескураживающим недоумением.

– Ты правда думал, что я брошу тебя, Дмитрий? – спросила она, а потом вдруг вскрикнула и тронула Дмитрия Николаевича за шею. – У тебя кровь!

Руднев, все ещё сердитый на неё, провел рукой у воротника. Пальцы его действительно оказались перепачканными в крови. Видимо, в пылу схватки он не заметил, что нож налётчика всё же слегка зацепил его. Дмитрий Николаевич чертыхнулся и зажал царапину платком.

– Дай лучше я, – проговорила француженка.

И раньше, чем он успел что-то ответить, Шарлотта обвила его шею руками и припала губами туда, где кровоточил порез.

Так их и застал Терентьев, который в этот момент вбежал в номер вместе с тремя сыскными агентами и городовым.

Глава 11

Инцидент в «Национале» во всех отношениях разрешился благополучно.

Французская подданная отказалась подавать жалобу и вызывать консула, более того она выразила своё восхищение оперативностью русской полиции и участливостью персонала гостиницы. Её служанка не пострадала. Перепуганную до истерики девицу принялись было отпаивать чаем, но госпожа со знанием дела налила горничной изрядную порцию киршвассера²⁵, и та сразу пришла в себя и повеселела.

Управляющий гостиницей, взнервлённый до трясучки не столько самим происшествием, сколько возможным скандалом, а главное, последствиями одного для собственной репутации и перспектив службы, изловчился в четверть часа переселить французскую гостью в княжеские апартаменты, унять панику у постояльцев, разогнать у подъезда зевак и не пустить на порог журналистскую братию, отделавшись кратким комментарием в том ключе, что имела место попытка ограбления, но, слава богу, была придушена в зародыше. Так что никаких имён и подробностей происшествия в газеты не просочилось.

Полиция тоже сорвала банк. Нежданно-негаданно криминальную статистику улучшило обезвреживание банды Семёна Битого. Двоим налётчикам, правда, удалось сбежать, зато остальные четверо не ушли. Двух оглушенных обнаружили на этаже, еще одного с простреленной ногой выследили по кровавому следу и схватили на лестнице, ну, а предводитель по глупому стечению обстоятельств словил пулю, пущенную его же сотоварищем. Обстоятельства гибели Семёна уверенно подтвердили оба свидетеля происшествия, так что и разбирательство смерти при задержании сыскным не грозило.

Помощник московской сыскной полиции выразил мадам Атталъ сожаление о том, что деятельность их управления находится пока не на той высоте, чтобы полностью исключать возможность подобных происшествий, выразил восхищение проявленным мадам мужеством и назидательно порекомендовал впредь хранить свои ценности в сейфовом расположении гостиницы, кое находится под специальной усиленной охраной и не может подвергнуться нападению злоумышленников.

Засим коллежский советник откланялся, оставив на месте происшествия дознавательную команду, и укатил, прихватив с собой Дмитрия Николаевича.

Во время разбирательства Терентьев и Руднев держались друг с другом исключительно официально, ни в коей мере не демонстрируя того факта, что они накоротке. Так что обсудить происшествие друзья смогли лишь уже в коляске.

– Дмитрий Николаевич, – начал Терентьев брюзгливо и постепенно распаяясь, – не далее, как сегодня утром нам была оказана честь и было поручено дело, на которое имеется высочайшее повеление. И спустя несколько часов вы устраиваете пальбу в «Национале», решив в одиночку захватить банду гайменников (*жарг. бандитов*). Какого чёрта вы в это ввязались?! Ну, узнали вы Семёна Битого! Честь вам и хвала! Так отчего же вы полицию-то сразу не позвали? На кой ляд сами в пекло полезли?! На даму впечатление хотели произвести?!

– Я и собирался вызвать полицию, – принялся оправдываться Руднев, игнорируя пассаж про даму. – Но мадам Атталъ сказала, что в номере горничная. Вы же понимаете, что налётчики её бы не пощадили! Что мне оставалось делать?! Я не мог рисковать жизнью женщины!

– Это конечно! Пусть бы вас там двоих положили, но жизнью *женщины* вы бы никогда не рискнули! Рыцарь, ишь ты! Вам потому красотки на шею и вешаются!

– Анатолий Витальевич, это-то тут причём?

²⁵ Киршвассер (кирш) – вишнёвая водка, изготавливаемая во Франции, Германии и Швейцарии.

– Действительно?! – усмехнулся коллежский советник, меняя сердитый тон на ироничный. – Это ж обычное дело, когда женщина своего спасителя из благодарности лобзает и в объятиях душит. Тем более француженка. Они, говорят, вообще исключительно темпераментны.

– Между прочим, Анатолий Витальевич, практически так оно и было! Шарлотта, естественно, была потрясена! Вот и кинулась ко мне, ища поддержки...

– *Шарлотта*, значит?... Ну-ну... – Терентьев уж откровенно забавлялся. – Вот научили бы вы меня, Дмитрий Николаевич, своему секрету. Какой такой подход нужен, чтобы французская миллионщица в объятия кидалась? Мне-то с моими запросами можно красотку и поскромнее, не обязательно, там, Шарлотту из Парижа при заводах. Можно, скажем, Ефросинью какую-нибудь из Костромы с доходом в тыщенок десять. Я б тогда, глядишь, службу оставил, барином заделался, детишек бы целый выводок наплодил.

– Вот уж службу свою вы точно никогда не оставите, – буркнул Руднев.

– И то верно, – согласился Анатолий Витальевич и, перейдя на серьёзный лад, спросил. – Мне показалось, Дмитрий Николаевич, что в официальных показаниях вы не всё рассказали? Я прав?

– Правы, – ответил Руднев и в подробностях описал странное вмешательство двух незнакомцев, убивших шнифера и сбежавших.

Коллежский советник присвистнул.

– Хотите сказать, молодчики эти были сами по себе? И оружие у них было с глушителями? И боевые качества не в пример уголовным?

– Именно.

– Кто же они?

– Кто не знаю, но имею предположение о том, что они там могли делать.

– Что же?

– Я почему-то думаю, что явились они по душу Семёна Битого и его людей. Убийство шнифера было абсолютно бессмысленным. Тот уж и сам сдавался, пощады просил. Но в него выстрелили, причём так, чтобы наверняка.

– Так что, по-вашему, это война шаек?

– Нет, Анатолий Витальевич. Я о другом думаю. А что, если наш шнифер не просто так к мадам Атталю полез? Предположим, что его кто-то нанял для того, чтобы похитить у француженки что-то конкретное. Не знаю, что бы это могло быть, но, допустим, это так... Тогда за бандитами могли быть приставлены наблюдатели для подстраховки. Они должны были вмешаться в том случае, если бы что-то пошло не по плану. А может, это были не просто наблюдатели, а палачи, которые должны были убить взломщиков, когда те сделали бы своё дело. Что скажете, Анатолий Витальевич?

Коллежский советник потёр подбородок и задумчиво произнёс:

– Версия неплохая. Вопрос в том, что этот гипотетический заказчик хотел получить? Самый простой вариант, если мы имеем дело с картелем, воруящим и перепродающим ценные камни и эксклюзивные украшения. Такие даже сейчас во время войны вполне себе успешно ведут дела, просто нашли другие рынки сбыта, не в Европе, а за океаном, в Америке. Но меня смущает вооружение и подготовка боевиков. С таким я не сталкивался. Не похоже это на деловых.

– И я так думаю, – согласился Руднев. – Особенно в свете того, что мне рассказала мадам Атталю.

Он передал коллежскому советнику новую версию истории про похищенный документ и про участие в ней одного из их подозреваемых – полковника Уварова.

– Думаю, всё это может быть одной историей, – сказал Руднев, завершая свой рассказ. – Вы сами, Анатолий Витальевич, всегда говорите, что вероятность двух преступлений в одном

месте и в одно время стремится к нулю. Нужно нам прояснить, что же на самом деле пытались похитить из сейфа мадам Аггаль, и кто в действительности стоял за этим взломом.

Анатолий Витальевич плутовато прищурился и с деланой озабоченностью произнес:

– Ох, придётся вам, Дмитрий Николаевич, ещё раз себя для пользы дела не пожалеть и к французенке на новое свидание напроситься, – а потом добавил абсолютно серьёзно. – Только уж вы, друг мой, с ней поосторожнее. Сегодня она к вашей шеи губами припадала, а ведь может и что-нибудь стальное приставить.

За этими разговорами друзья доехали до Пречистенки, где Терентьев должен был провести предбоевой инструктаж Белецкого и отправиться с ним на встречу с Рихтером-Судейкиным.

Управляющего они застали в библиотеке. Тот перебирал старинные фолианты, придирчиво выбирая наживку для своих будущих деловых партнёров.

– У Никифора рука дрогнула? – спросил он, увидев у Дмитрия Николаевича порез на шее и замаранный кровью воротник.

Никифором звали Рудневского камердинера.

– Не-ет, Белецкий! Этот наш бравый Дмитрий Николаевич у Семёна Битого брился, – отвечал Анатолий Витальевич и с исключительно ядовитыми комментариями рассказал о происшествии в «Национале», не акцентируя, правда, на *embarras* (*фр. конфуз*) с объятиями мадам Аггаль.

Руднев, даже не пытаясь возражать, терпеливо выслушал очередную порцию упрёков и назиданий, кратко дополнил про Уварова и высказал соображения на счёт заказчика ограбления, но, поскольку время поджимало, тему с «Националом» пришлось оставить и заняться муштрой новоявленного агента под прикрытием.

Несмотря на своё хладнокровие, Белецкий всё-таки заметно нервничал. Но, по словам Анатолия Витальевича, волновался он совсем не о том, о чём следовало.

– Вы, Белецкий, похожи на актера любительского театра, который боится забыть роль, – говорил он. – А ваша задача состоит совсем не в этом!

– Я понимаю, Анатолий Витальевич, моя задача – получить сведения. И это то, что я в первую очередь должен держать в голове.

– Нет, друг мой! Это вы должны держать в голове во вторую очередь. А в первую держите, пожалуйста, собственную безопасность. Сами по себе торгаши эти – люди аккуратные, склонности к кровавым разбирательствам не имеют. Ремесло их такое, что лишнее внимание к себе им привлекать не следует, поэтому в случае опасности и подозрений они скрываются, а не нападают. Но кто там за ними стоит, я теперь и не знаю. Так что уж вы, Белецкий, увлекаться себе не позволяйте. Ваше дело маленькое: выяснить, знают ли в немецких криминальных кругах что-нибудь про липовый заговор. Только да или нет. И глубже не суйтесь! Если есть там ниточка, мы её другим способом разматывать станем. Ясно вам?

Белецкий заверил, что ему всё ясно, и продемонстрировал три отобранные книги: «Приключения Телемака» Франсуа Фенелона, изданная типографией Пармского герцога в 1818 году, «Древняя российская гидрография», напечатанная в 1773 году в Санкт-Петербурге издателем Новиковым, и жемчужина этой маленькой коллекции – «Курфюрстская Библия», датированная 1698 годом и украшенная монограммой нюрбергского книгопечатника Вольфганга Эндтера.

Дмитрий Николаевич с тревогой покрутил в руках библию, погладил сафьяновый корешок с остатками золотого тиснения и проворчал:

– Мог бы что-нибудь и поскромнее для этих жуликов выбрать...

– Не волнуйтесь, Дмитрий Николаевич, – поспешил успокоить Руднева Белецкий. – Я не собираюсь предлагать эту книгу для продажи. Я скажу, что готов её обменять на другую, для которой у меня есть заказчик.

– Обменять? – удивился Руднев. – Зачем такие сложности? И на что ты её вдруг менять собрался?

– На это.

Белецкий выложил перед друзьями ещё один старинный фолиант, которым оказалась уже известная Дмитрию Николаевичу монография Оттера Базеля «*Über Schlangen*».

– Белецкий, довольно интересничать! – кинулся на будущего агента коллежский советник. – Объяснитесь наконец!.. Ваши букинистические инициативы меня не интригуют, а тревожат! Мы ещё не успели из дома выйти, а вы уже тут импровизацию развели! Тоже мне Сулержицкий²⁶ нашёлся!

– Я не успел вам рассказать, господа, – невозмутимо принялся объяснять Белецкий. – Наш магистр эзотерики кое-что нарыл об Ютенштайнах. Оказалось, что это имя ещё несколько раз всплыло в малой истории. Первый раз в связи с библиотекой некоего Арно Леджера, французского чудака вроде нашего Ираклия Семёновича, только жившего в Париже во времена Робеспьера и собравшего по свидетельствам современников уникальную коллекцию книг по алхимии и ядам. На мэтра Ленджера подали донос, в котором его обвиняли в монархизме и тайном намерении отравить членов Комитета общественного спасения²⁷. Якобы именно для этого он и коллекционировал свои книги. Бедняга взошёл на эшафот, а его библиотека была публично сожжена. Доносчиком являлся некто Александр Ютенштайн. Вторая история произошла в середине прошлого века в Венском университете. Один из профессоров биологического факультета Максимилиан фон Эггенберг являлся обладателем уникальной библиотеки. Книги в ней были в основном по прикладной ботанике, в том числе и посвящённые растительным ядам. Однажды профессор обвинил одного из своих студентов в похищении нескольких книг. Началось разбирательство, и на следующий же день библиотека сгорела. Доказать поджёг не удалось, однако под подозрение попала служанка профессора, которая якобы состояла в любовной связи с тем самым студентом, которого обвинили в воровстве. Её звали Луиза Ютенштайн...

Белецкий сделал многозначительную паузу, и уставший от исторического экскурса Терентьев тут же нетерпеливо вставил:

– Это очень познавательно, друг мой, но нет ли информации посвежее! По этим преступлениям уже вышел срок давности, да и Париж с Венной, слава богу, не в юрисдикции московского сыскальной полиции!

– Есть и кое-что посвежее, причём происходившее уже в наших палестинах. Где-то год назад коллекционерам и даже общественным библиотекам стали поступать предложения от анонима. Неизвестного интересовало несколько книг, которые он готов был выкупить по баснословной цене. Все эти книги касались средневековых отравителей и ядов. Среди них была и «*Über Schlangen*».

– И что в этом странного? – скептически спросил коллежский советник. – Мало ли у людей причуд? Ну, пришла кому-то в голову блажь собрать дьявольский рецептурник. И что? Вон моя кухарка всю кухню завалила поварскими записками, а готовит мне пяток блюд и то, если считать чай и хлеб с маслом.

– Станным, Анатолий Витальевич, в этой истории является то, что книги скупались не по одному экземпляру и не разные издания одного и того произведения. Выкупались все под чистую и в любом состоянии. Коллекционеры обычно так не поступают... Было и ещё кое-что настораживающее. Вершинин сказал, что поговаривали, будто несколько книг, которые владельцы не хотели продавать, были похищены или утрачены при загадочных обстоятельствах.

²⁶ Леопольд Антонович Сулержицкий – русский режиссёр, экспериментирующий с постановками спектаклей-импровизаций.

²⁷ Комитет общественного спасения – один из комитетов Национального Конвента, орган верховной власти в революционной Франции.

Более того, ходили слухи, что несговорчивых букинистов припугивали, а с двумя из них даже произошли неприятности. Один подвергся нападению хулиганов, а второму подожгли квартиру. Разузнав всё это, Ираклий Семёнович не решился оставить «Змеев» у себя и просил вас, Дмитрий Николаевич, обеспечить ей надёжную защиту. Для этого он мне её и отдал...

– Ну, хорошо, – перебил Терентьев, которого явно мало интересовала судьба книги. – А Ютенштайны тут причём? Вы сказали, скупщик был анонимным.

– Ютенштайны были тут, так сказать, по другую сторону книжной обложки. Клаус Ютенштайн так или иначе упоминался во всех запрашиваемых сочинениях. Ираклий Семёнович не видел весь список целиком, но в тех книгах, про которые он знал, отравитель присутствовал точно. К самому Вершинину также обращались от имени таинственного скупщика, спрашивали про «*Über Schlangen*». Почувствовав неладное, наш магистр заявил, что книги у него нет, что он её, дескать, давно продал и так далее. Вероятно, ему поверили и более не беспокоили. Но он уверен, что его экземпляр «Змеев» до сих пор ищут. Оказывается, издание это уникальное. Напечатано было всего пятнадцать книг, а на сегодняшней день сохранилось лишь пять. Если цель анонима собрать *все* книги, он должен следить, не объявится ли где ещё один экземпляр. И лучшими информаторами в данном вопросе могут являться перекупщики, особенно нелегальные. Вот я и подумал привлечь к себе интерес господина Лукашина, но не в прямую, предложив «*Über Schlangen*» на продажу, а наоборот, обозначив интерес к ней со стороны моего заказчика. Если повезёт, через Лукашина мы выйдем на анонима, а там, глядишь, и с Ютенштайном прояснится.

– Мне это не нравится! – решительно заявил Дмитрий Николаевич. – Белецкий, ты даже не понимаешь, во что намерен ввязаться! Те, кто за этой историей стоит, возможно и убили Вяземского. А он был профессиональным агентом, несравненно более опытным, чем ты.

– Ничуть не сомневаюсь в этом, – согласился Белецкий и упрямо продолжил. – Их сиятельство были очень серьёзным противником, поэтому у его врагов были веские основания опасаться Павла Сергеевича, а я для них совершенно неопасен. Подумаешь, какой-то мелкий жулик, вороватый управляющий, желающий нажиться на чужом добре и спасти свою грошовую шкуру за океаном...

Спор прервал коллежский советник. Он посмотрел на часы, хлопнул рукой по столу и командным голосом произнес:

– Так, господа! Больше времени на препирательства нет. Берите свои книжки, Белецкий, но разговора о «*Über Schlangen*» пока не заводите. Просто продемонстрируйте товар и скажите, что готовы обсуждать условия. Начните торговаться. Если всё пойдёт гладко, дальше решим, как нам действовать.

На этом обсуждение закончилось, и через несколько минут Анатолий Витальевич с Белецким сели в пролётку и покатали по темным отсыревшим улицам в сторону Китай-города.

Глава 12

Терентьев велел извозчику ехать через Волхонку. По набережной было бы быстрее, но с Москвы-реки налетали злые порывы холодного промозглого ветра, которые в купе с унылым морозящим и, казалось, бесконечным дождём пронизывали до костей. Оно и без того было студёно и неуютно. От холода и мокроты не спасали ни поднятый верх экипажа, ни драповое пальто Терентьева, ни габардиновый тренчкот Белецкого, так что путники ёжились, чертыхались и прятали в карманы озябшие руки.

Белецкий начал было задавать Анатолию Витальевичу вопросы, касающиеся его будущих знакомцев, но коллежский советник такого разговора не поддержал, а, напротив, принялся говорить на совершенно отвлечённые темы, стараясь тем самым снизить у Белецкого внутренний накал.

– Друг мой, – сказал он, пресекая расспросы добровольного агента, – чем менее вы будете осведомлены, тем естественнее будет ваша реакция. А от естественности зависит половина вашего успеха. В остальном же, общего представления об этой шайке, которое вы почерпали из моих бумаг, с лихвой хватит для вашего задания.

За пустяшными разговорами они свернули на Моховую, пересекли Воскресенскую площадь, обогнули угол Китайгородской стены и въехали в тёмное жерло Проломных ворот.

Оставшиеся ещё со времён Толкучего рынка лавки и магазинчики, тесно жавшиеся к белокаменной стене, были в этот час уже закрыты и в сгустившихся сумерках, пронизанных дождливой моросью, выглядели гнетуще, невзрачно и уныло.

Терентьев отпустил пролётку, и дальше они пошли пешком по Старой площади. Идти, к счастью, было недолго, иначе даже при зонтах друзья бы вымокли до нитки под сыпавшимся будто со всех сторон дождём.

Где-то на середине пути между Иоанно-Богословским храмом и углом Никитской, Анатолий Витальевич нырнул под хлипкий деревянный навес и постучал в дверь, выглядящую крепче, чем всё остальное строение. На соседствующем с дверью окне красовалась витиеватая, но полустёртая от времени надпись: «Галантерейный товар. Туалетные принадлежности для дам и господ. Перчатки. Ленты. Тесьма. Нитки. Фурнитура». Поскольку окно на ночь не было забрано ставнями, напрашивался вывод, что за лавкой не иначе как обеспечивается особый пригляд со стороны полиции или каких иных защитников, так что её хозяину не было причин опасаться налёта грабителей или куражного разгула завсегдаев окрестных злчных мест.

Друзьям пришлось подождать минуты три, прежде чем за дверью раздалось приглушённое: «Кто?».

– Свои! – грубо, не понижая голоса, ответил коллежский советник. – Открывай давай, твою прусскую мать! Мы тут уж околели!

Заскрежетали многочисленные замки и засовы, и дверь приоткрылась ровно на столько, чтобы в неё можно было пройти боком. Анатолий Витальевич плечом пихнул створку, распахивая её до половины.

– Что я тебе, кошка что ли? – недовольно буркнул он, шагнув в лавку.

Белецкий последовал за ним, и за его спиной дверь тут же снова была закрыта на все запоры.

– Никогда не мог понять, на хрена тебе, герр Анкэль, такая казематная дверь, коли ты ставни ленишься закрывать, – грубо проворчал Терентьев, отряхивая на себе мокрое пальто.

– Называйте меня, пожалуйста, Ануфрием Ануфриевичем, – нервно прокудахтал хозяин лавки.

Это был неряшливого вида человек средних лет с оплывшей фигурой, неаккуратно выбритым лицом и плешивой шевелюрой. Галантерейщик кутался в засаленный стёганный

шлафрок, голые ноги торчали из стоптанных войлочных бабушей, на шею в несколько слоёв был намотан свалывшийся шарф крупной вязки. У Рихтера-Судейкина был крайне неприятный бегающий взгляд, одновременно злой и заискивающий. Такими же были и интонации его речи, в которой, как и в речи Белецкого, нельзя было уловить ни малейшего намёка на немецкий акцент.

Галантерейщик держал в руках горевшую тусклым неровным огоньком керосиновую лампу, служившую в кромешной мгле магазина единственным источником света, которого едва хватало, чтобы пройти через лавку, не натыкаясь на предметы.

– Я уже много раз объяснял вашему высокоблагородию, – бубнил Судейкин, ведя гостей в жилую половину, которая располагалась над торговой частью на втором этаже. – Злоумышленники не станут разбивать стекло, потому что его звон привлечёт внимание городского, дежурящего на углу Никитской, а вот вскрыть дверь отмычками можно, не привлекая к себе лишнего внимания.

Вслед за хозяином гости прошли в захламлённую грязную комнату, назначение которой сложно было определить: диван и клавикорды намекали на гостиную, забитая пыльной посудой горка – на столовую, письменный стол свидетельствовал в пользу кабинета, а дранная ширма из бамбука и японского шёлка и платяной шкаф с обвисшей дверцей настаивали на спальне. В помещении противно пахло грязным бельём, прогорклым постным маслом и мышами.

– Тфу, пропасть! – брезгливо скривился Терентьев. – Свинья ты, Анкэль! А ещё вас – немчур – за аккуратность хвалят. Тут дышать-то гребостно!

– Я вынужден изображать русака! – огрызнулся галантерейщик и тут же получил от помощника начальника московской сыскальной полиции увесистую затрещину.

– Поговори мне ещё, собака гамбургская! – пророкотал коллежский советник.

Надо было отдать должное Анатолию Витальевичу, роль отпетого держиморды он играл виртуозно.

Ануфрий Ануфриевич болезненно пискнул и подобострастно забормотал слова извинения, буравя при этом полицейского чиновника трусливо-мстительным взглядом.

– Фимка! – позвал он.

В комнату ввалилась расхристанная страшенькая рябая девка с нагловатым лицом и ленивым взглядом.

– Окно открой, дура! – приказал Судейкин и нарочито важным голосом спросил. – Костюм мой готов?

Девка не без труда раскрыла рассохшуюся и перекосившуюся раму, а после изобразила что-то, отдалённо похожее на книксен.

– Платье-то почти готово, – отчиталась она, звонко шмыгнув сопливым носом и утерев его рукавом. – Тока вот, ваше степенство, порты на зад устачаю, а то ж разошлись.

Терентьев загоготал.

– Никак, твое степенство седалище отожрало? – глумливо спросил он. – Можь, пора тебе в цынтовку (*жарг. в тюрьму*) для моциону?

Информатор скрипнул зубами, но промолчал.

Он смёл на край письменного стола кипы каких-то бумаг, освободил два стула и пододвинул их к столу. После порылся в секретере и вынул оттуда графин богемского стекла и три лафитника.

– Извольте-с, – сказал Ануфрий Ануфриевич, с приторной улыбкой указывая гостям на стулья и разливая по рюмкам прозрачную жидкость.

– Шнапс? – спросил Анатолий Витальевич, приняв хиваясь.

– Ну, что вы, ваше высокоблагородие! – возмутился Рихтер-Судейкин. – Я же патриот! Это Шустовка²⁸ из старых запасов!

– А сухой закон²⁹ для тебя, собаки, не писан? – без особого запала поинтересовался полицейский чин, опрокидывая в себя стопку и пододвигая пустой лафитник для новой порции.

– Так оно ж исключительно в личных целях и для пользы здоровью, – захихикал галантерейщик, щедро подливая коллежскому советнику.

Судейкин поднял свою рюмку, кивнул гостям и бодро провозгласил:

– За знакомство!

Все трое выпили, и Ануфрий Ануфриевич снова потянулся к графину.

Тут впервые с момента прихода в дом к информатору заговорил Белецкий. Он прикрыл свой лафитник рукой и холодно произнёс:

– Не имею привычки к излишним возлияниям. В доме, где я служу, строгие правила.

Рихтер-Судейкин стрельнул в сторону надменного гостя недобрый взглядом и съязвил с паскудной улыбкой:

– Такие строгие, что пить нельзя, а воровать можно?

Белецкий и бровью не повёл. Продолжая высокомерно и презрительно разглядывать хозяина лавки, он обратился к Анатолию Витальевичу:

– Вы, господин коллежский советник, уверяли, что представите меня серьёзным людям, но эта хибара со всем своим добром, включая девку-замарашку, не стоит и пятой части моего товара...

– Не гоношись, Белецкий! – добродушно цыкнул Анатолий Витальевич. – Оно ж как Иван Андреич писал? Перл, он завсегда в дерьме прячется³⁰.

Неряшливый галантерейщик внезапно подобрался и враз сделался будто иным человеком – бывалым, хитрым и люто опасным.

– Вы бы, Фридрих Карлович, помолчали, пока не спрашивают, – сказал он глухо и размеренно. – Сперва пусть за вас их высокоблагородие выскажется.

Судейкин перевёл подозрительный взгляд на коллежского советника, а тот закинул ногу на ногу и вальяжно откинулся на спинку стула, всем своим видом давая понять, что он здесь безраздельный хозяин положения.

– Водки себе ещё налей, Анкэль, – посоветовал он информатору. – А то чегой-то ты сильно напряжённый. Эдак и подштанники на заднице треснут.

Помощник начальника московской сыскальной полиции развязно захохотал над собственной грубой шуткой в то время, как лица его собеседников оставались бесстрастными. Нимало не смущаясь тем, что остроумие его не было оценено, Терентьев небрежным тоном продолжил.

– Стало быть, ты, Ануфрий Ануфриевич, к Белецкому прояви полное уважение и окажи делу его всяческую помощь. Человек он, как я тебе уже говорил, обстоятельный. Прокручивает свою малую коммерцию и меня грешного ни рублем, ни какой иной мелочью не забывает...

– Так ведь барин его с легавыми за одно! – перебил Судейкин.

– Верно баишь, – благодушно согласился Анатолий Витальевич. – Господин его – управлению нашему большой помощник, так что всякий его человек, как жена цезаря – выше всяких подозрений. И только мне известно, что цезариха наша слаба на передок.

Терентьев снова в одиночестве повеселился своей сальной остротой, а потом внезапно лицо его сделалось жестоким и страшным. Стремительным движением он выкинул вперёд руку, схватил Белецкого сзади за шею и пригнул его к столу.

²⁸ Шустовка – сорт водки, производимый заводом одного из «водочных королей» Николая Леонтьевича Шустова.

²⁹ Сухой закон – В 1914 году в начале Первой мировой войны был издан императорский указ о запрещении производства и продажи всех видов алкогольной продукции на всей территории России.

³⁰ Терентьев намекает на басню Ивана Андреевича Крылова «Петух и Жемчужное зерно».

– Верно говорю, а, Фридрих Карлович? – проскрежетал он сквозь стиснутые зубы и, еще немного подержав, выпустил пленника.

Белецкий, не ожидавший такого развития событий, взаправду выглядел ошалело. Он отпрянул, дёрнул воротник, сглотнул и хрипло откликнулся:

– Ja... (нем. Да...)

Коллежский советник продолжал смотреть на Белецкого со злобным прищуром.

– В общем, наш почтенный книголюб долг передо мною имеет неоплатный, почему и не смеет отказать мне в услуге, – Терентьев перевёл взгляд на Судейкина. – Ты ведь, Анкель, тоже, надеюсь, помнишь, кому благополучием своим обязан?

Под бездушным взглядом полицейского чиновника Ануфрий Ануфриевич сжался и нервно закивал.

– Вот и хорошо, – удовлетворённо произнёс коллежский советник. – Не стоит вам, паскудам, забывать, в чьём вы кулаке.

Лицо его снова мгновенно переменилось и вновь сделалось расслабленным и благодушным.

– Чего вылупился, герр Рихтер? Наливай давай, – приказал Анатолий Витальевич и с развязной улыбкой бросил в сторону Белецкого. – И ты, Фридрих Карлович, давай с нами пей и не выпендривайся.

Немцы безропотно подчинились, и в полной тишине они втроем выпили ещё по рюмке.

– Значит так, – деловито заговорил коллежский советник. – Мне от тебя, Ануфрий Ануфриевич, нужно, чтобы ты ввёл Белецкого в ваше общество. Он там будет книжонки свои ветхие пристраивать. Мне до этого его предприятия интереса нету, а сам хочешь, так наложи на него оброк. Дело ваше! Для меня важно, чтобы он там у вас с человечком с одним сошёлся...

– С каким человечком? – живо спросил Судейкин.

– Не твоего собачьего ума дело! – рассердился Анатолий Витальевич, но тут же снова перешел на благодушный и даже что покровительственный тон. – Не мандражируй, Анкель! Разве ж Терентьев свою агентуру когда подводил? Для тебя вся эта история без последствий выйдет. И для Фридриха Карловича тоже, коли он дурить не вздумает, – коллежский советник подмигнул Белецкому и, издевательски посмеиваясь, добавил. – Честное благородное слово!

В этот момент в комнату вошла неряшливая Фимка, неся в охапку господский костюм и рубашку.

– Готово-с, – лениво промямлила она, сгружая хозяйский гардероб на заваленный всякой всячиной диван.

Терентьев поднялся, строго зыркнув на галантерейщика и своего протеже.

– Провожать не надо, – бросил он и направился к выходу.

В дверях коллежский советник зажал подвернувшуюся ему под руку Фимку и бесстыдно щипнул её за плоские груди. Девка глупо и похотливо хихикнула, но полицейский чиновник уж утратил к ней всякий интерес. Шаги его загрохотали по лестнице, нарочито громко хлопнула входная дверь, и в открытое окно послышалось зычное: «Извозчик!».

Теперь Белецкому предстояло сыграть свой спектакль.

На *Freundschaftstreffen in den besseren Kreisen* (нем. дружеская встреча в приличном обществе) Судейкин повёл Белецкого пешком.

С момента ухода полицейского чина немцы перешли на родной язык, но тем не менее галантерейщик потребовал от нового знакомого даже на немецком называть себя Ануфрием Ануфриевичем. Белецкий на такие нелепые трусливые предосторожности презрительно скривился, но просьбу уважил. Национальная общность, надо заметить, этих двоих нимало не сплачивала: Судейкин по-прежнему демонстрировал полицейскому ставленнику очевидное недоверие, Белецкий же не скрывал к новоявленному куратору брезгливое пренебрежение.

Приличное общество, куда пошли эти двое, имело свою штаб-квартиру с внутренней стороны Носовского подворья. Кляня нескончаемый дождь на языке Шиллера, немцы прошли Малым и Большим Черкасскими переулками, свернули в Космодамианский и напротив церкви святых братьев-бессребреников³¹ юркнули через арку на зады торговых рядов.

Войдя в неприметный, но аккуратный подъезд, они поднялись по лестнице с кованными перилами и оказались перед дверью с медной табличкой, надпись на которой впотымах разобрать было невозможно. Судейкин повернул ручку дверного звонка, за дверью брякнуло, и спустя минуту дверь отварила.

Миловидная горничная в накрахмаленном белоснежном фартучке и такой же кипенно-белой наклке в золотистых волосах присела в легком книксене и с любезной улыбкой приветствовала вошедших:

– Guten Abend! (*нем. Добрый вечер!*)

Она приняла у гостей зонты, шляпы и пальто и, гостеприимно указывая вглубь квартиры, произнесла ангельским голосом:

– Kommen Sie herein, meine Herren. Sie werden erwartet. (*нем. Проходите, господа. Вас ожидают.*)

Вслед за Судейкиным Белецкий шагнул в неосвещенный коридор, в конце которого был виден теплый золотистый свет, лившийся из ярко освещенной гостиной. Но не успели они сделать и пары шагов, как в полумраке раздался низкий утробный рык, и навстречу им выскочил огромный немецкий дог. Он был угольно-чёрным с благородной белой манишкой и белой маской на ощерившейся морде.

Ануфрий Ануфриевич вжался в стену и противно захихикал, глядя на оторопевшего Белецкого. Мощная и явно недружелюбно настроенная зверюга размеренным шагом приближалась к новому гостю, и по тому, как играли мышцы под её лоснящейся шкурой, было видно, что псина в любой момент готова совершить прыжок.

Собак Белецкий не боялся, но прекрасно понимал, что мускулистая тварь такой величины, несомненно, собьёт его с ног. Думать же о том, что произойдет, если клыкастые челюсти, своими размерами не уступающие медвежьему капкану, сомкнутся на его горле, ему и вовсе не хотелось.

Белецкий замер, не отрывая взгляда от собаки, а после издал резкий высокий свист, неприятно резанувший слух даже ему самому. Пёс остановился, припал на лапах, попятился, а после и вовсе развернулся и со смущенным видом потрусил в сторону гостиной, откуда в этот момент вышел высокий, ростом не ниже Белецкого, статный седоволосый господин, одетый в консервативный, но идеально сидящий по фигуре, сюртук.

– Что вы такое сделали с малышом Нероном? – со смехом спросил седоволосый по-немецки.

– Слегка припугнул, – ответил Белецкий. – Меня научили этому фокусу на Алтае. Там таким свистом кочевники отгоняют волков.

³¹ Имеется в виду Храм Космы и Дамиана Римских.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.